

ЧЕЛОВЕК

3 · 2023

ЧЕЛОВЕК

2023. Том 34, номер 3

Научный журнал

Учредители: Российская академия наук, Институт философии Российской академии наук
Издатель: Российская академия наук

Журнал основан И.Т. Фроловым в 1990 году

Главный редактор Р.Г. Апресян*

Приглашенный редактор номера А.В. Углева

Редакционная коллегия

С.С. Аванесов (Великий Новгород), К.В. Анохин (Москва), Т.В. Артемьева (Санкт-Петербург),
И.Е. Гарбер (США), Ф.И. Гиренок (Москва), А.С. Десницкий (Москва), В.В. Знаков (Москва),
А.Б. Каменский (Москва), О.А. Кривцун (Москва), Е. Намли (Швеция),
З.В. Островская (отв. секретарь, Москва), Н.Е. Покровский (Москва),
Н.С. Розов (Новосибирск), Ю.В. Синеокая (Москва), М.В. Фаликман (Москва),
А.Н. Фатенков (Нижний Новгород), О.В. Федорова (Москва),
П. Чичовачки (США), М.М. Шахнович (Санкт-Петербург)

Редакционный совет

А.А. Гусейнов (Москва), Д.Э. Гаспарян (Москва), В.С. Диев (Новосибирск),
Г.В. Каковкин (Москва), А.П. Козырев (Москва), О.В. Попова (Москва),
А.В. Смирнов (Москва), А.П. Скрипник (Саров),
Т.В. Черниговская (Санкт-Петербург), Г.Б. Юдин (Москва)

Периодичность: 6 раз в год

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-76826 от 01.10.2019

*Включен Министерством юстиции РФ в реестр иностранных агентов.

© Российская академия наук, 2023
© Институт философии РАН, 2023
© Редакция журнала «Человек»
(составитель), 2023

CHELOVEK

The Human Being

2023. Volume 34, Number 3

Scholarly journal

Founders: Russian Academy of Sciences; Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

Publisher: Russian Academy of Sciences

Journal founded by Ivan T. Frolov in 1990

Editor-in-chief — Ruben Апресян

Editorial Board

Anokhin K. (Kurchatov Institute, Moscow), *Artemyeva T.* (Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg), *Avanesov S.* (Yaroslav-the-Wise State University, Velikiy Novgorod), *Cicovacki P.* (College of the Holy Cross, USA), *Desnitsky A.* (Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow), *Falikman M.* (Higher School of Economics, Moscow), *Fatenkov A.* (Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod), *Fedorova O.* (Lomonosov Moscow State University, Moscow), *Garber I.* (Saratov State University; Harvard University, USA), *Girenok F.* (Lomonosov Moscow State University, Moscow), *Kamensky A.* (Higher School of Economics; Poletayev Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities, Moscow), *Krivtsun O.* (Research Institute of Theory and History of Fine Arts, Russian Academy of Arts, Moscow), *Namli E.* (Uppsala University, Sweden), *Ostrovskaya G.* (Executive Secretary, *journal Chelovek/The Human Being*, Moscow), *Pokrovsky N.* (Higher School of Economics; Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow), *Razov N.* (Novosibirsk State University, Novosibirsk), *Shakhnovich M.* (St. Petersburg State University, Saint Petersburg), *Sineokaya Yu.* (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow), *Znakov V.* (Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Editorial Council

Guseynov A. (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow), *Gasparyan D.* (Higher School of Economics, Moscow), *Diev V.* (Novosibirsk State University, Novosibirsk), *Kakovkin G.* (Independent Researcher, Moscow), *Kozyrev A.* (Lomonosov Moscow State University, Moscow), *Popova O.* (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow), *Smirnov A.* (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow), *Skrjpnik A.* (National Research Nuclear University MEPhI; Sarov Institute of Physics and Technology, Sarov), *Chernigovskaya T.* (St. Petersburg State University, Saint Petersburg), *Yudin G.* (The Moscow School of Social and Economic Sciences; The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow)

Frequency: Bi-monthly

Federal Communications, Information, and Media Oversight Service Registration N ФС 77-76826, 01.10.2019

© Russian Academy of Sciences, 2023

© Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 2023

© Chelovek/The Human Being Editorial Board (compilation), 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ ЧЕЛОВЕКА

А.В. Углева

Культура вины и ответственность врача при использовании систем поддержки принятия врачебных решений 9

И.Ю. Ларионов, Н.В. Перова

«Машина Бога» Дж. Савулеску как моральный агент и проблема ответственности 24

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В.Ю. Перов, С.В. Глебова

Моральная ответственность: дескриптивный и нормативный подходы 41

О.Д. Агапов, И.О. Агапов

Номо academicus как субъект ответственности 60

Г.Л. Тульчинский

Смысл, субъектность и ответственность в цифровых коммуникациях 73

И.Г. Снетков

Стратегии натуралистического объяснения моральной ответственности: компатибилизм и элиминативизм 93

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

Г.А. Часовских

Экзистенциальная проблематика философии сестринского дела Дж. Травелби и К. Мартинсен в перспективе паллиативной помощи 111

Г.А. Карпова

Этическая экспертиза в сфере здравоохранения с применением ИИ: методология дизайна ценностей 129

В.А. Прохода

Экологическая ответственность населения: опыт социологического измерения 146

СИМВОЛЫ. ЦЕННОСТИ. ИДЕАЛЫ

А.В. Прокофьев

**Моральная ответственность, моральные санкции
и ценностно-нормативное содержание морали 165**

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

А.Р. Апресян

Искусство в Сети: в пределах досягаемости? 183

Информация для авторов 187

CONTENTS

THE PHILOSOPHY OF THE HUMAN BEING

A.V. Ugleva

**The Culture of Guilt and the Responsibility of the Physician when
Using Clinical Decision Support System 9**

I.Yu. Larionov, N.V. Perova

**J. Savulescu's "The God Machine" as a Moral Agent
and the Problem of Responsibility 24**

SCIENTIFIC RESEARCH

V.Y. Perov, S.V. Glebova

**Moral Responsibility:
Descriptive and Normative Approaches 41**

O.D. Agapov, I.O. Agapov

Homo Academicus as an Agent of Responsibility 60

G.L. Tulchinsky

**Meaning, Subjectness and Responsibility in
Digital Communications 73**

I.G. Snetkov

**Strategies of Naturalistic Explanation
of Moral Responsibility: Compatibilism and Eliminativism 93**

SOCIAL PRACTICES

G.A. Chasovskikh

**Existential Problems of the Philosophy of Nursing
J. Travelby and K. Martinsen in the Perspective
of Palliative Care 111**

E.A. Karpova

AI in Health Ethical Review: A Value Design Methodology 129

V.A. Prokhoda

**Environmental Responsibility of People:
A Sociological Survey 146**

SYMBOLS. VALUES. IDEALS

A.V. Prokofyev

Moral Responsibility, Moral Sanctions, and the Content of Morality	165
---	------------

REVIEWS

A.R. Apresyan

Art on the Web: Within reach?	183
Information for Authors	187

СПЕЦИАЛЬНЫЙ НОМЕР:

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: СУБЪЕКТ, АВТОНОМИЯ И ОБЯЗАННОСТЬ

Понятие ответственности является традиционным для этического и правового дискурса. Социально-политическое значение этого понятия актуализируется благодаря Нюрнбергским процессам второй половины 1940-х годов, остро поставившим вопрос об ответственности за преступления против человечности. Широкие общественные движения второй половины XX века против гонки вооружений, за гражданское равноправие, за сохранение и восстановление природы, за смягчение последствий глобального изменения климата, международную справедливость и др. продемонстрировали широкое общественное осознание ответственности как нормативного понятия, которое распространяется на все сферы общественной практики. Это послужило импульсом для философского переосмысления концепта ответственности и дальнейшего прояснения условий ее возможности, оснований, предмета и нормативных контекстов в рамках XIII Международной конференции «Субъект и ответственность: природа, общество, культура», организованной Школой философии и культурологии ФГН НИУ ВШЭ 6–8 октября 2022 года.

Данный номер журнала «Человек» продолжает тематику конференции, и большинство представленных здесь статей подготовлены на основе сделанных на конференции докладов. Тематика номера весьма разнообразна. Однако объединяющим все статьи мотивом является попытка встроить моральную ответственность в систематическую теорию. Проводя сущностное различие между ретроспективным и проспективным видами ответственности, авторы отвечают на важнейший вопрос этики ответственности — кем и чем она иницируется: чувством обязательности у действующего субъекта, реципиентами его действий, его партнерами по коммуникативному или социальному взаимодействию, нормативным стандартом, осознанием субъектом своей принадлежности нормативному сообществу или чем-то иным? Философы сегодня

говорят не только о моральной, но и об эпистемической ответственности. Аналогичные изменения наблюдаются в понимании связанной с ответственностью субъектности. Если теоретические трансформации понимания индивидуального субъекта как субъекта ответственности не являются чем-то новым, то практическое изменение понимания субъекта ответственности, происходящее в последние годы, можно назвать радикальным. Сегодня ответственность повсеместно приписывается не только индивидуальным или коллективным субъектам, но и природным механизмам или артефактам — процессам в головном мозге или ЦНС, искусственному интеллекту и т.п.

В статьях А.В. Прокофьева, В.Ю. Перова и С.В. Глебовой, И.Ю. Ларионова и Н.В. Перовой рассматриваются нормативные аспекты моральной ответственности, ее место в системе моральных ценностей и принципов, а также в структуре моральной агентности. В попытке обосновать моральную ответственность как укорененную в природе человека выстроена статья И.Г. Снеткова, в которой анализируется стратегия натуралистического обоснования морали и поиск нейробиологических коррелятов моральной ответственности. В статьях Г.А. Часовских и А.В. Углевой осмысливаются вопросы автономии морального агента и распределенной ответственности в медицинской практике, дается оценка ключевых интенций этики вины и этики заботы. В статье О.Д. и И.О. Агаповых уделено внимание взаимосвязи моральной и социальной ответственности, правилам поведения в условиях антидискриминационной повестки. В развитие этой тематики в статье Г.Л. Тульчинского с позиции прагматической и глубокой семиотики осмысливаются технологии контроля и личностной паррезии в рамках цифровой коммуникации, преодоление дисбаланса прав и ответственности посредством комплексной гуманитарной экспертизы. В продолжение этой темы в статье Е.А. Карповой в центре внимания оказывается трудность формализации моральных требований (норм и ценностей) в алгоритмах и поиск решения проблемы дегуманизации общественно значимых областей знания и практики посредством этической экспертизы.

Надеюсь, номер журнала «Человек» на тему «Ответственность: субъект, автономия и обязанность» будет способствовать дальнейшему развитию дискурса ответственности в современной российской социально-философской мысли.

*Приглашенный редактор номера
А.В. Углева*

КУЛЬТУРА ВИНЫ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ВРАЧА ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ СИСТЕМ ПОДДЕРЖКИ ПРИНЯТИЯ ВРАЧЕБНЫХ РЕШЕНИЙ

Углева Анастасия Валерьевна — кандидат философских наук, PhD, доцент Школы философии и культурологии.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Российская Федерация, 101000 Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

ORCID: 0000-0002-9146-1026

augleva@hse.ru

Аннотация. Цель данной статьи заключается в обосновании необходимости пересмотра структуры моральной и уголовной ответственности врача в общественной системе, в которой ему навязывается культура вины, то есть единоличная персональная ответственность за любую медицинскую ошибку, совершенную в том числе с участием системы поддержки принятия врачебных решений. От патерналистской модели взаимоотношений «врач–пациент» начиная с 1970-х годов совершен переход к модели совместного ответственного поведения, в которой каждой стороне вменяется в обязанность знание и понимание природы выносимых клинических решений, что должно быть подкреплено в случае включения в процедуры диагностики и лечения технологий искусственного интеллекта особой формой информированного согласия как для пациента, так и для врача. При этом фактически отсутствует четкая регламентация процесса сообщения и работы с информацией и персональная ответственность высшего менеджмента за формирование системы медицинского обеспечения. В силу принципиальной непрозрачности

работы постоянно развивающихся технологий искусственного интеллекта окончательное решение должно оставаться за врачом. Однако обоснование его ответственности в актуальных технологических условиях требует нового общественного договора внутри профессиональной среды относительно условий внедрения систем поддержки принятия врачебных решений в широкую медицинскую практику.

Ключевые слова: искусственный интеллект, доверие, медицинская ошибка, ответственность врача, система поддержки принятия врачебных решений, культура вины, автономия.

Ссылка для цитирования: Углева А.В. Культура вины и ответственность врача при использовании систем поддержки принятия врачебных решений // Человек. 2023. Т. 34, № 3. С. 9–23. DOI: 10.31857/S023620070026423-2

Высокая степень ответственности, как моральной, так и юридической, которую несет врач в ситуации принятия сложного клинического решения, обуславливает необходимость осмысления обстоятельств этого выбора и поиска возможностей для эффективной помощи ему. Разработка систем поддержки принятия врачебных решений (СППВР) на основе новейших технологий искусственного интеллекта (ИИ) с машинным обучением вселяет естественную надежду на совершенствование и масштабирование их применения в широкой медицинской практике при условии ответственного проектирования. Эта надежда связана, с одной стороны, с минимизацией рутинной части работы врача и повышением маржинальности, а с другой — с ускорением процесса поиска оптимальных решений на основе обработки масштабных баз данных о пациентах. Более сложной и менее предсказуемой формой таких систем является нейронная сеть, позволяющая осуществлять процедуры прогнозирования заболевания с высокой степенью вероятности, однако порождающая ряд существенных этических вопросов, связанных с принципиальной непрозрачностью механизма, поскольку основана она на принципах глубинного обучения с различного рода предвзятостями [Nebeker et al., 2019] и погрешностями, которые она до сих пор допускает в силу низкой робастности: небольшое изменение входных данных приводит к полному циклу переобучения системы и минимальной возможности интерпретации полученных результатов.

Нетривиальными и крайне актуальными этическими проблемами в условиях все более интенсивного внедрения технологий ИИ являются проблемы доверия к ним, справедливости распределения ответственности в случае допущения медицинских ошибок, а также предвзятостей, которые, как правило, сопровождают

человеческие решения, но тем более будут сопровождать решения, принимаемые ИИ, потому как пишущие алгоритмы люди будут автоматически прописывать эти предвзятости в цифровых кодах. Под предвзятостью имеется в виду свойство системы ИИ (СИИ), заключающееся в принятии ошибочных решений, связанных со статистической смещенностью обучающей выборки исходных данных. Доверие к СИИ — важнейшее условие, определяющее возможность применения этих систем при решении ответственных задач обработки данных. Примером таких задач является поддержка принятия врачебных решений с помощью технологий ИИ, которые представляют собой комплекс технологических решений, позволяющих имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека.

Объектами доверия могут выступать как выводы или итоги работы СИИ, действующие как «черный ящик», так и сами процессы, которые приводят к этим выводам. Возникает необходимость поиска этической модели для обоснования человекоцентричной СИИ. В качестве таковой можно рассматривать релейабелизм как этико-эпистемическую теорию, предлагающую релевантный способ обоснования доверенного ИИ, выносящего суждения, достоверность которых непосредственно зависит от надежности их источника. Если в случае человека таковыми являются его когнитивные способности (память, восприятие, интроспективные состояния и процессы), то в случае технологий ИИ такие когнитивные способности весьма ограничены, хотя именно их создание составляет амбициозную задачу для разработчика. Пока сомнительной видится всякая попытка воспроизведения этики добродетели применительно к *нечеловеческим агентам*. Но процесс принятия СИИ-решений может рассматриваться как надежный настолько, что мы можем ему доверять, как и *человеческому актору*. Это доверие требует строго соблюдения пяти принципов этичности ИИ, среди которых: 1) непричинение вреда; 2) благодеяние; 3) автономия, которая, с одной стороны, предполагает право пациента на принятие самостоятельного решения в отношении своего медицинского обслуживания и лечения на основе своих собственных ценностей и убеждений (этот принцип подчеркивает важность информированного согласия), а с другой — интеллектуальную автономию врача, которая становится весьма уязвимой в случае внедрения ИИ в клиническую практику прежде всего потому, что есть риск своего рода укоренения зависимости, то есть постепенного снижения его когнитивных и моральных навыков; 4) справедливость (в том числе противодействие разнообразных

А.В. Углева

Культура вины и ответственность врача при использовании систем поддержки принятия врачебных решений

дискриминационных эффектов от решений СИИ по причине, как правило, необъективных данных обучения, которые могут использоваться для подготовки моделей и оценки их прогностической эффективности [Barocas et al., 2020]. Это тем более важно в условиях отсутствия единой базы данных о пациентах. Упомянутые первые четыре принципа отсылают к четырем биоэтическим принципам (так называемая джорджтаунская мантра); 5) принцип объяснимости, включающий в себя и эпистемологический смысл понятности (прозрачности механизма), и этический смысл подотчетности (принцип ответственности) [Floridi, Cowls, 2022].

Таким образом, для медицины огромное значение имеет проблема предвзятости алгоритма, которая составляет основную трудность при определении этичности СИИ в двух аспектах. Первый связан с конфликтом между разными этическими принципами (например, благодеяния и автономии), второй — с проблемой выбора конкретной реализации отдельного принципа в некоторой реальной ситуации (например, не всегда ясно, что значит действовать справедливо) [Krijger, 2021]. Вторая проблема, которую иногда связывают с недоопределенностью нормативных высказываний [Feenberg, 2017], осложняется тем, что предвзятости или иные неприемлемые ценностные предпочтения могут быть плотно и глубоко «вшиты» в программный код ИИ [Feenberg, 2005]. В итоге неоднозначным и слишком подвижным метрикам этической валидации медицинского ИИ могут противостоять плотно укорененные предвзятости, например, в отношении качества жизни людей с ограниченными возможностями, понимания медицинской нормы и т.п. Многие из этих важных этических аспектов выливаются в теоретические и практические вопросы, касающиеся ответственности и ее распределения [см., напр., Bleher, Braun M., 2021].

СППВР призвана помогать специалистам путем предоставления им медицинских рекомендаций, подкрепленных доказательствами, которые в противном случае не были бы доступны в разумные сроки [Di Nucci, 2019]. Учитывая растущие технические возможности и эпистемическую зависимость специалиста, возникает вопрос, является ли и в какой степени профессионал по-прежнему полностью ответственным за принятие клинических решений? Несмотря на обширную теоретическую литературу по СППВР в медицине, в настоящее время практически отсутствуют сколько-нибудь значимые исследования пусть даже прогностического характера моральной и юридической ответственности врача за решения, принятые с помощью этой системы, хотя речь идет о радикальной трансформации сущностных представлений о его моральной агентности при наличии персональной ответственности, в том числе уголовной.

Технологии ИИ не обладают самостоятельной когнитивной способностью, вследствие этого постоянно увеличивается разрыв между решением, принятым ИИ, и способностью конкретного специалиста (врача) понять, как это решение было принято и почему оно такое, какое есть. Это ставит вопрос о доверии к решениям, принимаемым СИИ [Ну, 2020]. Доверие заключается в понятности работы ИИ пользователю, так как должно быть сформировано ощущение правильности выбора варианта решения проблемы программой-советчиком.

Возможные негативные последствия, связанные с пограничными уровнями доверия к системе, могут приводить к чрезмерному доверию к неидеальной системе, что чревато медицинскими ошибками¹, или, напротив, к чрезмерному недоверию к системе и, как следствие, к отказу от ее использования. Пока ясно одно: почти все знания, производимые сегодня системами ИИ, имеют исключительно информационный характер. Почти нет инструментов, которые обобщали бы пользовательский опыт использования интеллектуальной системы, основанной на нейросетях. Сегодня СИИ в некотором смысле имитирует продукт человеческих действий. Чтобы приблизиться к возможностям человеческого интеллекта, ИИ должен обладать способностью обобщать знания [Chollet, 2019], осмысливать свои действия и вербализировать свой опыт.

¹ Под медицинской ошибкой понимается «неспособность запланированного действия завершиться согласно изначальному плану (ошибка исполнения), использование неправильного алгоритма для достижения цели (ошибка планирования)» [Reason, 1990]. Медицинские ошибки — третья причина смертности в мире [Makary, Daniel, 2016: 2] и одно из ключевых условий быстрого профессионального выгорания врачей, сопровождающегося тревогой по поводу возможного повторения ошибки в будущем [Waterman et al., 2007], и потери профессионального авторитета. Эта тревога во многом подкрепляется культурой вины, в соответствии с которой, как правило, именно лечащий врач несет единоличную персональную ответственность за допущенные ошибки. Об этом свидетельствует и экспоненциальный рост уголовного судопроизводства и количества обвинительных приговоров. Культура вины влияет на стиль менеджмента, в который входит не только совокупность дисциплинарных взысканий, но и регулирование межличностных отношений (внутри профессиональных коллективов, в отношении «врач—пациент» и пр.). Культура вины поддерживается практикой «закрытых дверей», когда медицинские ошибки не являются предметом регулярного коллективного обсуждения. Уникальным в этом отношении случаем является Кодекс Американского колледжа врачей, вменяющий врачам в обязанность раскрывать пациентам информацию о процедурных ошибках, допущенных в ходе оказания ими медицинской помощи, если такая информация является существенной для лечения и благополучия пациента [American College of Physicians, 1998]. При тенденции к широкому внедрению ИИ в клиническую практику тем более возрастает ответственность врача, в том числе за ошибку ИИ. Во избежание существенного оттока кадров требуется жесткая регуляция процесса со стороны контролирующих органов.

А.В. Углева

Культура вины
и ответствен-
ность врача
при использо-
вании систем под-
держки приня-
тия врачебных
решений

Возникает парадокс: человек может создать инструмент, сложность которого превышает его когнитивные способности, и поэтому он не может эффективно его использовать. Чтобы разрешить этот парадокс, необходимо переосмыслить роль и возможности человека в созданной им технологической реальности, а также разработать новую концепцию совместного развития машинного и человеческого интеллекта, действующую на эволюционной основе [Krinkin et al., 2022]. В некоторых случаях люди воспринимают ИИ как инородное существо, непонятное и порой представляющее некую опасность для человека. Преодолеть это ограничение возможно, если обучение интеллектуальных систем будет происходить в процессе их эксплуатации. В этом случае разрыв в общении между врачом и ИИ будет сокращаться.

Исследования [Lepri et al., 2021] показали, что способ объяснения влияет на восприятие пользователями справедливости алгоритма. Существуют индивидуальные различия, которые определяют, как люди реагируют на различные виды объяснений. Следовательно, восприятие СИИ зависит от способа обучения, а значит, антропоцентрическая система отсчета в развитии ИИ не только законна, но и необходима, и человек не может быть исключен из схемы развития ИИ².

До тех пор, пока системы ИИ будут конкурировать с человеческими ресурсами и пытаться заменить их, человечество будет сталкиваться с проблемой непринятия ИИ [Hu, 2020]. Доверие человека к инструменту (технологии) может быть основано на нескольких принципах: понимании алгоритма его работы и способа получения результатов; успешном опыте его использования коллегами; доверие к его разработчику. Индивидуальный характер использования персонализированных инструментов (например, интеллектуальных помощников) не позволяет ссылаться на других пользователей. Единственное возможное решение — принятие пользователем непосредственного участия в создании и обучении технологии. Именно в этом случае пользователю может быть понятна его собственная ответственность за принимаемые совместно с СППВР решения, а их эффективность напрямую будет зависеть от достаточности клинического опыта у конкретного специалиста.

В контексте взаимодополняющих возможностей человеческого и искусственного интеллекта люди доказали свое превосходство в различных ситуациях, требующих свободы мышления наряду со скоростью, эмоциональностью, стереотипностью и

² См., к примеру, результаты качественного исследования [Funer et al., 2022].

так называемой человеческой интуицией. Машины эффективны в решении повторяющихся задач, требующих быстрой обработки огромных объемов данных. Подход гибридного интеллекта позволяет человеческим экспертам применять предсказательную мощь ИИ, одновременно используя собственную интуицию и эмпатию для принятия решений на основе прогнозов ИИ, что требует непрерывного параллельного обучения как ИИ, так и естественного интеллекта [Dellermann et al., 2019], исходя из главного этического принципа врача — ненанесения вреда. Однако эта категория тоже составляет некоторую проблему в силу своей недоопределенности, несмотря на огромный пласт посвященной ей профессиональной литературы. Вред здоровью является исключительно правовым понятием. С судебно-медицинской точки зрения для определения понятия «вред здоровью» используются медицинские критерии, на основании которых устанавливается степень его тяжести. В самой же медицине «вред» используется в случае оценки показаний и противопоказаний к операции, то есть в связке «вред–польза–риск», в которой ключевым оказывается понятие «риск». Выявление основных рисков и вреда (для человека и общества) составляет основу этического осмысления проблемы внедрения технологий ИИ в клиническую практику. К числу таких рисков можно отнести следующие: деградацию фундаментальных эмпирических знаний и навыков, непосредственно связанных с элементарными рутинными навыками и процедурами, лежащими в основе тех или иных видов научно-технической деятельности; размывание ответственности за решения, принятые с участием экспертных систем на основе ИИ; десубъективацию преимущественно человеческих видов деятельности, таких как врачебная деятельность и др.

Доступность ИИ в перспективе может снизить критичность, понимание ошибки того, работает ИИ или нет. ИИ может быть использован для системного аудита качества диагностики в ходе ретроспективного анализа (автоматизированного пересмотра исследований с целью выявления пропущенных патологий). И это безусловное благо. Одновременно с этим, например, оценка качества рентгенологических снимков и гистологических срезов — по-прежнему сфера ответственности врача, пренебрежение которой может приводить к неожиданным решениям со стороны СИИ.

Известно, что если ошибся морфолог, то клиницист-онколог может принять неверное решение о проведении операции. Однако жаловаться в судебные инстанции потерпевшая сторона будет не на морфолога, а именно на хирурга. Поэтому хирурги доверяют очень ограниченному кругу диагностов, понимая, что ответственность за себя в первую очередь примет именно лечащий врач.

А.В. Углева

Культура вины и ответственность врача при использовании систем поддержки принятия врачебных решений

И большой вопрос: готовы ли они роль посредника между ними передать ИИ? Тем более в условиях российского судопроизводства. Система в нашем случае, как правило, винит врача. В других цивилизованных странах такого фокуса на эти проблемы почти нет, потому что в них медицинские ошибки разбираются в гражданском судопроизводстве. Ответчик — это клиника, которая выбрала себе программное обеспечение и в случае предъявления к ней гражданского иска имеет право обратиться к разработчику с требованием компенсации. Такова справедливая и понятная схема распределенной ответственности. В России же преобладает уголовное судопроизводство, поддерживающее культуру вины лечащего врача.

Дискуссии об этичности технологий ИИ в последние несколько лет, происходящие на разных площадках, убеждают в том, что разработчик в нынешних условиях постановки вопроса наделяется исключительным статусом неприкосновенного субъекта, исключенного из дискурса ответственности за медицинские ошибки, совершенные в том числе при участии разработанных им алгоритмов. Таким образом, есть все основания предполагать, что с массовым внедрением таких технологий в клиническую практику будет возрастать количество обвинительных приговоров против врачей и, как следствие, произойдет существенный отток кадров из отрасли. Поэтому особого внимания заслуживает феномен *deskilling*'а, то есть устаревания определенных трудовых навыков, а также морального разучения (*moral deskilling*). Поскольку моральные навыки являются важными предпосылками для эффективного развития практической мудрости и добродетельного характера практикующего врача, понимание неоднозначного и открытого горизонта влияния новых технологий как на трудовые, так и на моральные навыки может помочь нам не только лучше определить моральные риски и преимущества таких технологий, но и предвидеть новые возможности разработки и ответственного проектирования, которые конкретным образом реализуют потенциальные преимущества этих технологий, сводя к минимуму вред, который они могли бы нанести нашим собственным моральным способностям, в том числе и способности быть ответственными за принимаемые нами решения.

Этика ответственности — пример реляционной этической модели, основанной на кооперативном соглашении. Существует дискуссия о точном количестве реляций, составляющих основу этого соглашения [Langanke et al., 2016]. В то время как более ранние работы, посвященные этике ответственности, в основном обсуждают вопрос отношения субъекта и объекта ответственности и страдают от недостатка ясности в понимании места и роли

нормативного стандарта [Jonas, 1985], более новые концепции расширяют структуру отношения ответственности с целью отразить целостный взгляд на проблему и прояснить ее нормативные последствия.

Общим местом в современной литературе является выделение четырех существенных элементов в структуре ответственности: субъект ответственности (А), объект ответственности (В), адресаты ответственности (С), нормативные стандарты (D) [Coeckelbergh, 2020; Werner, 2021]. Отношения ответственности могут быть выражены так: А несет ответственность перед С за В на основании D. Если субъектом и адресатом ответственности могут быть как человек, так и учреждение, то объектом являются действие и/или его последствия. Нормативное основание для ответственного поведения, или нормативный стандарт, представляет собой набор явных (например, правовых) или неявных (например, этических) правил. Исходя из этой реляционной концепции идея ответственности может быть рассмотрена либо ретроспективно³, либо проспективно. Во втором случае ответственность определяется в контексте заранее сформулированных и обоснованных моральных требований, предвещающих внедрение новой технологии в практику с целью предупреждения еще не нанесенного вреда. И тогда должны быть строго регламентированы действия врача, который окажется не согласен с рекомендацией СППВР в силу несовместимости их эпистемических характеристик (в случае системы — ее принципиальной непрозрачности), что подчеркивает проблематичность атрибуции ответственности [Grote, Berens, 2020; Braun et al., 2020; Funer, 2022]. В таких случаях может потребоваться обучение специалистов соответствующим компетенциям в качестве меры предосторожности для снижения риска причинения вреда в ситуации когнитивного несоответствия между мнениями врача и экспертной системы, когда вывод ИИ не может быть верифицирован или фальсифицирован.

И тогда в ситуации принципиальной неопределенности субъекта ответственности возникает возможность трех различных

А.В. Углева

Культура вины и ответственность врача при использовании систем поддержки принятия врачебных решений

³ То есть в случае оценки последствий уже причиненного вреда и определения фигуры ответственного. Начиная с 1970-х годов обнаруживается переход в общей практике отношений «врач–пациент» от сугубо патерналистского понимания предмета ответственности к концепции совместного принятия решений, которая подразумевает со-ответственность врачей и пациентов, а также совместную ответственность разработчиков и производителей [Braun et al., 2020: 47]. Перспективность такого подхода в том, что он позволяет перейти от культуры вины в отношении врача к поиску эффективных решений для предотвращения рецидивов.

сценариев решения проблемы, таких как: а) (само)распределение ответственности; б) автономия в принятии решений, в) потребность в расширении профессионального опыта.

В первом случае имеет место сомнение в том, кто является субъектом ответственности — врач, совершивший ошибку, разработчик конкретного алгоритма, поставщики, клиника, приобретающая и внедряющая соответствующую технологию, или инстанции, осуществляющие регуляторный контроль, например учреждения здравоохранения / надзорные органы? Сама СППВР такой ответственностью обладать не может в силу отсутствия у нее самостоятельного интеллекта, субъектности и, как следствие, моральной агентности. Напротив, разработчики и провайдеры несут ответственность за надежное функционирование системы и, следовательно, должны нести ответственность в ситуациях, когда причиной ущерба является ошибочное программирование или неточный прогноз, основанный на неверном взвешивании статистических данных. Регулирующие инстанции и закупочные учреждения, такие как больницы или службы ухода за больными людьми, должны обеспечивать дополнительные гарантии надежности. Однако институциональная ответственность существенно зависит от конкретной директивы в отношении использования рекомендательной системы: например, если сотрудники обязаны использовать ее или система используется для решения клинических проблем в условиях нехватки медицинского персонала, справедливым кажется то, что учреждение должно нести основную ответственность. При этом стоит обратить внимание и на риск принуждения пользования услугами СППВР, что открывает пространство для манипулирования ответственностью со стороны учреждения по отношению к врачам, которые заведомо оказываются, таким образом, в уязвимом положении. Иначе говоря, важнейшей характеристикой профессионализма врача была, есть и остается его автономность как морального агента, вмещающая ему в обязанность несение ответственности за принимаемые решения, какими бы СППВР он ни пользовался. Несогласие с рекомендацией СППВР должно для самого специалиста поставить под сомнение его собственные суждения. Требуются и понимание работы алгоритма, и сущностная оценка данных, на которых системой было вынесено противоположное мнению специалиста решение.

В поиске правильного решения особое значение приобретает консолидированное мнение медицинского сообщества внутри конкретного учреждения, которое побуждает к взаимодействию и накоплению коллективного опыта обращения с конкретной СППВР. Причем между объяснимостью ИИ и доверием к ИИ можно установить определенную взаимосвязь через связку обоснования

надежности ИИ с необходимостью контроля за ним во время его использования. Прозрачность механизма способствует доверию к ИИ тогда и только тогда, когда она способствует обоснованному и гарантированному парадигматическому доверию к ИИ, то есть доверию при наличии обоснованного убеждения в том, что ИИ заслуживает доверия. Такое доверие, в свою очередь, каузально способствует тому, что на ИИ можно положиться при отсутствии наблюдения. И здесь можно провести различие между доверием индивидуального пользователя к ИИ, где объяснимость не способствует доверию, и общественного доверия к ИИ. Такой подход объясняет кажущийся парадокс в отношениях ИИ и человека: чтобы доверять ИИ, нужно позволить индивидуальным пользователям ИИ не доверять ему полностью. Что и требует критического взгляда отдельного профессионала на решение, предлагаемое СППВР, само существование которой вполне может быть одобряемое профессиональным медицинским сообществом.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, в целях эффективного решения медицинских задач с использованием технологий ИИ необходима и неизбежна гибридизация человека и машины, ключевым фактором развития которой является способность к коэволюции⁴. Для искусственных интеллектуальных агентов «мотивацию» к совместному развитию обеспечивает целевая функция. Для сложных объектов постоянное вовлечение человека в среду интеллектуальных агентов неизбежно, и именно его присутствие обеспечивает мотивацию для развития их интеллектуальных возможностей.

Во-вторых, поскольку в медицине каждое решение врача сопровождается риском причинения вреда, внедрение высоких технологий в данной сфере должно быть жестко регламентировано и обосновано с точки зрения ответственности за допущение ошибки. Соответствующие нормативные стандарты должны быть оперативно разработаны и корректироваться с учетом выявления новых рисков.

В-третьих, стандартизированное использование СППВР ставит под угрозу как приобретение, так и поддержание требуемого уровня компетентности конкретного врача. Существует опасность потенциального «недостатка опыта», если система не будет функционировать правильно. И если врач обучен работать только при поддержке системы, возникает угроза его когнитивным и моральным навыкам, а, значит, его автономии. В таком случае «ответственность» должна рассматриваться в двух различных оптиках:

А.В. Углева

Культура вины и ответственность врача при использовании систем поддержки принятия врачебных решений

⁴ Подробнее см., напр., [Krinkin et al., 2022].

как позитивное допущение индивидуальной моральной ответственности (включая виновность) и как юридическая ответственность, обусловленная в том числе вменением врачу в обязанность принятия обоснованного решения, что требует от него интеллектуальной добродетели. Имеющиеся немногочисленные исследования показывают, что врачи в целом рассматривают собственную «конечную ответственность» как условие профессиональной состоятельности [Van Cauwenberge et al., 2022: 50]. Делегирование же ответственности или ее распределение воспринимаются подчас как передача контролирующей функции третьей стороне, что возможно лишь при соблюдении трех следующих условий.

1. Должна существовать структурная свобода или институциональная добровольность, то есть отсутствие институционального принуждения, что позволило бы использовать в работе отдельные рекомендации СППВР или отказаться от них. В этом смысле директивы руководства организации или вышестоящих органов должны рассматриваться как потенциальные ограничения для несения персональной ответственности врача. Иные виды принуждения рассматриваются как вредные для ответственности, например, когда врача обязывают использовать СППВР в условиях нехватки человеческих ресурсов или экономической рентабельности [Langanke et al., 2016].

2. Врачу должны быть гарантированы эпистемическая свобода, доступ к базам данных, на которых обучается СППВР, у него должен быть достаточный практический опыт принятия клинических решений без помощи СППВР. В случае отсутствия надежного синтеза рекомендации системы с мнением врача у последнего должно быть неотъемлемое право обратиться к мнению коллег. В качестве возможной альтернативы (если профессиональное консенсусное мнение не может быть достигнуто) полномочия по принятию решений относительно предпочтительной рекомендации могут быть переданы пациенту (ср. «безответственный аутсорсинг ответственности» [Di Nucci, 2019]). Если профессионалы структурно и эпистемически способны действовать автономно, они считают себя ответственными за принятие решений. Как только одно или оба условия не выполняются, ответственность врача за совершенные медицинские ошибки не может быть определена с достаточной долей достоверности в рамках реляционной модели.

3. Интеграция имеющихся баз данных о пациентах и обеспечение технической возможности доступа врача к единой информационной сети, а также введение персональной ответственности пациента за качество предоставляемой им информации о состоянии своего здоровья и произведенных манипулятивных воздействиях

на его организм в течение всей жизни, что позволит уравновесить ответственность врача и пациента.

The Culture of Guilt and the Responsibility of the Physician when Using Clinical Decision Support System

Anastasia V. Ugleva

PhD, Associate Professor School of Philosophy and Cultural Studies.

National Research University Higher School of Economics.

20, Myasnitskaya Str., Moscow 101000, Russian Federation.

augleva@hse.ru

ORCID: 0000-0002-9146-1026

Abstract. The purpose of this article is to substantiate the need to revise the structure of moral and criminal responsibility of the physician in a social system in which a culture of guilt is imposed on him, that is, sole personal responsibility for any medical error committed, including with the participation of the clinical decision support system. From the paternalistic model of the «doctor-patient» relationship, since the 1970s, there has been a transition to a model of collaborative responsible behavior, in which each party is obligated to know and understand the nature of clinical decisions, which must also be supported by a special form of informed consent for both patient and physician, if AI technologies are included in diagnostic and treatment procedures. At the same time, in fact, there is no clear regulation of the process of communication and work with information, as well as the personal responsibility of top management for the formation of a medical support system. Because of the fundamental opaqueness of the operation of constantly developing artificial intelligence technologies (using neural networks as an example), the final decision must remain with the physician. However, justification of his responsibility in the new technological conditions requires a new social contract within the professional environment regarding the conditions for implementing clinical decision support system into broad medical practice.

Keywords: artificial intelligence, trust, medical error, physician responsibility, clinical decision support system, culture of guilt, autonomy.

For citation: Ugleva A.V. The Culture of Guilt and the Responsibility of the Physician when Using Clinical Decision Support System // *Chelovek*. 2023. Vol. 34, N 3. P. 9–23. DOI: 10.31857/S023620070026423-2

Литература/References

American College of Physicians. Ethics manual. 4th ed. *Annals of Internal Medicine*. 1998. N 128. P. 576–594.

А.В. Углева

Культура вины и ответственность врача при использовании систем поддержки принятия врачебных решений

- 22

- Lepri B., Oliver N., Pentland A. Ethical machines: the human-centric use of artificial intelligence. *Science*. 2021. Vol. 24, N. 3. P. 102–249.
- Leslie D. Understanding Artificial Intelligence Ethics and Safety: A Guide for the Responsible Design and Implementation of AI Systems in the Public Sector. The Alan Turing Institute, 2019.
- Makary M.A., Daniel M. Medical error — the third leading cause of death in the US *BMJ*. 2016. P. 353.
- Nebeker C., Torous J., Bartlett E.R.J. Building the case for actionable ethics in digital health research supported by artificial intelligence. *BMC Med*. 2019. N 17. P. 137.
- Reason J.T. Human error. Cambridge University Press, 1990.
- Van Cauwenberge D., Van Biesen W., Decruyenaere J. et al. Many roads lead to Rome and the artificial intelligence only shows me one road: an interview study on physician attitudes regarding the implementation of computerised clinical decision support systems. *BMC Med Ethics*. 2022. P. 23.
- Waterman A.D., Garbutt J., Hazel E. et al. The emotional impact of medical errors on practicing physicians in the United States and Canada. *Joint Commission journal on quality and patient safety*. 2007. N 33(8). P. 467–476.
- Werner M.H. Verantwortung // Grunwald A., Hillerbrand R., eds. *Handbuch Technikethik*. Stuttgart: J.B. Metzler, 2021. P. 44–48.

А.В. Углева
Культура вины
и ответствен-
ность врача
при использо-
вании систем под-
держки приня-
тия врачебных
решений

DOI: 10.31857/S023620070026101-8

©2023 И.Ю. ЛАРИОНОВ, Н.В. ПЕРОВА

«МАШИНА БОГА» ДЖ. САВУЛЕСКУ КАК МОРАЛЬНЫЙ АГЕНТ И ПРОБЛЕМА ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Ларионов Игорь Юрьевич — кандидат философских наук, доцент.
Санкт-Петербургский государственный университет, Институт философии.
Российская Федерация, 199034 Санкт-Петербург,
Университетская набережная, д. 7–9.
ORCID 0000-0002-0180-0304
i.larionov@spbu.ru

Перова Нина Вадимовна — лаборант.
Санкт-Петербургский государственный университет, Институт философии.
Российская Федерация, 199034 Санкт-Петербург,
Университетская набережная, д. 7–9.
ORCID 0000-0002-1505-5376
nino4kaperova@gmail.com

Аннотация. Данная статья посвящена проблематике моральной ответственности в связи с технологиями искусственного интеллекта. В последние годы искусственный интеллект активно развивается в сторону все большей автономности, что делает крайне актуальной философскую аналитику искусственной моральной агентности (moral agency).

При поддержке гранта РНФ «Трансформации морального агентства: этико-философский анализ», № 22-28-00379.

Актуальность работы также определяется все большим распространением искусственного интеллекта в профессиональных сферах, в том числе связанных с принятием ответственных управленческих, финансовых и тому подобных решений. Основным объектом исследования в статье выступает умозрительный эксперимент — проект так называемой «Машины Бога» западного философа Дж. Савулеску, который позволяет обратиться к такому важному аспекту, как возможность влияния искусственного интеллекта на развитие нравственного сознания человека, поскольку современные технологии, наряду с проектами биологического нравственного улучшения человека, претендуют на способность создания искусственных моральных агентов. Авторы дают всесторонний анализ этого проекта, соотнося его с другими концепциями современной аналитической философии сознания, в том числе Г. Франкфурта. Теоретический фокус исследования направлен на концепты ответственности и свободы как ключевые в формулировке критериев морального агентства. При этом в статье рассмотрены особенности реализации критериев моральной агентности в отношении искусственного интеллекта. В статье оценивается состоятельность проекта Дж. Савулеску, в частности: насколько искусственный интеллект наподобие Машины Бога может рассматриваться как моральный агент, сможет ли человек при помощи такого искусственного посредника обрести характеристики нравственной, ответственной и свободной личности и насколько подобные проекты способствуют нравственному совершенствованию человечества. Указываются риски патерналистского вмешательства в развитие морали. Отдельно рассматривается феномен моральных дилемм в связи с проблематикой встраивания искусственного интеллекта в жизнь современного общества, а также логические аспекты принятия решения в условиях моральных конфликтов. Формулируется вывод о ключевом значении категории ответственности для моделирования взаимоотношений человека и искусственного интеллекта в машинной этике.

Ключевые слова: моральная ответственность, моральное агентство, искусственный интеллект, биологическое нравственное улучшение, свобода, моральные дилеммы, Дж. Савулеску, Г. Франкфурт.

Ссылка для цитирования: Ларионов И.Ю., Перова Н.В. «Машина Бога» Дж. Савулеску как моральный агент и проблема ответственности // Человек. 2023. Т. 34, № 3. С. 24–40. DOI: 10.31857/S023620070026101-8

И.Ю. Ларионов,
Н.В. Перова
«Машина
Бога» Дж. Са-
вулеску как мо-
ральный агент
и проблема
ответственности

В наши дни проблема моральной ответственности напрямую связана с развитием технологий, в том числе искусственного интеллекта (ИИ) и биологического нравственного улучшения. Актуальность работы определяется все большим распространением ИИ не только в областях повседневной жизни, но и в профессиональных сферах, в том числе связанных с принятием ответственных управленческих, финансовых и тому

подобных решений. Философия все больше обращается к вопросу, как распространение ИИ влияет и может повлиять на моральную составляющую жизни человека и общества в перспективе развития высоких технологий. Доверие к ИИ вызывает к жизни теоретические проекты его использования для достижения благих целей совершенствования человека и общества, среди которых заметным направлением мысли начала 20-х годов XXI века следует признать теории так называемого нравственного биологического улучшения человека (human moral bioenhancement), то есть искусственного расширения и развития ряда человеческих способностей. Техники такого биоулучшения могут быть более и менее «инвазивными», однако все они ориентируются на достижение ценностно значимых результатов [Ларионов, Марков, 2022].

Современные технологии претендуют на способность создания искусственных моральных агентов. К таким технологиям относятся биологическое нравственное улучшение и ИИ. Своеобразным синтезом этих исследований выступает так называемая «Машина Бога» (The God Machine) — умозрительный эксперимент Дж. Савулеску, который можно рассматривать как максимизацию футуристических идей в этих областях. Однако претензия на создание искусственного морального агента связана с рядом этических проблем, которые, как будет показано в статье, не в последнюю очередь связаны с понятием моральной ответственности.

Проект Дж. Савулеску состоит в следующем: в каком-то обозримом будущем (Савулеску называет 2050 год) исследования морали оказались близки к завершению и в рамках некоего Великого нравственного проекта (Great Moral Project) был создан сильнейший суперкомпьютер, который способен отслеживать мысли, убеждения, желания и намерения каждого человека. Эта Машина Бога может за наносекунды влиять на них и изменять, причем так, что человек не осознает факта внешнего изменения. Машина запрограммирована таким образом, что вмешивается в деятельность человека только для предотвращения существенного вреда или несправедливости — в терминах Савулеску, «крайне аморального поведения» (grossly immoral behavior). Машина Бога фактически устроена так, что подключенные к ней люди не смогут совершить такие крайне аморальные поступки, она им просто не позволит.

Частью Великого нравственного проекта была не только Машина Бога. В его рамках было реализовано полномасштабное внедрение технологий нравственного биоулучшения. Важным результатом, согласно Савулеску, стало общее повышение уровня альтруизма и чувства справедливости, благодаря чему люди почти перестали совершать безнравственные поступки. Все это

фактически позволяет говорить о создании совершенных моральных агентов [Savulescu, Persson, 2012].

Разумеется, проект Савулеску вызывает множество вопросов и возражений. В первую очередь сама по себе идея нравственного улучшения человека посредством Машины Бога, как и идея биологического нравственного улучшения человека, ставит вопрос о критериях статуса человека как морального агента.

Феномены нравственной жизни, наиболее ценимые на протяжении всей истории человечества, традиционно описываются так, будто они предполагают в качестве необходимого условия так или иначе понимаемую свободу индивидуума. Особое значение свобода имеет для концепта ответственности, причем данная категориальная связь характерна не только для моральной, но, например, и для правовой ответственности. Важное место в определении моральной агентности играет моральная ответственность. Если при этом мы исходим из того, что ключевым критерием моральной ответственности является свобода, то можно говорить, что Машина Бога, по меньшей мере, ставит этот статус под вопрос.

В первую очередь следует обратить внимание на то обстоятельство, что воздержание, уклонение от крайне аморального поведения в случае вмешательства Машины Бога не может рассматриваться как результат свободного выбора агента (тем более, как результат внутренней борьбы и непростых размышлений). Можем ли мы в данном случае нравственно одобрить самого человека за такой поступок? Правильно ли будет связывать его личность с позитивными последствиями поступка и/или вменить ответственность за них?

Проект Дж. Савулеску сталкивается с компатибилистской проблематикой, получившей значительное развитие в этике XX века, — попытками продемонстрировать, что детерминизм не противоречит свободе и совместим с возможностью вменить ответственность за совершенные деяния. Обращает на себя внимание схожесть образа Машины Бога и логики рассуждения американского философа Г. Франкфурта. Франкфурт оспаривает представление о том, что человека следует считать морально ответственным за поступок только в случае, если у него была возможность поступить иначе. Такое убеждение философ именуют «принципом альтернативных возможностей» и считает минимальным понятием о свободе. Франкфурт приводит гипотетическую ситуацию: представим, что агент совершает выбор между действиями *A* и *B*, в то время как существует некая причина *C*, вследствие которой возможность действия *B* на самом деле отсутствует, хотя агент об этом не знает. Франкфурт предлагает представить, что имеется крайне суровая угроза жестокого и непреодолимого

И.Ю. Ларионов,
Н.В. Перова
«Машина
Бога» Дж. Са-
вулеску как мо-
ральный агент
и проблема
ответственности

принуждения совершить именно А, скрытая от агента до того момента, пока он не решит избрать В. Но философ упоминает и возможность прямого контроля деятельности мозга агента. В таком случае, исходно вознамерившись избрать и избрав А, агент будет нести за это полную меру ответственности, хотя возможности поступить иначе у него и не было [Франкфурт, 2017]. Основное возражение данному аргументу Г. Франкфурта состоит в том, что можно не согласиться с самим определением свободы как наличия альтернативных возможностей. Во-вторых, описание моральной личности здесь выглядит упрощенным. Это возражение можно высказать и по отношению к Машине Бога Савулеску: едва ли все разнообразие нравственной жизни человека можно свести к способности самостоятельно воздерживаться от крайне аморального поведения.

Отчасти компенсировала недостатки компатибилизма Франкфурта его теория личности (person), которую он определяет как сущность, располагающую так называемым «волением /способностью воления второго уровня» («second-order volitions»), то есть способностью хотеть наличия у себя определенного типа хотения («первого уровня») и стремиться к таковому. Например, стремиться (желать) не иметь (и подавлять) желания совершить крайне аморальный поступок. Таким образом, ориентированная осознанная мотивация и является, по Франкфурту, подлинным содержанием свободы воли. Она согласуется с детерминизмом и вообще не требует ни наличия альтернативного выбора, ни отсутствия вмешательства извне. Однако разум, замечает Франкфурт, необходим для формирования «волений второго уровня». Машина Бога, говоря языком Г. Франкфурта, не отнимет у агента ни статуса личности, ни свободы воли, если вмешается в ситуацию путем формирования у рационального агента осознанного отвращения к собственному желанию совершить глубоко аморальный поступок [Frankfurt, 1971].

Сопоставляя проекты вмешательства в автономные действия агента у Г. Франкфурта и Дж. Савулеску, мы видим, что для последовательной их концептуализации требуется согласовать определение свободы с теоретическим конструированием понятия об агенте как личности, обладающей сложной структурой способностей (или даже тождественной этой структуре). Выявляется также еще один существенный аспект: философская традиция на протяжении веков исходила из предположения, что именно сознательное мышление руководит моральным выбором человека, при том что сама человеческая свобода основана на рациональности как способности видеть альтернативы, принимать решения и реализовывать их в действии. Благодаря силе разума человек

освобождается от страстей и внешнего контроля, что составляет основу его ответственности.

В отличие от Г. Франкфурта, работавшего на «метафизическом» уровне проблематики (вопрос о свободе воли вообще), Дж. Савулеску обращается именно к этическому ее измерению. В первую очередь он отмечает, что речь идет о деятельности, которую человек никогда и не был «свободен» делать. Возможно, здесь происходит подмена понятий: на английском языке «free to act» может быть понято и как «свободен действовать», и как «дозволено действовать», что все-таки разные вещи. Действительно, если речь идет о запрещенных действиях (тем более запрещенных юридически, например воровстве или убийстве), человеку вне зависимости от подключения к Машине не «дозволено» их совершать. Однако эти запреты на совершение действия никоим образом не связаны с самой возможностью выполнить его. В этом смысле, хотя Машина Бога, конечно, не изменит уровень «дозволенности», она все же повлияет на уровень «свободы» выполнить действие.

Другой аргумент Савулеску в защиту Машины Бога связан с лишением человека «свободы ошибаться» (freedom to fall): человек будет совершенно свободен, пока не будет на грани совершения крайне аморального поступка. То есть человек сможет иметь аморальные мотивы и желания и даже строить планы по их реализации, и единственная ситуация, в которой Машина Бога вмешается, — прямо перед совершением крайне аморального поступка. Более того, вмешательство Машины заключается в том, что она поменяет мнение человека. Человеку будет казаться, что это было самостоятельное решение, основанное на личных нравственных установках. Для Савулеску это значит, что, хотя сам по себе глубоко аморальный акт человек никогда не сможет совершить, он все равно будет свободен аморально мыслить и развиваться как моральная личность, исходя из аморальных идей и намерений. Отдельный акцент Савулеску делает на то, что в случае с максимально моральным человеком, который никогда даже не помышляет о совершении аморального действия, Машина Бога не будет вмешиваться ни при каких обстоятельствах, а, значит, свобода такого человека вообще никогда не будет нарушена.

Отметим, что речь идет пусть не о полном лишении свободы, но о таком, которое, может быть, незначительно по количеству, но качественно составляет крайне важное условие именно нравственной жизни. Это вызывает серьезные опасения о сохранении свободы. Кроме того, устраняемая здесь возможность моральной ошибки обычно способствует формированию ответственности, по крайней мере психологически.

И.Ю. Ларионов,
Н.В. Перова
«Машина
Бога» Дж. Са-
вулеску как мо-
ральный агент
и проблема
ответственности

Вопрос о свободе в рамках Машины Бога ставится в контексте свободы использования. В описании эксперимента указано, что подключение к Машине Бога будет добровольным, хотя и с некоторыми оговорками. Так, все дети подключены к Машине. По достижении совершеннолетия им будет даваться выбор — остаться подключенным или нет. Также взрослый человек в любой момент может отключиться и подключиться по желанию — исключения составляют преступники, которые вместо тюремного заключения будут приговорены к принудительному подключению. Все это, согласно автору, не будет нарушать свободу людей [Savulescu, Persson, 2012].

Дж. Савулеску, утверждающий нравственное биоулучшение как утилитаризм, приводит в подтверждение своих слов цитату из трактата Дж. Милля «О свободе»: «Каждый член цивилизованного общества только в таком случае может быть справедливо подвергнут какому-нибудь принуждению, если это нужно для того, чтобы предупредить с его стороны такие действия, которые вредны для других людей». Савулеску трактует это как дозволение пожертвовать автономией ради всеобщего блага. Однако здесь он упускает важный момент: Машина Бога предполагает жертвовать автономией даже тех, кто не совершает и не совершит никакого глубоко аморального поступка. Лишенным свободы оказывается даже тот, кто не приносит и не будет приносить никакого вреда другим. И в этом он противоречит самим идеям Милля: «Только в том случае дозвоительно подобное вмешательство, если действия индивидуума причиняют вред кому-либо» (здесь и выше цит. по: [Милль, 1993: 10–11]). При этом, если мы соглашаемся с Савулеску, что подобное нарушение свободы не является угрозой для статуса морального агента, то мы оказываемся перед вопросом иного рода: что является необходимым условием для морального агента?

В анализе этих проблем мы предлагаем обратиться к такому аспекту нравственности, как необходимость взаимодействия с другим моральным агентом, которая приобретает особую важность именно в процессе нравственного воспитания и совершенствования человека. Тем самым вопрос состоит в том, рассматривать ли подключение к Машине Бога как метод подлинного нравственного воспитания, изменения, развития и совершенствования человека или это всего лишь технический инструмент решения части существующих проблем, связанных с агрессией, но не меняющий ничего по сути.

В этом отношении важно определить, может ли Машина Бога, являющаяся системой ИИ, сама считаться моральным агентом, и будет ли ее таким образом воспринимать сам взаимодействующий

с ней и подключенный к ней человек. Можно ли контакт с ней считать разновидностью взаимодействия с другим моральным агентом, в том числе как важное условие своего нравственного совершенствования? Также стоит определить, можно ли считать, что подключенный к Машине Бога человек (особенно подключенный в сознательном возрасте), будет нести какого-либо рода ответственность перед Машиной Бога или его взаимоотношения с ней будут иного характера?

Один из ключевых вопросов современной машинной этики как раз состоит в том, действительно ли та или иная гипотетическая или реальная система является искусственным агентом или только кажется таковым. Такая постановка вопроса была заложена еще А. Тьюрингом, чей знаменитый тест состоял в распознавании того, взаимодействуем мы с ИИ или с другим человеком [Turing, 1950]. В ответ на работу А. Тьюринга философ Дж. Сёрл предложил мыслительный эксперимент «китайская комната», в котором стремился показать, что даже если мы в тесте Тьюринга перестанем отличать, человек с нами общается или «машина», из этого вовсе не будет следовать, что на другом конце коммуникации имеется личность в собственном смысле слова [Сёрл, 1998: 400]. Современные исследователи М. и С.Л. Андерсон, продолжая рассуждения Сёрла, последовательно проводят мысль, что искусственный моральный агент должен быть таковым, а не казаться [Anderson, Anderson, 2007: 16–17; Разин, 2019].

Исследователи единодушны в том, что обязательным условием для искусственного морального агента должна быть автономия — способность полноценно действовать в отрыве от инженеров, программистов, владельцев и т.п., пусть даже изначально они и были разработаны и запрограммированы определенным извне образом. Машина Бога у Савулеску, по всей вероятности, создана для автономного функционирования [Anderson, Anderson, 2007].

В случае Машины Бога мы, очевидно, имеем дело с системой, обладающей немалым массивом знаний в области морали. В то же время, если в ней и есть модуль морального рассуждения, то используется он крайне узко — для определения степени опасности действия, совершить которое намерен подключенный к ней человек. По всей видимости, мы не можем говорить о наличии рационального выбора у Машины Бога. В любом случае, она не принимает решения в отношении самой себя. По видимости, Машина Бога в узкой сфере своей «работы» не может совершить ошибки. Но будет ли подлинно нравственным такое безупречное существо?

Неотъемлемым требованием для полноценных искусственных моральных агентов ряд авторов считает интенциональность,

И.Ю. Ларионов,
Н.В. Перова
«Машина
Бога» Дж. Савулеску как моральный агент и проблема ответственности

преднамеренность действия (intentionality), которое на уровне теории выводится из самого понятия «агентства». Данный подход был поддержан Д. Деннетом: моральная ответственность может быть вменена роботу, если он действовал на основании некой интенции и даже «higher order intentionality», то есть интенции относительно другой интенции (например, намерения не нарушать правило непричинения человеку вреда). По Деннету, этого достаточно также для того, чтобы считать робота личностью. Параллелизм рассуждений Д. Деннета и Г. Франкфурта здесь не случаен: оба предполагают, что подобного рода явления сознания второго порядка могут быть достаточным критерием для личности [Dennett, 1998].

О Машине Бога мы едва ли можем утверждать, что она действует из некоего намерения в отношении к подключенному к ней человеку, в том числе из намерения способствовать нравственному улучшению такового.

Практически во всех исследованиях искусственное моральное агентство в первую очередь связываются с ответственностью. По всей видимости, это следствие того, что источником актуальности проблематики искусственного морального агентства с самого начала была возможность причинения роботом вреда человеку. При этом вопрос о том, кому вменить ответственность за деяния робота, является и этическим, и правовым. Ответ же прямо связан с признанием возможности искусственного морального агентства или отрицанием такового, сведением роботов к инструментам (принцип «blame the user, not the tool») и перенесением ответственности на человека [Floridi, Sanders, 2001]. Умеренная позиция по данному вопросу может быть сформулирована так: если представляется, что робот действует, исходя из определенных обязанностей к кому-либо, то его можно рассматривать и как морального агента [Sullins, 2006].

Говорить о Машине Бога как об ответственном агенте можно только в очень узком смысле. В первую очередь в своем функционировании она практически не причиняет вреда, ибо ее цель — сократить меру вреда, причиняемого людям друг другу. В то же время она должна оставаться беспристрастным участником ситуации, поэтому нельзя сказать, что она в том или ином роде берет на себя ответственность за свои действия. Более того, запрограммированное пресечение крайне аморального деяния не выглядит как самостоятельный выбор Машины Бога.

Отдельно следует учесть возможность ситуаций, когда Машина Бога оказывается перед лицом моральной дилеммы, от решения которой зависит ее реакция на возможность крайне аморального поступка. В исследовании М. и С. Андерсон рассматривали возможность использования при программировании «моральных»

роботов принципов утилитаризма, этики добродетели, деонтологии, норм профессиональной этики, специфику принципов *prima facie* и т.п. Авторы пришли к выводу, что говорить об искусственном моральном агентстве можно только при наличии у системы алгоритма принятия решения в сложных в моральном отношении ситуациях [Anderson, Anderson, 2007].

Разумеется, Машина Бога с необходимостью должна быть сложнейшим, саморазвивающимся, самообучающимся ИИ. Однако Машина Бога не может быть просто сводом моральных норм. Даже если представить, что Великий нравственный проект дал нам совершенную единую систему этических норм, все равно речь будет идти о системе, соответствующей определенному обществу в конкретный период времени. Даже включение в нее различных синхронно существующих культурных и национальных особенностей уже приведет к тому, что одни и те же действия могут быть расценены как моральные и как аморальные. Кроме того, профессиональные этики могут включать в себя нормы, противоречащие общепринятым, например, военная этика или политическая этика [Гарвардт, Перова, 2022].

Тем самым Машина Бога должна иметь максимально сложные настройки, включающие возможность определения одного и того же действия как морального и аморального исходя из обстоятельств, притом что, учитывая трансформацию морали вследствие социальных изменений и развития технологий, эти настройки должны меняться постоянно. Процесс изменения морали Машины Бога должен быть самостоятельным, поскольку, если будут выделены человек или группа людей, которые будут следить за работой Машины и при необходимости корректировать ее, то мы получим общество, в котором малая группа будет решать, какое именно поведение может быть отнесено к крайне аморальному. То есть будет построено общество, основанное на нравственном патернализме, что также недопустимо.

Одна из сложностей, связанная с попыткой авторов Великого нравственного проекта «поиграть в Бога», состоит в том, что особенностью нравственной жизни и нравственного совершенствования является способность осмысленного принятия решения в ситуации сложных, неоднозначных дилемм. В некотором отношении критерием подлинного («сильного») ИИ может быть способность решать сложные познавательные и творческие задачи с учетом всего разнообразия контекста социального бытия и поведения человека. ИИ вроде Машины Бога, работающий с чем-то настолько сложным, как мораль, обязательно столкнется с противоречиями.

В качестве примера, способного вызвать такую сложность, возьмем убийство из самозащиты. Представим случай, в котором

И.Ю. Ларионов,
Н.В. Перова
«Машина
Бога» Дж. Са-
вулеску как мо-
ральный агент
и проблема
ответственности

человек попадает в такую ситуацию случайно (а Машина Бога способна различить, действует ли человек преднамеренно и со скрытыми мотивами или нет), события развиваются крайне быстро, так что субъект находится на пороге совершения действия в состоянии аффекта. Машина Бога здесь выбирает между допущением гибели одного из участников ситуации. Ее положение похоже на позицию беспристрастного наблюдателя в дилемме вагонетки — выбор между неизбежной смертью пяти невинных людей и возможностью их спасти, направив движущуюся вагонетку в сторону еще одного невинного человека. Так или иначе особенность таких моральных дилемм в том, что они требуют от принимающего решение не только когнитивных, но и нравственных усилий для обоснования своего выбора.

Вполне реальной технической разработкой, сталкивающейся с этой областью проблем, являются автономно действующие средства вооружения, а также автомобили-беспилотники [Ларионов, 2022]. Беспилотный автомобиль может оказаться перед подлинно моральным выбором: дорожная обстановка чревата трагическими ситуациями, в которых невозможно сохранить здоровье (а иногда и жизнь) всех ее участников. В подобных условиях человек обнаруживает понимание возможности пожертвовать жизнью одного человека ради спасения другого, принятие на себя ответственности, при том что все решения будут случаями крайне аморального поступка.

Есть основания думать, что и гипотетическая Машина Бога столкнется с похожими ситуациями и с необходимостью принимать такие решения. Онлайн-проект так называемой Моральной машины («Moral Machine») 2016–2018 годов на базе Массачусетского технологического института (MIT), в рамках которого собиралась и анализировалась информация о том, какие решения склонны принимать люди в сложных дорожных ситуациях, показал крайнюю неопределенность и многообразие вариантов, предложенных участниками [Awad et al., 2018]. Почти полувековое обсуждение дилеммы вагонетки в теоретической литературе также не пришло к однозначному результату [Mason, 1996]. Данное обстоятельство позволяет поставить под вопрос возможность самого завершения Великого нравственного проекта.

Моральные дилеммы с точки зрения логики могут быть формализованы как противоречия. Современные логические исследования содержат теории о том, как именно ИИ будет работать после выявления противоречия. В классической логике, которую можно считать наиболее непредвзятой, противоречия приводят к взрыву, что означает прекращение процедуры вывода, то есть ИИ перестает выдавать результаты. На практике это будет означать следующее:

после выявления противоречия Машина больше не сможет принимать решения о нравственности или безнравственности конкретного поведения. Для преодоления взрыва можно обратиться к неклассическим логикам. Однако здесь и появляется значительная проблема для требования о непредвзятости. Своевременное распознавание дилеммы требует обучения ИИ модальным логикам. Дальнейшее выявление и устранение взрыва невозможно без обращения к параконсистентной логике [Альчуррон, Герденфорс, Макинсон, 2013].

Проблема в том, что неклассические логики не могут быть непредвзятыми. Для того чтобы ИИ мог должным образом реализовывать все возможные пути выявления и преодоления противоречий, необходимо глубоко погрузиться в частные условия конкретных ситуаций. Каждый случай дилеммы с необходимостью будет содержать уникальные факты, которые будут определять необходимость внимательного изучения ситуации со стороны ИИ и в конечном итоге предвзятое решение о дальнейшей деятельности. ИИ будет иметь возможные, объективно равносильные варианты продолжения деятельности, выбор между которыми возможен только при предвзятом включении ИИ в ситуацию.

Особая коллизия связана с проблемой так называемой моральной неудачи, моральных ошибок. Подлинная моральная дилемма характеризуется, в частности, тем, что обе возможности представляют собой морально недопустимое действие, «moral failure» (ср. [Harris, 2011]). Моральные ошибки и неудачи нередко рассматриваются как часть нравственного становления и совершенствования личности (см. выше о «свободе ошибаться»).

Таким образом, даже если Машина Бога будет эффективно устранять ситуации моральных конфликтов, возникают сомнения, будет ли это способствовать именно нравственному совершенствованию.

* * *

Проведенный в статье анализ позволяет, во-первых, говорить о том, что в рамках влияния Машины Бога нельзя говорить о свободе человека и, тем более, о свободном нравственном совершенствовании. В то же время данный мыслительный эксперимент ставит под вопрос сами основы понимания нравственной свободы, а также содержательные характеристики категорий свободы, которые могли бы быть применены для описания нравственного поступка. Современные исследования в области моральной философии также предполагают возможность совместимости нравственной жизни и детерминизма. Само нравственное совершенствование, учитывая

И.Ю. Ларионов,
Н.В. Перова
«Машина
Бога» Дж. Саву-
леску как мо-
ральный агент
и проблема
ответственности

неотъемлемый нормативный характер морали, вовсе не обязательно предполагает полноценную реализацию свободы индивида¹. Хотя свободу нельзя считать достаточным условием для моральной агентности, она тем не менее выступает необходимым ее условием. Самое существенное: она выступает основанием для моральной ответственности, которую и следует признать тем ключевым критерием морального агентства, который ставит под вопрос Машина Бога.

Во-вторых, наиболее весомым аргументом против того, что подключение к Машине Бога сможет хоть как-то способствовать нравственному совершенствованию человека, будет отсутствие у такового именно ответственности. Если готовность быть подключенным к Машине Бога может рассматриваться как часть общего стремления агента к нравственному совершенствованию, то постоянное осознание возможности вмешательства Машины не будет способствовать формированию у него навыка воздержания от аморального поступка. Напомним, что мыслительный эксперимент Г. Франкфурта относится к прямо противоположной ситуации — ответственность агента сохраняется, когда его действия не были пресечены извне.

Исключение возможности ошибки, особенно в ситуации сложной моральной дилеммы, может возыметь приемлемый с психологической точки зрения результат, однако устранил важный мотив действовать с учетом всех вероятных последствий. Подключенность к Машине приведет к тому, что человек станет в определенном отношении нравственно безвольным. Тем самым Машина Бога будет, скорее, лишать подключенного к ней человека статуса морального агента, чем способствовать его нравственному совершенствованию.

В-третьих, важный компонент формирования нравственной ответственности — взаимодействие с другими моральными агентами. Именно такой характер имеет нравственное воспитание детей, а также развитие нравственной личности взрослого. Как мы видели, в описании работы Машины Бога дается во многом упрощенное представление о характере нравственного сознания, а также социального аспекта морали, требующей от агента развитых способностей ориентироваться в сложных, неоднозначных и конфликтных ситуациях. Мораль как сферу жизни общества характеризует то, что люди

¹ К схожим выводам относительно возможностей использовать ИИ для нравственного совершенствования человека приходит исследователь Ф. Лара. Пренебрежение личной автономией при прямом вмешательстве технологий не может быть более эффективным для нравственного совершенствования, чем традиционное воспитание человека человеком. В качестве альтернативы автором предлагается ИИ как помощник, который с помощью диалога и технологий виртуальной реальности сможет научить пользователей самостоятельно принимать более эффективные моральные решения [Lara, 2021].

вступают в сложные взаимоотношения, рассматривая самих себя, а также эти отношения как осознанную ценность, имеющую нормативную силу, видоизменяющую (в том числе и ограничивающую) и направляющую поступки [Философия ответственности, 2014: 172].

Нравственное улучшение непосредственно зависит от ответственности, понятой как интеракция с другим моральным агентом. Однако может ли Машина Бога считаться полноценным моральным агентом? Исходя из рассмотренных выше критериев, можно сделать вывод, что Машина Бога (а также существующие системы ИИ вообще) не может выступать моральным агентом. Она не является полностью свободной, так как имеет базовую программу, определенную извне. Какой бы проработанной ни была изначальная этическая программа, она не сможет соответствовать реальности нестатичности морали. Это означает, что вся самообучаемость Машины должна подвергаться внешнему контролю. Мы также не можем говорить о непредвзятом ИИ: изначальная предвзятость алгоритма сосуществует с необходимой предвзятостью решений, принимаемых при выявлении любых противоречий. Поскольку деятельность людей не соответствует требованию непротиворечивости — мы не можем исключить из жизни спорные случаи и моральные дилеммы, — поведение ИИ должно это учитывать. Это значит, что для непрерывной работы Машина Бога должна быть активно включена в частные случаи деятельности людей, что исключает возможность непредвзятости. Наконец, ИИ не может быть моральным агентом с точки зрения моральной ответственности. Общество не может возлагать на ИИ ответственность за совершенные действия и принятые решения. Также в отношении ИИ не может быть ожидания осознания моральной ответственности как осознания последствий за совершенные поступки.

Подводя итог сказанному, в рассматриваемом проекте Дж. Савулеску мы видим неустранимое противоречие — Машина Бога не сможет воплотить в жизнь гипотетические достижения Великого нравственного проекта, поскольку она устраняет два важнейших условия бытия морального агента: ответственность и свободу.

И.Ю. Ларионов,
Н.В. Перова
«Машина
Бога» Дж. Са-
вулеску как мо-
ральный агент
и проблема
ответственности

J. Savulescu's "The God Machine" as a Moral Agent and the Problem of Responsibility

Igor Yu. Larionov

PhD in Philosophy, Docent.

Institute of Philosophy, Saint-Petersburg State University.

7-9 Universitetskaya nab., Saint Petersburg 199034, Russian Federation.

ORCID 0000-0002-0180-0304

i.larionov@spbu.ru

Nina V. Perova

Researcher. Institute of Philosophy, Saint-Petersburg State University.
 7-9 Universitetskaya nab., Saint Petersburg 199034, Russian Federation.
 ORCID 0000-0002-1505-5376
 ninio4kaperova@gmail.com

Abstract. This article is devoted to the issue of moral responsibility in connection with artificial intelligence technologies. In recent years, artificial intelligence has been actively developing towards greater autonomy, which makes the philosophical analysis of artificial moral agency extremely relevant. The relevance of the work is also determined by the increasing spread of artificial intelligence in professional areas, including those related to the adoption of responsible managerial, financial, etc. solutions. The main object of research in the article is a thought experiment — the project of the so-called “The God Machine” by the Western philosopher J. Savulescu, which allows us to turn to such an important aspect as the possibility of the influence of artificial intelligence on the development of human moral consciousness, since modern technologies, along with projects of biological moral human enhancement, claim the ability to create artificial moral agents. The authors give a comprehensive analysis of this project, correlating it with other concepts of modern analytical philosophy of consciousness, incl. H. Frankfurt. The theoretical focus of the study is directed to the concepts of responsibility and freedom as key in formulating the criteria of moral agency. At the same time, the article considers the features of the implementation of the criteria of moral agency in relation to artificial intelligence. The article assesses the viability of J. Savulescu’s project, in particular: to what extent artificial intelligence like the The God Machine can be considered as a moral agent, whether a person can acquire the characteristics of a moral, responsible and free person with the help of such an artificial mediator, and to what extent such projects contribute to the moral enhancement of mankind. It also points to the risks of paternalistic interference in the development of morality. Separately, the phenomenon of moral dilemmas is considered in connection with the problems of embedding artificial intelligence in the life of modern society, as well as the logical aspects of decision-making in the context of moral conflicts. The conclusion is formulated about the key importance of the category of responsibility for modeling the relationship between man and artificial intelligence in machine ethics.

Keywords: moral responsibility, moral agency, artificial intelligence, biological moral enhancement, freedom, moral dilemmas, J. Savulescu, H. Frankfurt.

For citation: Larionov I.Yu., Perova N.V. J. Savulescu’s “The God Machine” as a Moral Agent and the Problem of Responsibility // *Chelovek*. 2023. Vol. 34, N 3. P. 24–40. DOI: 10.31857/S023620070026101-8

Литература/References

Альчуррон К.Э., Герденфорс П., Макинсон Д. Логика теории изменения: функции ревизии и сокращения через частичное пересечение // «Нормативные

системы» и другие работы по философии права и логике норм. СПб.: Издательский дом СПбГУ, 2013. С. 318–343.

Alchurron K.E., Gerdenfors P., Makinson D. Logika teorii izmeneniya: funkcii revizii i sokrasheniya cherez chastichnoe peresechenie [The Logic of the Theory of Change: Revision Functions and Reduction through Partial Intersection]. “*Normativnye sistemy*” i drugie raboty po filosofii prava i logike norm. St. Petersburg: Izdatelskij Dom SPbGU Publ., 2013. P. 318–343.

Гарвардт М.А., Перова Н.В. Универсализм и релятивизм морального агента биологического нравственного улучшения (на примере политической деятельности) // Дискурсы этики. 2022. № 1(13). С. 69–84.

Garvardt M., Perova N. Universalism and Relativism of the Moral Agency of Biological Moral Enhancement (on the Example of Political Activity)]. *Discourses of Ethics*. 2022. N 1(13). P. 69–84.

Ларионов И.Ю. Кто несет ответственность за применение оружия с искусственным интеллектом? // Интернет и современное общество: сборник тезисов докладов [Электронный ресурс]. Труды XXV Международной объединенной научной конференции «Интернет и современное общество» (IMS-2022), Санкт-Петербург, 23–24 июня 2022 г. СПб.: Университет ИТМО, 2022. URL: <http://ojs.itmo.ru/index.php/IMS/issue/view/78>, свободный.

Larionov I.Yu. Kto neset otvetstvennost za primenenie oruzhiya s iskusstvennym intellektom? [Who is Responsible for the Use of Weapons with Artificial Intelligence?] // *Internet i sovremennoe obshestvo: sbornik tezisov dokladov* [Elektronnyj resurs]. Trudy XXV Mezhdunarodnoj obedinennoj nauchnoj konferencii “Internet i sovremennoe obshestvo” (IMS-2022), St. Petersburg, 23–24 iyunya 2022 g. SPb.: Universitet ITMO, 2022. URL: <http://ojs.itmo.ru/index.php/IMS/issue/view/78>, svobodnyj.

Ларионов И.Ю., Марков Б.В. Морально-антропологические риски технологий биологического совершенствования человека // Дискурсы этики. 2022. № 4(16). С. 25–46.

Larionov I., Markov B. Moral and Anthropological Risks of Human Bioenhancement Technologies // *Discourses of Ethics*. 2022. N 4(16). P. 25–46.

Милль Дж. О свободе // Наука и жизнь. 1993. № 11. С. 10–11.

Mill J. O svobode [On Liberty]. *Nauka i zhizn*. 1993. N 11. P. 10–11.

Разин А.В. Этика искусственного интеллекта // Философия и общество. 2019. № 1. С. 57–73.

Razin A.V. Etika iskusstvennogo intellekta [The Ethics of Artificial Intelligence]. *Filosofiya i obshestvo*. 2019. N 1. P. 57–73.

Сёрл Дж. Сознание, мозг и программы // Аналитическая философия: становление и развитие. М.: Дом интеллектуальной книги: Прогресс-Традиция, 1998.

Searle J. Soznanie, mozg i programmy [Minds, Brains, and Programs]. *Analiticheskaya filosofiya: stanovlenie i razvitie*. Moscow: Dom intellektual’noj knigi: Progress-Tradiciya Publ., 1998.

Философия ответственности / под ред. Е.Н. Лисанюк, В.Ю. Перова. СПб.: Наука, 2014.

Filosofiya otvetstvennosti [Philosophy of Responsibility]. Ed. by E.N. Lisanyuk, V.Yu. Perova. St. Petersburg: Nauka Publ., 2014.

И.Ю. Ларионов,
Н.В. Перова
«Машина
Бога» Дж. Са-
вулеску как мо-
ральный агент
и проблема
ответственности

©2023 В.Ю. ПЕРОВ, С.В. ГЛЕБОВА

МОРАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: ДЕСКРИПТИВНЫЙ И НОРМАТИВНЫЙ ПОДХОДЫ

Перов Вадим Юрьевич — кандидат философских наук, доцент кафедры этики Института философии.
Санкт-Петербургский государственный университет.
Российская Федерация, 199034 Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9.
ORCID 0000-0002-9925-9527
vadimperov@gmail.com

Глебова Софья Валерьевна — кандидат философских наук, ассистент кафедры русской философии и культуры Института философии.
Санкт-Петербургский государственный университет.
Российская Федерация, 199034 Санкт-Петербург, Университетская наб. д. 7–9.
ORCID 0000-0002-0760-5040
sophi_ign@mail.ru

Аннотация. Проблема моральной ответственности занимает ключевое место в современных этических исследованиях. На основании сформировавшихся в академическом поле дискуссий в статье рассмотрены особенности двух основных подходов к определению моральной

Статья написана при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда № 22-28-00379 «Трансформации морального агентства: этико-философский анализ».

ответственности и условий ее наступления: дескриптивный и нормативный. Показано, что декларируемые в рамках дескриптивного подхода стремления к объективности вменения и аскрипции моральной ответственности вне зависимости от конкретизации содержательных моральных требований оказываются недостаточными для объяснения характеристики ответственности как моральной. Поэтому дескриптивный подход с необходимостью должен быть дополнен нормативным подходом, в рамках которого появляется возможность определить морального агента не просто как объект ответственности, но и как актора, обладающего свойством быть морально ответственным. Ключевым для разрешения вопроса о различных подходах к моральной ответственности является рассмотрение представлений о строгой и нулевой ответственности как о специфических условиях вменения ответственности агенту, невозможных в рамках применения исключительно дескриптивного подхода. Показано, что в этическом ракурсе эти виды юридической ответственности «без вины» подразумевают нормативные установки в отношении действующих лиц, которые рассматриваются как полноценные моральные агенты. Этический анализ строгой и нулевой ответственности демонстрирует условия наступления положительной моральной ответственности в рамках нормативного подхода, а именно стремление к поддержанию нормативного порядка, ориентированного на поддержание «хорошей жизни». Совместное применение дескриптивных и нормативных подходов с одновременным обращением к собственным характеристикам морального агента позволяет прояснить особенности моральной ответственности.

Ключевые слова: этика, ответственность, моральная ответственность, строгая ответственность, нулевая ответственность, моральный агент, дескриптивный подход, аскрипция, нормативный подход, хорошая жизнь.

Ссылка для цитирования: Перов В.Ю., Глебова С.В. Моральная ответственность: дескриптивный и нормативный подходы // Человек. 2023. Т. 34, № 3. С. 41–59. DOI: 10.31857/S023620070026102-9

Постановка проблемы: дескриптивный подход

Проблема моральной ответственности становится все более актуальной. Это связано, с одной стороны, с тем, что в современной этике изучение ответственности в рамках понятийного аппарата выявляет ее новые грани и интерпретации. С другой стороны, понятие ответственности напрямую связано с целым рядом сфер социального взаимодействия моральных агентов: можно говорить об экономической, политической, исследовательской и даже исторической формах ответственности. Вопросы о природе и сущности ответственности как в общефилософском [Философия ответственности, 2014], так и собственно этическом контекстах [Прокофьев,

2006] продолжают активно исследоваться. В отечественном академическом дискурсе обсуждения специфики моральной ответственности стали более интенсивными после выхода в свет статьи Логинова Е.В., Гаврилова М.В., Мерцалова А.В., Юнусова А.Т. «Прологомены к моральной ответственности» (2020) [Логинов и др., 2020], в которой представлен анализ проблемы ответственности в рамках дескриптивного подхода, выявлены и структурированы основные метафизические условия возникновения ответственности. Интеллектуальной реакцией на нее стал организованный в секторе этики Института философии РАН круглый стол (написанная авторами «Прологомен...» специально для него статья «Этика и метафизика моральной ответственности» [Логинов и др., 2021]) и материалы обсуждения были опубликованы в журнале «Этическая мысль» [Материалы обсуждения «Прологомен моральной ответственности», 2021].

В рамках данного исследования нет возможности проанализировать все аргументы и контраргументы, которые были приведены как в указанных статьях, так и в других публикациях о проблемах ответственности в упомянутых выпусках журналов. Но существенным моментом, который во многом определяет достоинства и недостатки позиции авторов «Прологомен к моральной ответственности», является избранные ими теоретико-методологические установки. Речь идет о декларируемом в тексте обеих публикаций дескриптивном подходе с принципиальным отказом от нормативного (то есть содержательного) анализа моральной ответственности, о чем прямо и недвусмысленно заявляется: «Мой единственный итог всецело дескриптивен» [Логинов и др., 2020: 86]. Авторы сознательно выбирают своей целью наиболее общее описание, картографирование феномена моральной ответственности, выявление его структуры, акцентируя внимание на вопросах «уместности», то есть определении критериев возможного приписывания (аскрипции) ответственности моральному агенту. Следует отметить, что в выборе данного метода авторы опираются на достаточно длительную и уважаемую дескриптивную традицию в этике и философии изучения моральной ответственности (Х.Л.А. Харт, Н. Леви, Т.М. Скэнлон, П. Стросон и др.). Существует много разумных оснований для обращения именно к этическому дескриптивизму, и одно из них в очень упрощенном виде можно представить следующим образом: *«есть много разнообразных нормативных этических концепций (утилитаризм, деонтология, этика справедливости, этика добродетелей, этика заботы и т.д.), дающих вариативные ответы на моральные вопросы. Научный же подход не допускает такого многообразия. Поэтому нужно ограничиться только тем, что может быть*

В.Ю. Перов,
С.В. Глебова
Моральная
ответственность:
дескриптивный
и нормативный
подходы

основано на *фактических описаниях*». Подобная теоретико-методологическая установка на дескриптивизм в исследовании моральной ответственности оказывается в некоторых отношениях вполне плодотворной, более того, обращение к «фактическому положению дел» следует признать необходимым. Но остается вопрос о том, является ли такой подход достаточным и исчерпывающим в том смысле, что для понимания моральной ответственности обращение к ее нормативному содержанию правильно рассматривать как избыточное и даже ненужное.

Ограниченность дескриптивного подхода к моральной ответственности

Для ответа стоит обратиться к тому основному итогу, который был предложен авторами «Пролегоменов...» на основе проведенного анализа дескриптивно ориентированных теорий моральной ответственности: «...я извлек из тезисов различных теорий следующие структурные элементы, сбой в одном из которых не дает возложить ответственность. 1) Моральная ответственность касается моральных агентов (способных к моральному действию лиц). 2) Моральная ответственность возлагается на моральных агентов за принадлежащие им моральные факторы... 3) Моральные факторы должны с необходимостью иметь моральное значение» (выделения авторские)¹ [Логинов, 2020: 86]. Стоит согласиться, что данные положения являются крайне важными для понимания моральной ответственности, условий ее наступления и т.д. Однако при очевидных достоинствах они касаются ситуации возникновения любой ответственности и не раскрывают специфику собственно моральной ответственности. Возникает ощущение недосказанности, и создается впечатление, что все используемые понятия остаются формально бессодержательными в их нормативном значении, хотя прилагательное «нормативный» при их определениях постоянно используется, особенно во второй статье [Логинов и др., 2021: 11–12]. В качестве подтверждения этой мысли стоит обратить внимание на то, что, с одной стороны, слово «моральный» в сформулированных утверждениях может быть заменено любым другим предикатом — «политический», «экономический», «социальный» и пр. Например: «*Политическая ответственность возлагается на политических агентов за принадлежащие им*

¹ Подробнее выделенные понятия, а также понятие моральной оценки раскрываются в указанной статье по материалам круглого стола.

политические факторы» и т.д. Иными словами, слово «моральный» ничего содержательно не добавляет к понятию ответственности. С другой стороны, не менее «избыточным» выглядит и само понятие ответственности, которое вполне можно заменить на слово «моральность» (моральные свойства, качества и т.д.): «Моральность возлагается на моральных агентов за принадлежащие им моральные факторы». Получается, что предложенные формулировки не дают достаточно полного ответа ни на вопрос о том, что такое ответственность, ни на вопрос, в чем состоит суть именно моральной ответственности.

Стоит подчеркнуть, что понятие «моральное» не является формальным дополнением, оно вносит некоторую специфику в изучаемое явление. Согласно Карлу Шмитту, любая сфера деятельности человека имеет специфичные для нее оппозиции: для политики это «друг–враг», для этики такой оппозицией является «добро–зло» [Шмитт, 2016]. Однако в таком случае необходимо определить, что является добром, а что злом. За какие моральные факторы на человека возлагается ответственность в форме вины или требования компенсации последствий своих действий, а за какие в форме благодарности и похвалы? И здесь обнаруживается потребность обращения к содержанию моральных норм, которые будут определять представления о добре или зле. Однако понятие о значении «морального» чаще всего так и остается нераскрытым в рамках дескриптивного подхода.

Стремление ограничиться описанием ситуации возникновения (уместности, аскрипции и т.д.) ответственности и отсылкой к интуитивному пониманию того, что есть морально «хорошо» и «плохо», приводит к тому, что причина возникновения именно моральной ответственности остается принципиально необъясненной.

Дескриптивный подход предпринимает весьма серьезную попытку преодолеть не только упомянутый выше плюрализм этических концепций, но историческую и культурную обусловленность нравственности, что порождает крайнюю неопределенность моральных суждений, как в случае феномена «новой этики»: «Если нельзя от порочных действий переходить к заключению о негативной оценке нравственного достоинства того, кто совершал их, и совершенные криминальные поступки Джорджа Флойда не помешали чествованию его личности, то точно так же общественные заслуги не могут стать основанием для нравственного возвышения того, кому они принадлежат, и государственные достижения Джорджа Вашингтона не могут отменить его персонального позора как рабовладельца» [Гусейнов, 2021: 99]. Возникает резонный вопрос: почему в каком-то случае сомнительно добродетельный моральный агент становится морально одобряемым

В.Ю. Перов,
С.В. Глебова

Моральная
ответственность:
дескриптивный
и нормативный
подходы

(положительная моральная ответственность), тогда как другого не извиняют за исторически обусловленные моральные заблуждения? При решении подобных вопросов недостаточно обратиться только к моральным интуициям оценивающих, требуются более надежные и верифицируемые основания.

Попыткой выхода из подобного положения дел становится увязывание понятия «ответственность» с фактом «уместности» моральных реакций, т.е. уместности приписывания моральной ответственности. Не останавливаясь долго еще раз на той проблеме, что феномен уместности так же не определим, как «моральный фактор»: «уместность» есть далее не анализируемое отношение [Zimmermann, 2015: 49]. «Так бывает: например, шутки тогда смешны, когда они смешны, когда стоят того, чтобы над ними посмеяться. Тут нельзя дальше анализировать, больше никак не объяснишь. Так и люди заслуживают осуждения, когда стоит их осуждать, — вот и все» [Логинов и др., 2020: 37].

Рассмотрим проблемы, возникающие при попытках аскриптивного понимания ответственности, которые исторически уходят своим корнями в концепции Г.Л.А. Харта и П. Стросона. Харт напрямую связывает аскриптивные высказывания типа «Это твое», «Это его» с приписыванием агенту некоторых прав на обладание и распоряжение предметом, на который указывает слово «это». Отталкиваясь от этой установки, Харт идет дальше: «Я полагаю, что предложения “Это сделал я”, “Это сделал ты”, “Это сделал он” главным образом представляют собой произнесения, посредством которых мы признаем или допускаем ответственность, выдвигаем обвинения или приписываем ответственность» [Харт, 2017: 45]. Впервые именно Герберт Харт полностью отказывается от представлений о волеизъявлении самого субъекта для предписывания ему действия и последствий этого действия, Харт утверждает, что «когда мы приписываем действие человеку, вопрос, имело ли место психологическое “событие”, вообще не подходит к этой предлагаемой позитивной форме, но подходит к форме исследования того, охватывается ли данный случай каким-то из этих смягчающих возражений» [там же: 49], то есть произошло ли это случайно или агента кто-то заставил и пр. П. Стросон рассматривает проблему ответственности в рамках детерминистских концепций и тоже говорит о возможностях, при которых в условиях детерминизма тем не менее все же можно возложить на человека ответственность: «истина детерминизма не поколеблет основ понятия моральной ответственности и практики морального осуждения и наказания <...> Эти практики представлены исключительно как инструменты политики, как методы индивидуального лечения и социального контроля» [Strawson, 1962: 206]. Кроме того, Стросон считает, что

и моральные реакции так же могут быть требуемы от морального агента в связи с той или иной ситуацией.

При всех имеющихся достоинствах аскриптивных концепций такие интерпретации ответственности ставят под сомнение моральный компонент самого поступка: «заслугой этой теории является то, что она открыта морально нейтральному исследованию действия» [Рикер, 2005: 51]. В рамках аскриптивного подхода мы можем лишь приписать какую-либо моральную характеристику действия какого-либо агента извне. Аскриптивный подход не позволяет строго разграничить морального агента от неморального агента: «возложение ответственности мыслится ими как происходящее извне. При этом не уделяется внимания тому, кто и в каких ситуациях обладает такой прерогативой, а если ею обладают все, то, как строится и чем обеспечивается процесс взаимодействия между моральными агентами?» [Апресян* и др., 2021: 35]. Более того, в рамках аскриптивного подхода моральный агент определяется как «объект моральной оценки — [тот], на кого может быть возложена моральная ответственность» [Логинов и др., 2021: 11]. Получается, что моральный агент — это не действующий актор, обладатель каких-то моральных качеств характера, которые, воплощаясь в действиях, придают моральную значимость поступкам. Моральный агент из инициатора деятельности превращается лишь в объект оценки и приписывания моральной ответственности со стороны Другого. В связи с чем появляется, как отмечает Р.Г. Апресян, вопрос о характере этого Другого, является ли он субъектом или же объектом моральной оценки [Апресян и др., 2021: 35–36]. Кроме того, можно поставить неразрешимый с позиций аскриптивизма вопрос об ответственности того, кто накладывает ответственность. А если объект ее не заслужил или недостоин?

Игнорируя возможность для морального агента самому быть ответственным или ограничивая самовозложение моральным агентом ответственности на себя, аскриптивный подход не позволяет удовлетворительно объяснить причины приписывания ответственности одним лицам или отказа в этом другим. Самым простым и наглядным примером может быть взросление детей. Почему с определенного возраста дети становятся в какой-то степени морально ответственными? В противоположность чисто аскриптивному подходу ответ может быть следующим: потому что дети становятся хотя бы ограниченно ответственными, что и фиксируется в соответствующей социально и исторически обусловленной моральной нормативности. Как отмечал Д. Юм, «поступок должен быть добродетельным, прежде чем мы можем признать его добродетельность» [Юм, 1996: 519] — эта мысль кажется

В.Ю. Перов,
С.В. Глебова

Моральная
ответственность:
дескриптивный
и нормативный
подходы

принципиальной в рамках данной дискуссии. Применительно к моральной ответственности это означает, что, для того чтобы приписать ответственность, моральный агент должен *быть* морально ответственным, то есть обладать характеристиками моральной ответственности. В итоге приходится, как и П. Рикер, заключить, что невозможно утверждать, что «теории “аскрипции” достаточно для реконструкции понятия ответственности» [Рикер, 2005: 51–52].

Обращение к этическим взглядам Юма в контексте дескриптивной традиции понимания ответственности важно, поскольку он подчеркивал, что моральной оценке подлежит именно мотив поступка, но в опыте нам представлены лишь сами поступки, которые есть не более чем доступные для описания внешние проявления и знаки вызвавших их мотивов [Юм, 1996: 518]. Мы никогда не знаем точно, каким именно мотивом руководствовался моральный агент при совершении данного поступка, однако можно постараться реконструировать его на основании наших собственных представлений как морального агента и на основании доступного нам морального опыта человечества. Для решения вопроса о мотиве дескриптивный подход предлагает представление об эпистемическом условии ответственности (наряду с условием контроля и отдельно выделяющимся отечественными авторами психологическим условием) [Логинов и др., 2021].

Под эпистемическим условием обычно понимается возможность осознания моральным агентом собственного поступка; отдельно выделяются такие аспекты, как знание о конкретном моральном значении, о возможности совершения альтернативных действий, осознание последствий действий, которые мы совершаем, и т.д. Однако для того чтобы оставаться в рамках моральной ответственности, приходится признать, что для каждого из этих параметров критически важным является его анализ с точки зрения возможности моральным агентом оценить все эти аспекты относительно собственных знаний о «добре» и «зле». Что вновь приводит нас, с одной стороны, к пониманию о том, что «сама идея абсолютности истины обязывает человека считать относительным любое из ее конкретных воплощений» [Гусейнов, 2021: 101–102], а с другой — к потребности конкретно оценивать тот или иной поступок морально «здесь и сейчас».

Вопрос возможности знания мотива крайне важен для этики ответственности потому, что мотив является непосредственной частью представления о поступке вообще, о его источниках и побудительных причинах. Стоит признать, что в некоторых случаях даже сам моральный агент не может в полной мере восстановить мотивы собственного нравственного выбора, и нормативный

подход позволяет как раз остановиться на «достаточном» основании, позволяющем на практике оперировать понятием мотива. Иными словами, на помощь сугубо гносеологической (эпистемической) рациональности приходит практическая рациональность, подобно тому, как Диоген Синопский ходил для опровержения апорий Зенона о невозможности движения. Аналогично, даже имея в этических теориях и социальной действительности потенциально бесконечный набор моральных норм и ценностей, в реальной жизни люди вынуждены пользоваться их ограниченным числом, которое определяется практическими потребностями жизни человека и общества.

В.Ю. Перов,
С.В. Глебова
Моральная
ответственность:
дескриптивный
и нормативный
подходы

Моральная ответственность: особенности нормативного подхода

Дескриптивный подход позволяет ответить на вопрос «что такое ответственность», но в рамках моральной философии все еще остается открытым вопрос о *должном* применении принципов ответственности. Ключевым моментом наступления ответственности является нарушение существующих норм. Практический нормативный аспект ответственности становится показательным при обращении к сфере права, в том числе и потому, что юридическая ответственность не ограничивается письменными нормами и правовыми теориями, а обязательно воплощается в правоприменительные практики. При этом важно, что в праве явным образом осознается непосредственная взаимосвязь между существованием нормы и ответственностью. В контексте данного исследования нет возможности провести сравнительный анализ юридической и моральной ответственности, рассмотреть многочисленные вопросы об их взаимном влиянии. Имеет смысл ограничиться констатацией того, что при установлении различных юридических норм люди руководствуются в том числе и моральными соображениями. Кроме того, право как совокупность норм, имеющая в основе принцип справедливости, призвано обществом защищать в том числе и нравственную нормативность. При этом последующие рассуждения ни в коем случае не претендуют на правоведческий статус, а являются этическим анализом некоторых аспектов юридической ответственности.

Обычно когда речь заходит об ответственности в правовом поле, то в качестве примеров вполне оправданно обращаются к сфере публичного, прежде всего уголовного, права. Но есть основания полагать, что в контексте настоящего исследования о моральной ответственности более продуктивным будет

обращение к некоторым этически значимым аспектам гражданской ответственности.

В рамках рассмотрения гражданской ответственности существуют два значимых для этики понятия: строгая и нулевая ответственность. Строгая ответственность — это ответственность без вины, без умысла. Если Уголовный кодекс отказывает в наступлении уголовной ответственности без умысла — «объективное вменение, то есть уголовная ответственность за невиновное причинение вреда, не допускается» согласно ч. 5 ст. 2 УК РФ, где вина и трактуется прежде всего как наличие сознательного мотива к совершению действия с возможными последствиям (ст. 25 УК РФ «Преступление, совершенное умышленно») или когда мотивация обусловлена легкомысленным или пренебрежительным отношением (ст. 26 УК РФ «Преступление, совершенное по неосторожности») [Уголовный кодекс РФ]. Здесь стоит снова упомянуть слова Д. Юма о невозможности точного знания намерений (мотива), но правоприменение, хотя иногда и с ошибками, практически справляется с возникающими проблемами. В отличие от уголовного, гражданское право в некоторых случаях вообще не обращается к вопросу об умышленности действий. В российском гражданском праве есть целый ряд статей, которые прямо или косвенно говорят об ответственности «без вины»: «ответственность за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих» (ч. 2 ст. 1079) [Гражданский кодекс РФ, 1996]. В качестве примера можно привести водителя автомобиля, при определении ответственности которого не столь существенно, имелся хотя бы косвенный умысел создания условий для дорожно-транспортного происшествия. Более того, нормы строгой ответственности предполагают наказание даже при условии отсутствия каких-то негативных последствий в виде аварии или нанесения вреда. Такая ответственность в виде наказания налагается за сам факт нарушения правил (норм), например за превышение разрешенной скорости. Строгая ответственность возлагается также на работников органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда в случае если в рамках их работы был нанесен вред, даже в случае, если вина их не доказана (ст. 1070) [там же]. В качестве морально значимой строгая ответственность применяется в отношении ответственных лиц (родителей, опекунов несовершеннолетних, попечителей душевнобольных) и пр. Кроме того, строгая ответственность возлагается на руководителей трудовых коллективов за деятельность своих работников. При этом, опираясь исключительно на дескриптивный подход, говорить о строгой ответственности невозможно вообще, так как

упомянутые моральные факторы не принадлежат тем моральным агентам, на которых ответственность возлагается.

Еще один крайне важный аспект для понимания моральной ответственности — это существующая в некоторых юрисдикциях (например, в США) нулевая ответственность. Она используется в отношении медицинских работников и фармацевтических компаний в случаях, когда лечение и медицинские процедуры были осуществлены в строгом соответствии с требованиями и инструкциями, фармацевтический продукт прошел все испытания, но в отдельном случае был нанесен вред здоровью пациента (t. 42, § 300aa–22) [U.S. Code]. Здесь также виден нормативный аспект ответственности: *«все должно быть сделано правильно (по правилам)»*.

Обращение к особенностям строгой и нулевой ответственности дает возможность по-новому взглянуть на понимание моральной ответственности. С одной стороны, в них присутствуют элементы аскриптивного подхода, поскольку ответственность понимается вне зависимости от виновности морального агента в смысле осознанности и умышленности совершения действия конкретным лицом. С другой стороны, в этих видах ответственности присутствует то, что относится к нормативной стороне ответственности, так как присутствует аналог того, что в праве понимается под презумпцией невиновности — когда мы говорим о нулевой или о строгой ответственности, то появляется представление о презумпции моральной вменяемости тех, в отношении кого они применяются (в российском гражданском праве этот момент представлен в принципе добросовестности в части первой ст. 1 п. 1 [Гражданский кодекс РФ, 1994], который имеет и элементы презумпции (ч. 1, ст. 10., п. 5) [там же]).

Похожие характеристики мы можем обнаружить в области не только правовой, но и моральной ответственности — в профессиональных этиках. Строгая ответственность предполагает повышенные требования, предъявляемые к ряду профессий (учитель, полицейский, ученый и пр.) или даже социальному статусу (родитель). Нулевая ответственность проявляется посредством компенсаторной функции профессиональной этики: если все пункты этического кодекса и все инструкции были соблюдены, но, например, новостная статья вызвала широкий общественный резонанс и серьезные социальные последствия, то нравственная ответственность журналиста за эти последствия может в том числе рассматриваться не просто как ее отсутствие, но и как нулевая моральная ответственность.

Существование строгой и нулевой ответственности предполагает, что действующие лица являются полноценными моральными

В.Ю. Перов,
С.В. Глебова

Моральная
ответственность:
дескриптивный
и нормативный
подходы

1. Водители транспортных средств как люди, оперирующие источником повышенной опасности, являются морально вменяемыми. Предполагается, что обладающие водительскими правами являются полностью дееспособными и хорошо знают свои обязанности: «Участники дорожного движения должны действовать таким образом, чтобы не создавать опасности для движения и не причинять вреда. <...> Лицо, создавшее помеху, обязано принять все возможные меры для ее устранения, а если это невозможно, то доступными средствами обеспечить информирование участников движения об опасности и сообщить в полицию» (ПДД п. 1.5) [Постановление Правительства РФ № 1090, 1993]. Водителям также вменяется ответственность за усилия по предотвращению дорожно-транспортного происшествия даже в условиях, если причиной этого происшествия не является сам водитель: «При возникновении опасности для движения, которую водитель в состоянии обнаружить, он должен принять возможные меры к снижению скорости вплоть до остановки транспортного средства» (ПДД п. 10.1) [там же]. К профилактике аварийных ситуаций на дороге можно также отнести регулярную проверку состояния транспортного средства (ПДД п. 2.3.1.) [там же], сохранение трезвого состояния сознания при ведении автомобиля (ПДД п. 2.7.) [там же] и пр. При этом четко обозначено «благо как цель» соблюдения правил дорожного движения: «обеспечение порядка и безопасности» [там же], то есть при составлении правил учтена их конкретная цель, обозначена ценность, которой эти нормы подчинены. Предполагается, что эти правила являются нормативными установками для водителей. Конечно, когда мы говорим об общественном благе, очень трудно определить какую-то конкретную ценность (благо как цель), но в рамках конкретной нормативной системы чаще всего она присутствует. Моральные агенты осведомлены об этой цели и, осуществляя деятельность в рамках данной нормативной системы, соотносят свои поступки с этой благой целью. Наконец предполагается, что водители оценивают

риски своих действий. Эта обязанность принимается водителями вместе с приобретением водительских прав и в тот момент, как они садятся за руль автомобиля.

2. Строгая ответственность в отношении определенных должностных лиц во многом обусловлена особыми моральными требованиями к профессиональной деятельности. Какие-либо специфические права (носить оружие, резать людей скальпелем, воспитывать детей, учить людей и пр.) предполагают у морального агента повышенную моральную ответственность: «В обществе возникает явное или неявное требование к тому, что подобные права могут быть предоставлены порядочным, то есть хорошим в моральном отношении, людям, которые не будут злоупотреблять этими правами в том смысле, что они не превратятся в привилегии» [Перов, 2017: 73]. В рамках такого долженствования общество, с одной стороны, накладывает ответственность на самого морального агента, а с другой — вменяет ему ответственность за деятельность того института, представителем которого тот является. Такие отношения побуждают, например, работников правоохранительной системы не только заботиться о собственных поступках, но и быть ответственными за существование качественной правовой системы в целом, что в какой-то степени и воплощается в идее строгой ответственности, которая наступает даже без установления виновности конкретного должностного лица.

3. Вопрос о нулевой ответственности актуализировался в связи с пандемией и активным вниманием к проблеме вакцинации. В результате распространения коронавирусной инфекции (COVID-19) в очередной раз были артикулированы весьма весомые аргументы в пользу обязательной вакцинации населения, следствием чего стало введение целого ряда мер по стимулированию населения к вакцинации: от обязательной (Индонезия, Саудовская Аравия и пр.) до введения «прицельных мер» — «ковидных паспортов», введения обязательной вакцинации для определенных групп населения и пр. (Китай, Индия, Россия и др.). В связи с распространением вакцинации появилась также потребность регулировать отношения между врачом и пациентом в случае наступления побочных эффектов или просто недовольства пациента. В рамках отношений, которые могут быть охарактеризованы как «нулевая ответственность», предполагается, что действия врачей являются правильными. Их можно трактовать как моральных агентов, соблюдающих процедуры (правила), направленные на благоую цель (здоровье населения). Кроме того, нулевая ответственность также предполагает некоторую специфичность морального агента (добросовестность): врач владеет информацией о правилах вакцинации, может оценить состояние пациента (и в случае нулевой

В.Ю. Перов,
С.В. Глебова
Моральная
ответственность:
дескриптивный
и нормативный
подходы

ответственности оценил его верно), вакцина прошла все этапы испытаний, медицинский работник осведомлен об этом и т.д. В случае соблюдения всех перечисленных условий, если вакцина все же имела побочные эффекты, врачи являются виновными (нулевая ответственность), то есть к ним не будут применены негативные санкции. Следует подчеркнуть, что нулевая ответственность означает именно отсутствие виновности и необходимости наказания. В случае нулевой ответственности все действия являются ответственными, то есть согласованными с существующими нормами. Это подчеркивает, что нормативный аспект морально ответственного поведения в положительном смысле — это следование правилам (хотя нужно отметить, что в российском законодательстве «нулевая ответственность» нормативно не закреплена, что не отменяет ее морального смысла).

Обращение к нормативно-телеологическому аспекту моральной ответственности возвращает к проблеме плюрализма «морально хорошего/правильного/должного». Если в правилах дорожного движения или вакцинации морально значимые цели понятны, то в отношении человеческой жизнедеятельности это не столь очевидно. Не имея возможности рассмотреть многочисленные проблемы, возникающие при обсуждении вопроса о том, являются ли моральные нормы универсальными или конкретными, следует кратко обратить внимание на следующие теоретические и практические обстоятельства. Во-первых, несмотря на многообразие этических теорий, в большинстве из них существует согласие по поводу основных моральных норм. Трудно назвать этические теории, в которых обосновываются нормы, предписывающие убийства, кражи, насилие, неуважение к другим людям и т.д. Разногласия чаще касаются способа их обоснования или особенностей конкретизации. Нет сомнений, что имеющиеся расхождения очень важны и заслуживают пристального внимания, но это не отменяет наличия теоретических представлений об общей морали. Во-вторых, стоит обратить внимание, что возникновение ответственности (юридической, моральной, политической и т.д.) связано прежде всего с теми сферами жизнедеятельности и поступками, в отношении которых существует более или менее устойчивое согласие. Более того, в тех областях, в которых допускается плюрализм мыслей и действий, ответственность, по крайней мере в виде наказания, вообще не применяется. Так, свобода политического выбора не предполагает наказания за сделанный избирательный выбор при соблюдении норм избирательного законодательства. Ответственность предусмотрена как раз за вмешательство в выборы, в том числе исходя из их ценности,

в частности моральной ценности свободы выборов, по поводу которых в обществе существует нормативно закреплённое согласие.

* * *

Поэтому, принимая нормативный подход и как реальный факт наличие общей морали, становится возможным сформулировать понимание моральной ответственности следующим образом: «Моральная ответственность связана с созданием, поддержанием и возможным реформированием нормативной составляющей исторически обусловленной социальной реальности как среды обитания человека и общества... Именно поддержание нормативного порядка, обеспечивающего возможность совместной жизнедеятельности людей, и есть предмет моральной ответственности, которая может рассматриваться в плане морального должностования» [Философия ответственности, 2014: 188]. На основании данного подхода моральная ответственность действительно может быть отнесена непосредственно моральному агенту как его внутренняя характеристика, побуждающая его к сохранению внешнего социального порядка, обеспечивающего то, что может быть охарактеризовано как «хорошая жизнь». И понимание этой «хорошей жизни» с необходимостью включает представление об ответственных моральных агентах как о «хороших» или «плохих» людях. Конечно, трудно и иногда бессмысленно предсказывать будущее. Тем не менее, обращаясь к упомянутому выше примеру с «новой этикой», есть все основания предполагать, что возвеличенная в определенный момент личность Джорджа Флойда уйдет «на задворки истории» (по крайней мере, массового морального сознания), а Джордж Вашингтон, пусть с оговорками в отношении его статуса как рабовладельца, останется почитаем и среди потомков. Подобного рода предположения могут быть аргументированы практически в любой нормативной этической концепции. С точки зрения выводов об их моральной правильности не будет больших различий между утилитаризмом, деонтологией, этикой справедливости, этикой добродетели, этикой заботы и т.д. В контексте обсуждения моральной ответственности следует добавить, что героизация Флойда во многом была вызвана его «статусом жертвы» полицейского произвола, что возвращает нас к проблемам строгой ответственности должностных лиц (хотя в данном случае вина полицейского была доказана в уголовном суде).

Проведенное исследование показало, что, во-первых, для объяснения моральной ответственности имеет смысл использовать дескриптивный, в частности аскриптивный, подход, который позволяет установить фактические обстоятельства наступления

В.Ю. Перов,
С.В. Глебова
Моральная
ответственность:
дескриптивный
и нормативный
подходы

ответственности. Во-вторых, необходим содержательно-нормативный аспект, в связи с которым становится возможным оценить соблюдение или несоблюдение тех условий, следствием которых является наступление ответственности, а также условия, исходя из которых моральный агент становится таковым. В случае использования исключительно дескриптивного подхода к представлению о моральной ответственности исчезают собственно моральные качества агента в связи с отсутствием их оснований — нормативных установок и целей поступков моральных агентов. В-третьих, нормативно-телеологический подход позволяет предположить мотив действия агента и сопоставить его с целью деятельности. Оценив результат (достижение или продвижение к достижению цели) можно говорить о (не)наступлении моральной ответственности. Более того, данный подход позволяет избежать постоянной перепроверки моральных качеств. Ситуации строгой и нулевой ответственности с особенной ясностью позволяют продемонстрировать тот факт, что наступление ответственности возможно только в отношении того индивида, который, с одной стороны, признается обществом в качестве морального агента, а с другой — является моральным агентом, демонстрируя свои моральные качества в поддержании морального нормативного порядка как конкретных сфер поведения и жизнедеятельности, так и «хорошей жизни» человека и общества.

Moral Responsibility: Descriptive and Normative Approaches

Vadim Y. Perov

PhD, Assistant Professor, Assistant Professor at the Department of Ethics,
Institute of Philosophy.

Saint-Petersburg State University.

7-9 Universitetskaya Emb., 199034 Saint-Petersburg, Russian Federation.

ORCID 0000-0002-9925-9527

vadimperov@gmail.com

Sofia V. Glebova

PhD, Assistant at the Department of Russian Philosophy and Culture,
Institute of Philosophy.

Saint-Petersburg State University.

7-9 Universitetskaya Emb., 199034 Saint-Petersburg, Russian Federation.

ORCID 0000-0002-0760-5040

sophi_ign@mail.ru

Abstract. The problem of moral responsibility occupies a key place in modern ethical studies. Based on the discussions formed in the academic field, the article considers the features of two main approaches to the definition

of moral responsibility and the conditions for its onset: descriptive and normative. It is shown that despite the fact that the descriptive approach aspires for objectivity of imputation and ascription of moral responsibility, regardless of the specification of substantive moral requirements, it is still insufficient to explain the characterization of responsibility as moral. Therefore, the descriptive approach must necessarily be supplemented by a normative approach, so it becomes possible to define a moral agent not just as an object of responsibility, but also as an actor with the property of being morally responsible. The key to resolving the issue of different approaches to moral responsibility is to consider the concepts of strict and zero responsibility as specific conditions for imputing responsibility to an agent, which are impossible within the framework of an exclusively descriptive approach. It is shown that from an ethical perspective, these types of legal responsibility “without fault” imply normative attitudes towards actors who are considered as full-fledged moral agents. The ethical analysis of strict and zero responsibility demonstrates the conditions for the positive moral responsibility within the framework of the normative approach, namely the desire to maintain a normative order focused on maintaining the “good life”. The combined use of descriptive and normative approaches with simultaneous reference to the moral agent's own characteristics makes it possible to clarify the features of moral responsibility.

Keywords: ethics, responsibility, moral responsibility, strict responsibility, zero responsibility, moral agent, descriptive approach, ascription, normative approach, good life.

For citation: Perov V.Y., Glebova S.V. Moral Responsibility: Descriptive and Normative Approaches // *Chelovek*. 2023. Vol. 34, N 3. P. 41–59. DOI: 10.31857/S023620070026102-9

Литература/References

- Гражданский кодекс Российской Федерации: Федеральный закон № 51 от 30.11.1994. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (дата обращения: 25.02.2023).
- Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' vtoraya)* [Civil Code of the Russian Federation (Part Two)]: Federal'nyj zakon N 51 from 30 November 1996. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (date of access: 25.02.2023).
- Гусейнов А.А. Что нового в «новой этике»? // *Ведомости прикладной этики*. 2021. Вып. 58. С. 91–106.
- Guseynov A.A. Chto novogo v “novoj etike”? [What is new in the “new Ethics”]. *Vedomosti prikladnoj etiki*. 2021. Issue 58. P. 91–106.
- Логинов Е.В., Гаврилов М.В., Мерцалов А.В., Юнусов А.Т. Прологомены к моральной ответственности // *Финиковый Компот*. 2020. № 15. С. 3–100.
- Loginov E.V., Gavrilov M.V., Mercalov A.V., Yunusov A.T. Prolegomeny k moral'noj otvetstvennosti. *Finikovyj Kompot*. 2020. N 15. P. 3–100.
- Логинов Е.В., Гаврилов М.В., Мерцалов А.В., Юнусов А.Т. Этика и метафизика моральной ответственности // *Этическая мысль*. 2021. Т. 21, № 2. С. 35–47.

В.Ю. Перов,
С.В. Глебова
Моральная
ответственность:
дескриптивный
и нормативный
подходы

- Loginov E.V., Gavrilov M.V., Mercalov A.V., Yunusov A.T. Etika i metafizika moral'noj otvetstvennosti [Ethics and Metaphysics of Moral Responsibility]. *Eticheskaya mysl'*. 2021. Vol. 21, N 2. P. 35–47.
- Апресян Р.Г.*, Беседин А.П., Васильев В.В., Кости́кова А.А. и др. Материалы обсуждения «Прологомен к моральной ответственности» // Этическая мысль. 2021. Т. 21, № 2. С. 35–47.
- Apressyan R.G.*, Besedin A.P., Vasil'ev V.V., Kostikova A.A. et al. Materialy obsuzhdeniya "Prolegomen k moral'noj otvetstvennosti" [Proceedings of a Discussion on "Prolegomena to Moral Responsibility"]. *Eticheskaya mysl'*. 2021. Vol. 21, N 2. P. 35–47.
- Перов В.Ю. Каким профессиям нужна профессиональная этика? // Ведомости прикладной этики. 2017. № 50. С. 67–78.
- Perov V.Yu. Kakim professiyam nuzhna professional'naya etika? [Which professions need professional ethics?]. *Vedomosti prikladnoj etiki*. 2017. N 50. P. 67–78.
- Постановление Правительства Российской Федерации «О Правилах дорожного движения» № 1090 от 23.10.1993. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2709/ (дата обращения: 25.02.2023).
- Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii "O Pravilah dorozhnogo dvizheniya" [Decree of the Government of the Russian Federation "On the Rules of the Road"]: N 1090 from 23.10.1993. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2709/ (date of access: 25.02.2023).
- Прокофьев А.В. Справедливость и ответственность: социально-этические проблемы в философии морали. Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2006.
- Prokof'ev A.V. *Spravedlivost' i otvetstvennost': social'no-eticheskie problemy v filosofii morali* [Justice and Responsibility: Social and Ethical Problems in Moral Philosophy]. Tula: Izdatel'stvo Tul'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. L.N. Tolstogo Publ., 2006.
- Рикер П. Понятие ответственности: опыт семантического анализа / Справедливое. М.: Гнозис/Логос, 2005. С. 41–61.
- Riker P. *Ponyatie otvetstvennosti: opyt semanticheskogo analiza* [The Concept of Responsibility: an Essay in Semantic Analysis]. *Spravedlivoie*. Moscow: Gnozis/Logos Publ., 2005. P. 41–61.
- Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон № 63 от 13.06.1996. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 25.02.2023).
- Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii [Criminal Code of the Russian Federation]: Federal'nyj zakon N 63 from 13 June 1996. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (date of access: 25.02.2023).
- Философия ответственности / под ред. Е.Н. Лисанюк, В.Ю. Перова. СПб.: Наука, 2014.
- Filosofiya otvetstvennosti* [Philosophy of Responsibility], pod red. E.N. Lisanyuk, V.Yu. Perova. St. Petersburg: Nauka Publ., 2014.
- Харт Г.Л.А. Приписывание ответственности и прав / Философия языка и права. М.: Канон+, 2017. С. 27–52.

Hart H.L.A. *Pripisyvanie otvetstvennosti i prav* [The Ascription of Responsibility and Rights]. *Filosofiya yazyka i prava*. Moscow: Kanon+ Publ., 2017. P. 27–52.

Шмидт К. Понятие политического. М.: Наука, 2016.

Schmitt K. *Ponyatie politicheskogo* [The Concept of the Political]. Moscow: Nauka Publ., 2016.

Юм Д. Трактат о человеческой природе, или попытка применить основанный на опыте метод рассуждения к моральным предметам / Юм Д. Сочинения: в 2 т. Т. 1 / пер. с англ. С.И. Церетели и др.; вступ. ст. А.Ф. Грязнова; примеч. И.С. Нарского. М.: Мысль, 1996. С. 63–656.

Hume D. *Traktat o chelovecheskoj prirode, ili popytka primenit' osnovannyj na opyte metod rassuzhdeniya k moral'nyim predmetam* [A Treatise of Human Nature]. Hume D. *Sochineniya v 2 t. T. 1* [Works in 2 Vol. Vol. 1]. Transl. from English by S.I. Cereteli et al.; intr. by A.F. Gryaznov; comm. by I.S. Narsky. Moscow: Mysl' Publ., 1996. P. 63–656.

Strawson P. *Freedom and Resentment*. Proceedings of the British Academy 1962. N 48. P. 187–211.

U.S. Code. Standards of responsibility: Title 42 The Public Health and Welfare. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/42> (date of access: 25.02.2023).

Zimmermann M.J. *Varieties of Moral Responsibility*. The Nature of Moral Responsibility: New Essays the Nature of Moral Responsibility: New Essays. Clarke R., McKenna M., Smith A.M. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2015. P. 45–64.

В.Ю. Перов,
С.В. Глебова
Моральная
ответственность:
дескриптивный
и нормативный
подходы

©2023 О.Д. АГАПОВ, И.О. АГАПОВ

НОМО АCADEMICUS КАК СУБЪЕКТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Агапов Олег Дмитриевич — доктор философских наук, профессор кафедры философии и социально-политических дисциплин юридического факультета.

Казанский инновационный университет
им. В.Г. Тимирязева.

Российская Федерация, 420111 Казань, ул. Московская, д. 42.

ORCID: 0000-0001-6352-8505
ag.oleg2015@yandex.ru

Агапов Игорь Олегович — студент магистратуры отделения философии и религиоведения института социально-философских наук и массовых коммуникаций.

Казанский (Приволжский) федеральный
университет.

Российская Федерация, 420111 Казань, ул. Кремлевская, д. 35.

newpost125@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается вопрос о возможности ответственности науки/ученых за возникновение, развитие, достижения и провалы мир-системы модерна. На взгляд авторов, тему и проблематику ответственности науки/ученых, или коллективного субъекта *homo academicus*, в современной социальной философии и философии науки возможно системно раскрыть в контексте исследования их деятельности как личностной социально-антропологической практики, связанной с производством социального. Авторы исходят из идеи Э. Левинаса о том, что любая субъектность априори выступает формой ответственности, а также используют позицию «конца этики» Дж. Капучо, которую описывают

как методологическую стратегию открытой ответственности, где структура и содержание ответственности всегда потенциально подлежат пересмотру. Человек академический — один из субъектов современности, имеющий непосредственное отношение к производству социального. Ученые в качестве экспертов, генераторов идей, консультантов, кафедральных профессоров и т.д. причастны и ответственны (наряду с другими субъектами модерна) за процессы производства образов человека (человек экономический, политический, социологический, религиозный и т.д.), причем они сами выполняют свои роли в рамках одного из образов — *homo academicus*. В целом в XX–XXI веках социально-гуманитарные науки прошли путь от универсального разума М. Вебера к методологии с ограниченной ответственностью В. Розина. Исследуя экзистенциальную сущность процесса научной деятельности, авторы приходят к выводу о том, что социально-гуманитарное познание стремится не только удостоверить социальное бытие, обнаружить его проблемы, но и утвердить веру и надежду человека на лучшее бытие, где есть место истине и ценностям свободы, ответственности, дружбы, справедливости, творчества.

Ключевые слова: антропологический подход, антропомодели, антропопрактики «заботы о себе», социальная ответственность, практики ответственности, интеллектуалы, моральная ответственность, социальная философия, этика в гуманитарных науках, *homo academicus*.

Ссылка для цитирования: Агапов О.Д., Агапов И.О. *Homo academicus* как субъект ответственности // Человек. 2023. Т. 34, № 3. С. 60–72. DOI: 10.31857/S023620070026103-0

О.Д. Агапов,
И.О. Агапов
*Homo
academicus*
как субъект
ответственности

Что общего между различными субъектами современности? На наш взгляд, одной из точек «сборки» выступает университет. В известной мере мы все, по П. Бурдье, — *homo academicus*. Действительно доступ к профессиональной форме деятельности дается через университетскую подготовку. Студенты вовлекаются в процесс производства, распределения и потребления научного знания, проходя множественные уровни общекультурного и профессионального развития, в ходе которого обогащаются компетенциями научного познания, расширяя мировоззренческие горизонты, обретая возможность системно и сущностно воспринимать тенденции современности, творчески и ответственно относиться к ним. Помимо академической карьеры выпускники *homo academicus* становятся управленцами, государственными служащими, бизнесменами, военными, политическими деятелями и т.д., но у всех них в рамках вузовского образования формируется габитус рациональности — методология подхода к себе, природной и социальной реальности.

Вместе с освоением общей академической культуры обучающиеся входят одновременно в мир дисциплинарной научной социализации, а также в сферу производства социальности / производства мир-системы модерна. Мир научных дисциплин выступает *пропуском* и *периодом* инициации в профессионально ранжированное дисциплинарное общество. Система правовых, политических, экономических и социокультурных институтов и система образования коррелируют друг с другом. Д. Узланер пишет о том, что «такая когерентность — залог “эпистемологического оптимизма”, нашей уверенности в том, что научные исследования дают надежные и достоверные сведения об окружающей действительности» (курсив наш. — О.А., И.А.) [Узланер, 2020: 416].

Университеты и государства Западной Европы в Новое и Новейшее время стали единым субъектом производства социальной и символической власти. Образование и культура с опорой на силы государства выступили агентами интеграции социального, а государственная бюрократия взяла на вооружение достижения социальных ученых. Иными словами, социальные и образовательные институты образовали в единстве *стратегию социодеции*, производящую определенный тип легитимного господства и капитала. Например, экономическая теория с XVIII века не только стала весьма развитой в теоретико-методологическом плане сферой социально-гуманитарных наук, но и, как отмечает К. Лаваль, задала новый образ человеческого рода, его общественных отношений. «Человек экономический принадлежит не только экономике», он «существует во всех областях рефлексии, определяющей тип человека» общественных отношений, «новый нормативный режим и даже особенный тип человека — *homo economicus*» [Лаваль, 2020: 352]. Помимо *homo economicus* социально-гуманитарные науки произвели образы человека социологического (Р. Дарендорф), политического (П. Манан), психологического (Ф. Рифф), религиозного (М. Элиаде) и т.д.

Признавая в субъекте двойную связку *homo academicus* / *homo economicus*, мы тем самым не только признаем социокультурную природу социально-гуманитарного познания, но и обретаем возможность продвинуться в понимании проблематики производства социального к теме ответственности социогуманитарных наук в становлении современности, к вопросам поиска альтернатив, ведущих к устойчивому развитию в XXI веке.

Если обратиться к первому вопросу — производству социального, то мы увидим, что на протяжении конца XVIII – начала XX века процесс «пересборки» традиционных или внедрения новых инновационных социальных институтов и структур был прямо или опосредованно связан с формированием спектра

социальных наук: экономики, антропологии, социологии, политологии, истории, религиоведения, культурологии и т.д. Созданные в эпоху модерна концепты, институты, модели социальности стали каноном для дальнейшего развития, модернизации иных незападных социальных жизненных миров. Истоком многих процессов XVIII–XX веков выступали идеи эмансипации, практики разрешения прежних форм социальной несправедливости.

Поэтому сегодня в рамках *рефлексивной модерности* важно рассмотреть эпоху модерна (XIX–XX века) как время состоявшихся и несостоявшихся проектов, идей, ценностей, практик. На наш взгляд, время становления социального было не только чередой утрат, руин, следов (по Ж. Бодрийяру и Ж. Деррида), но и периодом значительного обогащения и расширения социально-антропологических практик.

Благодаря методологической стратегии постмодернизма рефлексии исторического опыта модерна осуществляют современные социально-гуманитарные науки, занимающие метапозицию по отношению к исторической динамике человеческого рода в XVIII–XX веках. Для самих социально-гуманитарных дисциплин это важный опыт реконструкции собственного становления и пересмотра явных и неявных установок относительно собственной гуманитарной миссии, объяснительных возможностей парадигм и т.д. Вероятно, это будет опыт не только Великого отказа (по Я.В. Мюллеру) в духе 1968 года, но и опыт обновления и обретения новых смыслов и значений, способных дать идеи для снижения рисков современности.

Если *homo academicus* — это один из субъектов современности, то в какой мере он несет (способен и готов нести) ответственность за состояние дел в современности? Не выступает ли человек академический ложным и сконструированным в сознании П. Бурдьё псевдосубъектом? Насколько вообще можно говорить о политической, экономической или социокультурной субъектности и ответственности, степени влияния на процессы принятия решений политического класса и общественное сознание, уровнях управления и реального контроля ученых за противоречия (срывы, травмы, конфликты) эпохи модерна? Если да, то в какой мере? Что *homo academicus* может сделать в изменении стратегий модерна?

Полагаем, что современная наука выступает как социальный институт (со своим этосом, субъектностью, дискурсом и формой культуры), имеющий распределенный или сетевой характер, включающий в себя не только университеты и академии, но и многочисленные научно-исследовательские государственные и частные лаборатории, «фабрики мышления», экспертные научно-консультативные советы при институтах власти, бизнеса, гражданского

О.Д. Агапов,
И.О. Агапов
*Homo
academicus
как субъект
ответственности*

общества, научные интернет-сообщества, научно-исследовательские ассоциации и союзы и т.д.

На протяжении XIX–XX веков ученые неоднократно демонстрировали свою личную и коллективную субъектность и ответственность. Однако следует прислушаться к позиции И.Т. Касавина, который, отмечая важность науки в архитектуре социальных отношений современности, все же пишет о том, что «наука в целом не является целостным, властным, а потому и политическим субъектом вообще, не представляет собой скоординированной системы коммуникации и субординации. Лишь отдельные и достаточно влиятельные элементы науки могут претендовать на политические роли» [Касавин, 2020: 12].

Вместе с тем мы полагаем, что *homo academicus* причастен к формированию *институтов онтологической ответственности* (ИОО), или «признанных, наделенных полнотой символической (политической, экономической) власти институций, поддерживающих канонический образ реальности» [Левицкий, 2020: 40]. В социально-философской концепции В. Левицкого основная роль представителей ИОО — а это сегодня университеты и аналитические центры — заключается в «осуществлении, сбережении, распространении и трансляции центральных культурных практик сообщества, выступающих, с одной стороны, резервуаром для хранения канонических образцов социальной реальности, с другой — ритуальным и архетипическим центром ценностно-смыслового универсума определенной культуры» [там же: 39]. Развивая тему ответственности человека академического за онтологический образ мира, следует поставить вопрос об эпистемологическом, социально-антропологическом и аксиологическом типах ответственности академического сообщества.

Наука стала «корневым» социальным институтом эпохи модерна, перехватив инициативу от церкви как центральной институции для Средневековья. За XX–XXI века современный разум в порядке ответственной саморефлексии прошел, как минимум, три этапа в своем развитии, что нашло отражение в смене дискурсов социально-гуманитарного познания. В частности, ведущим для XIX — начала XX века был дискурс универсальной рациональности (О. Конт — М. Вебер), преодоленный дискурсами плюралистической рациональности (М. Фуко) и конструктивистской рациональности (Ю. Хабермас). Каждый из них предполагал определенный цивилизационный проект. В частности, первый отличается верой в универсальный статус современного разума, где западный вариант исторического развития выступает как эталон. Однако уже во второй половине XX века осознается плюральность рациональностей человеческого бытия, что ведет к делигитимизации

модернистского канона. Дискурс Ю. Хабермаса исходит из коммуникационной рациональности, что дает возможность для обоснования альтернативных проектов глобального развития [Левицкий, 2022: 37].

Можно утверждать, что *homo academicus* как субъект модерна шел, согласно В. Розину, по пути от жесткой универсальной научной рациональности к методологии с *ограниченной ответственностью* (с рефлексией и коррекцией парадигм мышления, с конституированием новых форм мышления посредством проблематизации, планирования, программирования, проектирования, конфигурирования, построения диспозитивов и др.). В отличие от прежней претендующей на универсализм методологии «высокого авторитарного модерна», указанная методологическая стратегия не позволяет его сторонникам «полностью определять человеческое бытие и жизнь, понимая, что это невозможно». Специфика философов и социогуманитариев постмодернистского стиля мышления задается такими интенциями, «как критическое и позитивное осмысление сложившейся практики мышления, понятийная проработка мыслительного материала, проектирование новых структур мыслительной деятельности, обсуждение способов реализации этих проектов» [Розин, 2011: 218].

Все качества методологии с ограниченной ответственностью вполне применимы к дискурсу *рефлексивной современности* (Э. Гидденс), что позволяет говорить о том, что внутри *homo academicus* как коллективного субъекта идет напряженная дискуссия об основаниях и пределах проекта модерна, о дальнейших цивилизационных сценариях, об ответственности ученых за развитие человеческого рода в XXI веке.

Помимо участия в формировании научной картины мира ученые воплощают своей деятельностью еще личную, экзистенциальную ответственность, поскольку наряду с философией, религией, искусством наука в социально-антропологическом плане выступает одной из практик предстояния человека себе/миру/Богу, формой раскрытия человеком своих возможностей. Напомним, что восприятие науки как сферы антропологической практики в трактате «Стрела познания» развивал в 1980-е годы М.К. Мамардашвили [см.: Мамардашвили, 1997]. Сегодня его смелая интуиция о науке как бытийно-личном эксперименте дополнена исследованиями В.С. Степина, Л.А. Микешиной, А.П. Огурцова, И.Т. Касавина, Б.И. Пружинина, В.Н. Поруса и др. В практиках научно-исследовательской деятельности мы находим моменты антроподеции, социодеции, теодеции.

Важно понять, что ученый — это не только профессия (социальный статус и роль) и образ жизни, ученый — это форма

О.Д. Агапов,
И.О. Агапов
*Homo
academicus*
как субъект
ответственности

бытия человека в качестве личности, ученый — это *голос бытия*. Например, социально-гуманитарное познание выявляет смыслы и ценности, которыми живут люди. Смыслы воплощаются личностно и через личности, символизируя собой и в себе проблематичность и открытость человеческого бытия. Ценности как предмет социально-гуманитарных наук, открывающийся во взаимодополняющем междисциплинарном познании множества жизненных переживаний и впечатлений, интересов и идеалов, способны стать ориентиром для развития общества.

Научное познание наряду с религией, философией, искусством дает человеку — субъекту научно-исследовательской деятельности экзистенциальное осознание полноты жизни, ибо это форма *самостояния* человека, каждая из этих форм (наука, религия, философия, искусство) дарует новое качество и смыслы человеческому бытию.

Мышление — это всегда опыт трансценденции, опыт размышления и открытия множественной реальности. Ученый — тот, кто утверждает своим мышлением свободу и надежду; тот, кто посвящает или жертвует себя/собой ради открытия «зазора» между тем, «что есть», и тем, «что должно» быть, между истиной и заблуждением. Более того, в личностной практике ученого утверждается то, что может артикулироваться только *через него / благодаря ему*. Событие мышления, по Ю. Тишнеру, дает возможность выстроить, как минимум, «агатологический, аксиологический и онтологический фон сознания», а также раскрыть «пространство свободы и горизонт надежды» [Тишнер, 2005: 382].

Ответственность открывает субъекту познания, по Р. Ингардену — Э. Левинасу — Ю. Тишнеру, феномен свободы, поскольку субъект познания оказывается способен «довериться себе и своему существованию» [Ингарден, 2010: 64]. Ученый, понимая ценность предстоящего исследования, не только способен, но и должен продвигать его значимость (теоретическую, методологическую, практическую, партикулярную и универсальную), добиваться признания проблемности, эвристичности гипотез и т.д. В основе такой напористости лежит надежда на то, что коллеги «в отношении него поступят по справедливости», признают актуальность и теоретико-методологическую новизну, а также на то, что «само исследование освободит его от бремени, если можно так сказать, отрицательной ответственности» [там же: 91].

Все сказанное Р. Ингарденом о феномене ответственности может быть дополнено позицией Дж. Капуто об *открытой ответственности*, где на деятельность морального субъекта (а здесь — ученого) нет конкретного мандата, нет конечных и/или заранее данных групп людей, идеалов, идей и т.п., которые исчерпают

его понимание своей деятельности с точки зрения ответственности. Этот аспект привлекает современного теоретика тем, что учитывает опыт расширения этики в силу социальных изменений. Позиция Капуто также учитывает особую неформальную сторону моральной ответственности: если мы делаем только то, что формально должны (подобно известному методу забастовок), то жизнь обедняется и становится заметно, что моральное поведение подразумевает некоторый излишек в форме любви к делу, заботы о людях и т.п. [Caputo, 2000: 111–128]. Поэтому развитие научной деятельности ученого идет как расширяющаяся социально-антропологическая практика открытости, публичности, долженствования, предстояния и служения, готовности ответить перед Другим/Другими (гражданами-дилетантами, коллегами-учеными, налогоплательщиками, инженерами, социально ориентированными некоммерческими организациями, волонтерами и т.д.). Это формирует режим *публичной науки* (М. Буравой, А. Аргамакова, Ю. Резник).

Кроме того, формат открытой ответственности позволяет вывести общественное сознание эпохи на более рациональный уровень, вытеснив панику, истерику, ксенофобию, иные факторы «ложного сознания», как об этом писал в своей знаковой статье «Ответственность интеллектуалов» Н. Хомский. Он также особенно обращает внимание на вопрос об ответственности интеллектуалов, которые часто склонны давать максимально безоценочные суждения о совместимости позиций, за свою заявленную нейтральность [Chomsky, 1967]. Открытая ответственность помогает сохранить напряжение между позицией беспристрастности экспертов и пристрастной совестью интеллигенции.

Также режим открытой ответственности ученых выступает стратегией преодоления инерции готовых исторических канонов или схем мышления, строящих мысль исходя из частных интересов и углов зрения (некоторые из них описал Р. Рорти), линией выработки новых и адекватных человекосоразмерных моделей в политике, экономике, культуре, сферах повседневности. Осознание «критики» Рорти полезно тем, что позволяет сохранять дистанцию по отношению к своим представлениям, в которых могут быть элементы «истории духа», прогрессизма и других жанровых конструкций [Rorty, 1984: 56–61].

Тесную связь между субъектностью и ответственностью утверждал Э. Левинас, для которого субъект *уязвлен* ответственностью изначально, ибо вся конфигурация его бытия вызывает к определенной практике заботы. Более того, субъект «соткан из ответственностей, и они раздирают его сущность». Ответственность — это «недуг, не ведающий облегчения, жара сострадания», вне

О.Д. Агапов,
И.О. Агапов
Homo
academicus
как субъект
ответственности

которого нам нет выхода в бытие, в высшую реальность свободы, любви, справедливости [Левинас, 2004: 735]. Собственно в ответственном бытии и есть «человечность человека», вечная молодость его души/духа. Сознательность человека — это прежде всего его ответственность перед Другим («там, где я мог бы остаться зрителем, я беру слово» [там же: 735]).

Удел человеческий — брать на себя существование, осуществлять субъектность, а следовательно, ответственность (приводить к бытию), давать голос и лик Другому. Э. Левинас убежден: субъект выделяется на фоне бытия не своей свободой, но «праизначальной затрагиваемостью», благодаря чему «субъект ответственен за свою ответственность, не может отстраниться от нее, не сохранив следов своего дезертирства». Находиться в ответственности — значит пребывать в послушании, в «пассивной благодати заповедующего Блага» или «глубокой собранности», в избранничестве, незаменимости (жертвенности или готовности свидетельствовать о Другом, о бытии). Подобного рода сосредоточенность/собранность в ответственности «вводит в бытие смысл». «Никто не может оставаться в себе самом: бытие человека человеком, субъективность есть ответственность за других и предельная уязвимость» [Левинас, 1998: 39].

Как видим, событие мышления для ученого оказывается моментом признания *различия* в бытии человеческого рода природной и сознательно-духовной реальностей. Ю. Тишнер выделяет два режима функционирования рациональности — в форматах агатологического и аксиологического познания. Агатологический режим первичен, «обнаруживает негативную сторону окружающего нас мира», аксиологический вторичен, основан на факторе личностного участия человека, готового включиться в бытие для того, чтобы не допустить развития социальных катастроф [Тишнер, 2005: 396].

Аксиологическое мышление побуждает к поиску выхода из сложных жизненных коллизий, ухода от констатации, что «мир во зле лежит», к поиску альтернативы трагедии. Мышление под эгидой ценностей требует мужества и даже мученичества, ибо «отважное мышление противостоит трусливой бессмысленности, сдерживает рефлекс бегства от проблем» [там же: 398]. На наш взгляд, проявлением ответственности ученого будет мужество истины, предполагающее: 1) проявление интереса, развитие в зрелую форму всего спектра экзистенциальных состояний, присущих человеческому бытию; 2) свободу интеллектуального труда, научного творчества.

Искусство ученого состоит в претворении как экзистенциальных, так и социально-исторических интенций в ясную

научно-исследовательскую программу, способную выступить как в личностной, так и в коллективной проекциях (программа научной школы, направления). Полагаем, что и в институционально-нормативном, и в личностно-экзистенциальном планах научная деятельность должна быть поступательным бытием ответственного субъекта (перед истиной, профессиональным сообществом, гражданскими институтами и т.д.). Все этапы научно-исследовательской деятельности ученого неотделимы от его осознанного выбора.

Таким образом, ответственность — это форма идентичности ученого, часть его личностно-профессионального этоса, выступающая истоком для понимания научной деятельности как формы духовной практики. Например, читая Р. Ингардена, мы открываем для себя ряд моментов для упражнения в заботе/ответственности об истине. Во-первых, иницируя и тем самым беря на себя ответственность, ученый «выказывает внутреннюю силу и стойкость» и принимает перед коллегами вид поручительства за ценность научной гипотезы. Он должен быть готов «проявлять большую гражданскую отвагу и мужество» для защиты «ценностей, за которые он воюет, или открыто признать свою вину, когда речь идет о добровольном принятии на себя последствий своего поступка». Во-вторых, ученый «должен уметь быстро схватывать положительные и отрицательные ценности, обладать чуткой совестью, чтобы ясно распознавать для себя самого возможную отрицательную ценность уже начатого и для него внешне ценностного действия». В-третьих, он должен «обладать силой, способной умирять собственные склонности или вожеления, противостоять искушению и соблазнам». Перечисленные качества «создают характер его личности» и выражаются в способах поведения и переживаниях, но не «дозволяют свести себя к этим переживаниям или с ними идентифицироваться» [Ингарден, 2010: 114].

Познавательная деятельность ученого — это всегда движение между виной и карой. Л.П. Карсавин был убежден, что каждый субъект истории стоит перед виной инициативы и карой, ибо «нежелание полноты есть неполнота» [Карсавин, 1993: 333]. Например, А.Ф. Лосев, разумеется, по социально-историческим причинам мог отказаться от публикации «Диалектики мифа», но не мог отказаться от этого ввиду открывшейся ему истины. Проявив мужество истины, он исполнил духовный призыв, избежал кары духовного обрушения.

Ю. Тишнер видел в каждом ответственном акте философского и научного познания обоснование *социального этоса*, где в единстве представлены три вопроса человеческого бытия: надежда, свобода, жертва. «Всякая социальная включенность является

О.Д. Агапов,
И.О. Агапов
Homo
academicus
как субъект
ответственности

включенностью во имя определенной надежды в рамках определенной свободы и применительно к готовности идти на жертву, которую следует принести» [Тишнер, 2005: 367].

Итак, экзистенциально-антропологический профиль науки фундирован самим положением человеческого рода в мире, а именно постоянным процессом превосхождения себя из наличного мира природы. Наука — одна из форм трансценденции, и для того, чтобы войти в эту форму, человеку необходимо приобрести личностную форму, позволяющую стать ему «разумной силой бытия» (Р. Ингарден), конституировать сознание и самосознание, приобрести профессиональные компетенции (объективность, методологичность и т.д.).

Исследуя экзистенциально-антропологическую сущность процесса научного познания, мы приходим к выводу о том, что социально-гуманитарное познание стремится не только удостоверить социальное бытие, обнаружить его проблемы, но и утвердить веру и надежду человека на лучшее бытие, где есть место истине и ценностям свободы, дружбы, справедливости, творчества. Применительно к динамике российского общества следует сказать, что сегодня социально-гуманитарные науки активно изучают сценарии развития в рамках различных политических, экономических и социокультурных коридоров возможностей с опорой на потенциал, инвестиции, резервы и ресурсы, имеющиеся сейчас у России.

Homo Academicus as a Bearer of Responsibility

Oleg D. Agapov

DSc in Philosophy, Professor of the Department of Philosophical and Sociopolitical Disciplines, Faculty of Law.

Kazan Innovation University Named After V.G. Timiryasova.

42 Moskovskaya Str., Kazan 420111, Russian Federation.

ORCID: 0000-0001-6352-8505

ag.oleg2015@yandex.ru

Igor' O. Agapov

Master's Degree Student of the Division of Philosophy and Religion Studies, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications.

Kazan (Volga Region) Federal University.

35 Kremlevskaya Str., Kazan 420111, Russian Federation.

newpost125@yandex.ru

Abstract. The authors explore the problem of scientists' and scholars' responsibility for the emergence, development, achievements, and failures of the modern world-system. They hypothesize that this problem of homo academicus (understood as a collective subject) responsibility can be systematically researched in the context of scientists' and scholars'

activities as personal social and anthropological practices concerned with re-producing the social. This article follows E. Levinas's idea that every form of subjectivity a priori acts as a form of responsibility, while also using J. Caputo's concept of "the end of ethics", reframing it as a strategy of "open-ended responsibility" in which the structure and contents of responsibility always have the potential to be reconsidered. Homo academicus is one of the subjects of Modernity; it is intimately related to the production of the social. Scientists and scholars as experts, idea generators, consultants, tenured professors etc. take part in and are responsible (alongside other subjects of Modernity) for the production of images of the human being (homo economicus, politicus, religiosus etc.). They themselves act within one of those images — homo academicus. In general, since the beginning of the twentieth century the social sciences and the humanities have gone from the universal rationality of M. Weber to the idea of methodologies with limited responsibility of V. Rozin. Through our study of the existential nature of scientific activity, we come to the conclusion that scientific cognition does not just legitimize social being and point at its problems; it also establishes hope for a better way of being where there's a place for truth, values of freedom, responsibility, friendship, creativity.

Keywords: anthropological approach, anthropological models, anthropological practices of "the care of the self", social responsibility, practices of responsibility, intellectuals, moral responsibility, social philosophy, ethics in the humanities, homo academicus.

For citation: Agapov O.D., Agapov I.O. Homo Academicus as a Bearer of Responsibility // Chelovek. 2023. Vol. 34, N 3. P. 60–72. DOI: 10.31857/S023620070026103-0

Литература/References

- Ингарден Р. Книжечка о человеке / пер. с нем. Е.С. Твердисловой. М.: Изд-во Московского ун-та, 2010.
- Ingarden R. *Knizhechka o cheloveke* [Little Book on Man], transl. from Germ. by E.S. Tverdislova. Moscow: Moscow University Press, 2010.
- Касавин И.Т. Наука как политический субъект // Социол. исслед. 2020. № 7. С. 2–12.
- Kasavin I.T. *Nauka kak politicheskii sub'ekt* [Science as a Political Subject]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2020. N 7. P. 2–12.
- Карсавин Л.П. Философия истории. СПб.: АО «Комплект», 1993.
- Karsavin L.P. *Filosofiya istorii* [Philosophy of History]. St. Petersburg: АО "Komplekt" Publ., 1993.
- Лаваль К. Человек экономический: Эссе о происхождении неолиберализма / пер. с нем. С. Рындина. М.: Новое лит. обозрение, 2010.
- Laval' K. *Chelovek ekonomicheskii: Esse o proiskhozhdenii neoliberalizma* [The Economic Man: An Essay on the Origin of Neoliberalism], transl. from Germ. by S. Ryndin. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010.
- Левинас Э. Время и Другой / пер. с фр. А.В. Парибка. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1998.

О.Д. Агапов,
И.О. Агапов
Homo
academicus
как субъект
ответственности

- 72

©2023 Г.Л. ТУЛЬЧИНСКИЙ

СМЫСЛ, СУБЪЕКТНОСТЬ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В ЦИФРОВЫХ КОММУНИКАЦИЯХ

Тульчинский Григорий Львович — доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки России.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Российская Федерация, 190008 Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, д. 16.

Научный сотрудник.

Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта.

Российская Федерация, 236041 Калининград, ул. Александра Невского, д. 14.

ORCID 0000-0002-5820-7333

gtul@mail.ru

Аннотация. Смысл, осмысление и смыслообразование, субъектность как ответственное самосознание и действие образуют ядро человеческого бытия, обеспечиваемого коммуникацией. Данная работа содержит попытку ответа на вопрос: что меняют в этом ядре цифровые коммуникативные форматы. Используются концепции прагматической и глубокой семиотики, которые позволяют конкретизировать роль социально-культурных практик как интерфейсов смыслообразования, а также показать роль субъектности как источника, средства и результата смыслообразования. Систематически рассмотрены вызовы социальному и гуманитарному знанию, порожденные цифровизацией. Показательно,

Исследование выполнено в рамках гранта РНФ (№ 22-18-00591) «Прагматическая коммуникация как интерфейс и операциональная система смыслообразования» в Балтийском федеральном университете им. И. Канта.

Ключевые слова: глубокая семиотика, культура, ответственность, прагмасемантика, преадаптация, прокреативность, смысл, социальная коммуникация, субъектность, ценностно-регулятивные системы, цифровизация.

Ссылка для цитирования: Тульчинский Г.Л. Смысл, субъектность и ответственность в цифровых коммуникациях // Человек. 2023. Т. 34, № 3. С. 73–92. DOI: 10.31857/S023620070026106-3

Смысл, субъектность и ответственность — теснейшим образом взаимосвязанные явления и концепты, ключевые для философии человека, морали и права. «Общим знаменателем», платформой реализации смысла, субъектности и ответственности является социальная коммуникация, обеспечивающая все формы социальной жизни. Поэтому обретение социальной коммуникацией цифровых форматов не только радикально меняет социально-культурные практики — от бизнеса, экономики, образования до политики, искусства и личной жизни. Оно неизбежно затрагивает также и процессы социализации, индивидуализации, позиционирования и самореализации личности, порождая нетривиальные вызовы, с которыми сталкиваются социальные и гуманитарные науки, философская антропология, как их сердцевина, в первую очередь.

Данная работа, не претендуя на полноту, представляет попытку рассмотрения природы, содержания и перспектив возможных ответов на эти вызовы. В реализации такой попытки используются две концепции. Во-первых, прагмасемантический подход [Zolyan, 2021; Тульчинский, 2022], с позиций которого контексты смыслообразования предстают интерфейсами взаимодействия каскадов социально-культурных практик. И, во-вторых, глубокая семиотика (deep semiotics) как расширение социальной семиотики за счет учета субъектности как источника, средства и результата смыслообразования [Тульчинский, 2019].

Г.Л. Тульчинский
Смысл, субъектность и ответственность
в цифровых коммуникациях

Вызов коммуникативный: дивергенция смысловых картин мира

Начнем с наиболее очевидного, порожденного особенностями информационно-коммуникативных технологий цифрового формата.

Если информация — некие данные, мера разнообразия, то, что измеряется в битах, байтах, килобайтах, мегабайтах и передается с помощью технических устройств, обеспечивающих информационные обмены, в том числе и с помощью кодировки [Шеннон, 1963], то коммуникация — обмен информацией, осмысленной кем-то и как-то, в каких-то целях и контекстах, она всегда мотивирована — со стороны как источника (адресанта), так и реципиента (адресата).

Принципиальная новизна современной коммуникативной ситуации состоит в том, что цифровые технологии обеспечили невиданные ранее доступ к информации, оперативность и масштаб ее позиционирования. В наши дни практически любой обладатель гаджета имеет возможность не только ознакомиться с массой информации, ранее труднодоступной, но и сам выступить в качестве источника информации или ее интерпретатора. Выражаясь в терминах «глубокой семиотики», можно сказать, что если раньше традиционные медиа (пресса, радио, телевидение) воспроизводили препарированные редакторами и журналистами социальные значения, в определенной степени инвариантно нормативные, и которые переводились в план личностных смыслов реципиентов, то новые медиа представляют в публичном пространстве сами личностные смыслы в виде непосредственно презентуемых эмоционально-оценочных переживаний. Собственно эта ситуация и является питательной средой, бэкграундом «постправды» и «фейков», анализ которых [Золян, Пробст, Сладкевич, Тульчинский, 2021] выводит на первый план ключевые характеристики, факторы и предпосылки теории и практики коммуникации,

прежде всего коммуникативных намерений и стоящих за ними смысловых картин мира, в коммуникации транслирующихся и ею формируемых.

Фейки порождает не только расчетливое манипулирование с целью нанести вред конкурентам в политике, бизнесе, науке, нанести ущерб их делу, имиджу и репутации, но и нераспознанные шутки, поспешные реакции, наивное доверие, непроверенные факты, оскорбленные чувства, стремление привлечь внимание. В намерения может входить нежелательность возможной ответственности за последствия активированной коммуникации. Более того, сами выявляемые намерения — результат реализации намерений аналитика и интерпретатора.

Представления о реальности и «правде» как соответствии ей могут существенно разниться. Каждый блогер, каждый пользователь вносит свой контент, свое понимание и свою правду. Правда на одном уровне рассмотрения способна предстать своей противоположностью на другом. Дело не в фактчекинге. Сами верификация или фальсификация на основе фактографии, как и сама фактография, могут рассматриваться с разных позиций, критиковаться, оспариваться. Даже в естествознании верификация данных зависит от интерпретаций, заложенных в самом языке описания, определяется используемыми методами и инструментами. И тогда фактчекинг, по сути, сводится к соответствию этого контента доминирующей смысловой картине мира — будь то в научной парадигме («теоретической рамке») или национальной культуре.

Смысл всегда обусловлен определенными практиками (фреймами, паттернами), задающими контекст смыслообразования и транслируемого коммуникативного контента. Современные коммуникативные технологии, с одной стороны, дают возможность представления глубокой дивергенции различного уровня практик и паттерном, соответствующих смысловых картин мира. С другой — возможность их пересечения и наложения, когда представления, намерения наслаиваются друг на друга, порождая масштабные трагедии, как в случае с французской школьницей из мусульманской семьи, которая часто прогуливала занятия и однажды соврала своему строгому отцу, что якобы учитель отстранил ее от занятий из-за спора вокруг карикатур на пророка Мохаммеда. Эмоции отца, выплеснутые им в социальных сетях, возбудили радикально настроенных пользователей, один из которых убил учителя, в результате чего мелкая бытовая детская лож разрослась до трагедии международного масштаба.

Возникает вопрос о возможности систематизации смысловых картин мира, их структурировании и привязке к социально-культурным практикам. Так, многообразие видов социально-культурных

практик с прагмасемантической точки зрения конкретизируется в концепции ценностно-регулятивных систем (ЦРС), которые определяются: 1) ценностным компонентом (предмета, целей и средств деятельности); 2) нормативным компонентом (правилами, регулирующими осуществление деятельности); 3) способом организации этой деятельности, включая общение. Коммуникация в конкретных ЦРС задает соответствующие дискурсивные практики, без освоения которых невозможно вхождение в сообщества: национальные, этнические, профессиональные, возрастные и т.п. В этой связи национальный язык (речь и письмо) оказывается путеводителем по совокупной системе ЦРС определенной культуры. А сама культура как совокупность ЦРС предстает механизмом порождения и воспроизводства социального опыта, «социальной памяти», «надындивидуальной системой информации», социализации личности как усвоения соответствующих программ социального опыта [Тульчинский, 2022]. В этом плане концепция ЦРС фактически является развитием фундаментальной идеи Г. Фреге о смысле как «способе данности» предмета [Frege, 1892].

Поскольку цифровые технологии коммуникации создают, если не приумножают, конфликты различных смысловых картин мира, связанных с различными ЦРС, постольку вопрос уточняется как возможность выработки (нахождения) некоего «общего знаменателя» множеств ЦРС. В этом случае мнения, смыслы можно анализировать на предмет соотношения с целями, намерениями, установками, исходными и доминирующими установками. Фактически эта задача может выглядеть заманчивой и с технической точки зрения реализуемой — она сводится к проблеме такого суверенного смыслового «блокчейна», некоей суверенной платформы распознавания и идентификации смыслов с позиций доминирующей смысловой картины мира.

Правда, в наши дни возможны неоднозначные кейсы оценки транслируемого контента. Ироничный шуточный «запрос» в правоохранительные органы в «Живом журнале» может вызывать соответствующую реакцию этих органов, поскольку система мониторинга, построенная на ключевых словах, не различает юмор, сатиру, сарказм, баг... Да и в судебной практике механизм различения серьезного заявления и шутки практически не работает, особенно если при этом выявляется оскорбление чьих-то чувств. Все зависит от достаточно сложной лингвистической и этической экспертизы и последующей интерпретации судом, который может оценкой экспертизы воспользоваться или нет.

Однако, самое главное, решение этой задачи представляется, в принципе, нереализуемым на таком пластичном и динамичном материале, как социальная коммуникация, в которой изначально

Г.Л. Тульчинский
Смысл, субъектность и ответственность в цифровых коммуникациях

Поэтому решение задачи видится в учете этого неформализуемого «остатка», а скорее — ядра коммуникации, то есть в учете личностного фактора.

По сути дела, как показывает упоминавшийся анализ проблемы фейков и постправды, дело не столько в верификации транслируемого контента, сколько в ответственности за этот контент. Если коммуникация мотивирована, интенциональна, то главным в ней становится вменение намерений, породивших контент. Понимание другого — суть понимание не столько значения используемых им слов, сколько намерений, с какими он вступил в общение.

Такое вменение может оказаться трудно выполнимым. Намерения, как уже отмечалось, могут быть связаны с наивностью, повышенной эмоциональной реакцией на происходящее. А когда дело доходит до судебных разборок, в ответ звучит: «Но я же ничего не утверждал, это было только мое впечатление, мнение, на которое я имею право!». Возникает вилка между правами человека и безопасностью. Фактически современное общество сталкивается с технологически закреплённым дисбалансом прав и ответственности.

Так, в приведенном выше случае со школьницей-прогульщицей ее отец, по его словам, не желал вреда учителю, а только «хотел быть хорошим отцом». Иногда намерения могут тщательно скрываться, как и автор, который может быть вымышлен, обозначен неким псевдонимом, ником. И тогда задача разрастается до выявления источника намерений создания данного контента, субъективации подлинного актора, скрывающегося за реальными и вымышленными авторами. Или в силу возможностей и масштабов вовлечения участников в современные сетевые коммуникации такое вменение оказывается распределенным, что также оказывается задачей достаточно сложной и нетривиальной. Так, в том же случае со школьницей-прогульщицей и убийством ее учителя обвинение было предъявлено 12 лицам: девочке; ее отцу, выложившему свои эмоции в сети; активисту, который сделал из этого целую кампанию; убийце и его друзьям, подвозившим

его до колледжа и знавшим о его намерениях; ученикам колледжа, показавшим за 300 евро учителя постороннему, который не скрывал, что намерен навредить учителю.

Отмеченный дисбаланс остро выявился в коронавирусную пандемию, когда в условиях карантина основным источником информации стал Интернет и в сеть обрушился поток домыслов и слухов, которые вызывали повышенный интерес и внимание, особенно на фоне противоречивых заявлений официальных инстанций.

Усугубляют ситуацию возможности роботизации и алгоритмизации коммуникативных процессов и практик. Начиная с элементарного — с работы поисковых систем, когда часто ограничиваются ссылками на первой странице, что только закрепляет лидирующее место этих ссылок для последующих пользователей, выводя на первые позиции неоднозначный и спорный контент. При этом алгоритмизация формирования, подачи и оценки информации вывела в сеть тысячи и тысячи ботов, которые порождают сегодня более 60% трафика онлайн. И жаловаться, предъявлять претензии в этом случае не на кого и некому.

Благодаря исключительным возможностям информационно-коммуникативного потока, манипулированию им в сочетании с нарушением баланса прав и ответственности возникает агрессивная коммуникативная среда, подпитывающая буллинг, ущерб и угрозы репутации, здоровью, имуществу, жизни... И в ситуации дивергенции смысловых картин мира, взаимного недоверия, перегретых сетевым самовозбуждением ожиданий достаточно искры...

Поэтому правительства были вынуждены включиться в борьбу с такой ситуацией в форме запретов, штрафов и уголовной ответственности. В большинстве стран мониторинг, контроль контента возложены на онлайн-платформы: если предписания не исполняются, то к ним применяются штрафные санкции. К этим мерам подключаются международные организации, некоторые провайдеры и агрегаторы новостей.

Разумеется, без таких практик запретов и контроля не обойтись. Однако ограничение ими недостаточно, а то и опасно. И они не всегда находят поддержку, а иногда трактуются и воспринимаются как ущемление прав и вызов демократии. Дело не только и не столько во внешнем контроле, который опытные манипуляторы уже научились использовать. Ключевым является баланс между нормативным регулированием и саморегулированием участников современной публичной коммуникации — не только провайдеров, но и самих производителей и потребителей контента. Не стоит забывать, что конфликты (в том числе международные) вызревают сначала в головах и в коммуникации. И если раньше кризисы были обусловлены недостаточностью информации, то

Г.Л. Тульчинский
Смысл, субъектность и ответственность в цифровых коммуникациях

в информационном обществе кризис сопровождается (а часто и вызывается) переизбытком информации, транслируемой медиа.

В этой связи ответственность за отбор и критерии достоверности сместились от источника к адресату, реципиенту, который к этому не готов или даже просто не хочет этим заморачиваться. Разрешение конфликтов, преодоление стрессов предполагают нелинейную культуру получения и формирования более полной картины происходящего и его осмысления. И формирование такой культуры еще только начинается.

Поэтому важную роль играет просвещение самих участников коммуникации, ее адресантов и адресатов. Более того, возникает запрос на ответственную речь, реализуемую не только посредством социального контроля, но и с помощью самостоятельной фильтрации информационного потока, стремления к источникам достоверной информации, персонам, ответственно ее представляющим. Помимо технологических и институциональных мер, все большую роль играют самоограничение и личная ответственность не только политиков, экспертов, журналистов, блогеров, других лидеров общественного мнения, но и их аудитории, отдельных пользователей.

Можно говорить о созревании условий пересмотра оценки М. Фуко перспектив концепта парресии применительно к современным дискурсивным практикам [Фуко, 2010]. Не исключено, что речь может идти о возрождении феномена парресии как ответственного публичного слова, реализующего публичную речь как поступок (вменяемое действие), в новом формате и масштабе — ответственности не только за транслируемый контент, не только за последствия его трансляции, но и прежде всего за сам факт взятия слова. Ответственность за взятое слово — вызов морали коммуникации, если не новое ее качество или просто новая мораль.

Таким образом, практики современной коммуникации выводят на первый план проблему ответственности в ее комплексном выражении — как интеграцию социального контроля в правовом и моральном форматах с личностным выбором в истоке, процессе и результате коммуникации. Но тогда вопрос упирается в саму возможность реализации ответственного самосознания, субъектности как бахтинского «участного мышления». Имеются ли для этого достаточные условия?

Вызов политэкономический

Современное общество массового потребления с цифровизацией практически всех проявлений социальной жизни создает

исключительно комфортную среду — у нас на глазах буквально реализован великий проект гуманизма Просвещения с его лозунгами «Все во имя человека! Все на благо человека! Человек есть мера всех вещей!». И мы знаем этого человека — это каждый из нас. Любая артикулированная потребность может быть удовлетворена. Так комфортно человечество еще никогда не жило. Более того, оставляемые нами на различных платформах, в различных приложениях так называемые большие данные (Big Data) создают возможности упреждения наших желаний.

Эти данные собираются зачастую незаметно для пользователя с помощью цифровых устройств и IoT, будь то на городских улицах, в магазинах, в банках, госучреждениях, на транспорте, в наших собственных квартирах. Полученные персональные данные используются для обучения нейронных сетей, а также для аналитики, манипулирования и контроля. На этом строится теория и технология «подталкивания» (nudge), регулируемого поведения в коммерческом и политическом маркетинге [Талер, Санстейн, 2016]. Как замечал Ж. Делез, если простые приспособления и машины породили общества суверенитета, энергетические системы — дисциплинарный социум, то компьютерные технологии — общество контроля [Делез, 2010].

По точному замечанию С.С. Неретиной на одной из конференций, современное общество становится воплощением классических антиутопий: западное общество активно реализует антиутопию «О, дивный новый мир» О. Хаксли, КНР (при поддержке, по крайней мере, ханьской части населения) — замятинскую антиутопию «Мы», а некоторые общества — оруэлловский «1984». Этот ряд можно дополнить реализацией антиутопий А. Платонова и Р. Брэдбери.

Но тогда возникает вопрос: кому и зачем нужен субъект в первом лице, когда все проблемы решаемы за него и без него в третьем лице?

Более того, человек, обстоятельства его жизни, личность, субъектность (самость и аутентичность) стали не только предметом контроля. Сам факт нашего существования, порождающий большие данные, стал новым источником рентного дохода. Пророчески (правда, уже слегка наивно) звучит реплика М. Маклюэна, что индустриальные технологии и рыночные механизмы одновременно преувеличивают и редуцируют поведенческое содержание секса, превращая человека в свой сексуальный орган [McLuhan, 1951: 99]. Маклюэн имел в виду педалирование темы секса в маркетинге и рекламе. Но в условиях цифровизации его метафора реализовалась причудливо буквально. Подобно пчелам, выполняющих роль секс-органа растений, переноса пыльцу, способствуя опылению

Г.Л. Тульчинский
Смысл, субъектность и ответственность в цифровых коммуникациях

и росту урожая, человек выполняют роль секс-органа цифровых платформ, фактами своей жизни оставляя следы (Big Data), которые монетизируются. И как пчелы параллельно вырабатывают воск и мед, за которыми приходят пасечник или медведь, так и люди параллельно производят новые технологии и механизмы, которыми пользуются бизнес и государство. К природной, трудовой и сетевой ренте добавилась рента экзистенциальная.

На глазах возникают новые неравенства: по доступности благ и уровню потребления; по уровню информационно-коммуникативной и компьютерной компетентности (владения технологиями); по доступу к соответствующим ресурсам; разработчики и собственники разрабатываемых алгоритмов.

Капитализм — система хозяйствования, принципиально вне- и бесчеловечная, нацеленная на рост капитала, оказалась не только удивительно живучей, пережившей несколько трансформаций. В цифровом изводе его система получает исторически наиболее чистое и полное выражение. К метафоре с пчелами, навеянной Маклюэном, можно добавить метафору Виктора Пелевина в «Empire V», согласно которой миром правят вампиры, которые разводят людей, как муравьи тлей, и питаются вырабатываемым людьми напитком — баблосом, а новых вампиров вербуют из людей, обучая их двум вампирским наукам: дискурсу и гламуру.

Или ситуация подобна поздней Римской империи с ее благополучием, детальными институциями, когда пришедший «варвар» от первого лица поместил закоснелый мир в новый контекст, открывая новые горизонты развития? И угроза ли это?

Вызов метафизический: инорациональность

Вернемся к самой сущности цифровизации. Речь идет о разработке и использовании технологий, основанных на идеях дискретности, алгоритмичности, вычислимости, программируемости [Целищев, 2023]. Идея сделанности, реализуемости, вычислимости — магистральный путь цивилизации: «я знаю x постольку, поскольку могу сделать x ». Познать — значит раскрыть «скрытый схематизм» явления (Ф. Бэкон). Искусство как прием (В. Шкловский). Понимание исторического артефакта, явления как реконструкция их возникновения и использования (Р. Коллингвуд). Наконец конструктивизм в основаниях математики, деконструкция как модель понимания и образование как обретение «компетенций» (know how). Вытеснение естественного отбора инжинирингом (продуманным дизайном). Биоинженерия, включая генную инженерию, выведение новых видов. Бионика (киборгизация): совмещение органических и

неорганических систем и подсистем, включая интерфейс мозг–компьютер, «интермозгонет». Перспектива создания неорганической жизни: перехода «с белка на песок» (в смысле перехода с органики на кремний). Все это существенно иные онтология и эпистемология.

Акцент на конструктивности, сделанности меняет логическую семантику. На первый план выходит отношение элемента и множества, определяемого не свойством, объединяющим элементы, а отношениями порождения (генерирования) и части-целого в духе мереологии С. Лесневского. Познание становится не столько «истинным описанием», сколько «эффективным воплощением».

Мир, культура как воплощение цифрового кода — что это? Реализация идей Платона и Пифагора? Срыв в архаику? Отнюдь не экстравагантным выглядит внимание Э.В. де Кастру к «антильскому кейсу» К. Леви-Строса о принципиальном отличии индейской и европейской метафизики. В европейской метафизике природа едина, различаются точки зрения (смыслы, культуры). Выражаясь семиотически — денотат один, смыслы различны. Понять нечто — значит занять точку зрения, позицию. «Не-людям» (животным, прочей живой и даже неживой природе) свойственно «недоразвитое сознание», а людям свойствен мультикультурализм. С позиций индейской («канибальской») метафизики есть единая точка зрения на различное, смысл один, различны денотаты (воплощения). Понять — значит воплотить, занять тело. И мы имеем дело не с различными культурами, а с «мультикультурализмом» [Кастру, 2017]. Индейская метафизика вполне соответствует картине мира, прописанной современными пост- и трансгуманизмом [Феррандо, 2022]. Самообучающиеся (правда, пока еще разработанным программистами алгоритмам на материале кейсов уже реализованного опыта) нейросети уже не только консультируют и ведут образовательные проекты, выигрывают у чемпионов мира в покер, где есть возможность блефа и манипулирования противником, они способны устанавливать коммуникацию между собой на специально придуманном ими языке, не понятном разработчикам, из-за чего последним приходится останавливать такие проекты. Продолжение же этого тренда чревато тем, что человеку придется вырабатывать институциональные формы существования с наделенными субъектностью «не-людьми».

Или это полное торжество рационализма, доведенное до его крайности, т.е. противоположности?

Вызов антропологический

Большую часть своей истории человек осмыслял окружающий мир, делал его понятным посредством «очеловечивания», уподобления его себе.

Г.Л. Тульчинский
Смысл, субъектность и ответственность в цифровых коммуникациях

На этом построены магические практики и ритуалы, молитвы, как взаимодействия, диалоги с антрополоподобными существами и силами.

Инструменты, орудия, аппараты, приборы выступали как орга-нопроекции, продолжатели и усилители тела и рецепторов [Карр, 1977]. В эпоху индустриализации это вызвало нараставший аларм перед экспансией машин: темы Франкенштейна, двойников, роботов в искусстве, предупреждения философов Франкфуртской школы...

Современная ситуация радикально отличается от ситуации, о которой писали Т. Адорно, М. Хоркхаймер, Г. Маркузе. Качественная новизна современности заключается в том, что человек имеет дело не с отдельными практиками, а с их взаимодействием, новой целостной средой обитания, практически полностью искусственной: от производства продуктов питания до зданий и сооружений, созданных на 3D-принтерах, беспилотных транспортных средств, комплексов типа smart city, интернета вещей, превращающегося в «интернет всего» (Internet of everything). Среда обитания, экосистема предстала не просто как техносфера, а целостная система взаимодействующих программ. Уже не столько новые технологии становятся частью нас, сколько мы — частью этих технологий. «Как печатная машинка, граммофонная пластинка и киноплёнка разъединили и механизировали элементы смыслообразующей системы человека... цифровые технологии вновь начали перестраивать платы нашей субъектности» [Галлоуэй, Такер, Маккензи, 2022: 13].

Новая сделанность вытесняет не только природный мир, но и его восприятие, сам опыт переживания «от первого лица». Это уже проблема не роботов, андроидов и прочих «двойников». И даже не машиноподобности человека. Его самость и аутентичность становятся побочным продуктом некоей «мегамашины» — искусственно созданной самодостаточной экосистемы. Это уже проблема не «мозаичного сознания», о котором много писали во второй половине XX века в связи со становлением массового информационного общества. Масштабы и скорости современной коммуникации таковы, что от человека требуется не рефлексивное рассуждение, а «новая животность» — оперативная реакция, причем по не им самим выработанному алгоритму.

Культура всегда рассматривалась как система порождения, отбора, хранения, воспроизводства и трансляции социального опыта, «негенетического наследования информации о поведении» [Лотман, 2010], механизм социализации, формирования сознания как «вращения» программ социально-культурного опыта (Л.С. Выготский). Но в условиях цифровизации культура так или

иначе становится буквально цифровой машиной программирования индивидуального опыта. Однако, если социализированный индивидуальный субъект состоит из тиражированных элементов, то где оказывается «он сам», его субъектность? Изнутри самой системы ответ затруднен. Напрашивается ответ, что «источник индивидуальной уникальности оказывается вне самого субъекта» [Гвоздииков, 2019: 1]. Если человек, его субъектность — часть, опция «машины культуры», то это уже ситуация не столько «Матрицы», когда человек и его субъектность — сырье для порождения реальности, сколько «Соляриса», где человек с его внутренним миром — порождение планетарной целостности. Или порожденная культурой субъектность, эта саморефлексивная противоречивая «странная петля», вступает в «диалогическое» взаимодействие с различными ЦРС культуры, заимствуя их смысловое содержание и способствуя их развитию?

Г.Л. Тульчинский
Смысл, субъектность и ответственность
в цифровых коммуникациях

Неизбыточность субъектности

Понимание смысла как некоего способа данности, использования предмета, явления мало чем отличает человека от любого живого существа, так или иначе наделенного базовой интенцией стремления к самосохранению, выживанию, продолжению рода, позволяющей ему избирательно ориентироваться в окружающем мире, влиять на него [Dennett, 1998]. Существенным образом ситуация изменилась примерно 700 тысяч лет назад, когда вид *homo sapiens* обрел конкурентное преимущество перед другими пятью-шестью видами *homo*, освоив помимо сигнальной коммуникации нарративную («когнитивная революция» [Харари, 2021]), в которой порождается и транслируется развернутое представление некоего события (акторы, их цели и действия, обстоятельства, последствия) или череды событий. Если сигнальная коммуникация позволяет объединять до 100–120 особей (род, племя), то нарративная — рассказывание историй — позволяет объединять сотни, тысячи, а теперь и миллионы индивидов, верящих общим нарративам. Миф, религия, идеология, история, мораль, право, образование, экономика, деньги — все это не что иное, как нарративы, в которые мы верим, которые задают смысловую картину мира, задают ориентиры в наших действиях, помогают выстроить мотивацию и в поступках — преобразовать реальность, воплощая эту картину мира.

Эта способность к осмыслению, смыслообразованию породила колоссальные возможности пластичности поведения, расширения горизонта прошлого и будущего — всего того, что сейчас

называется прокреативной преадаптацией [Асмолов, Шехтер, Черноризов, 2018; Киященко, 2022]. Более того, в процессе социализации, освоения социально-культурных практик, сопровождаемых коммуникацией, возникает не просто сознание, а самосознание, когда ребенок к третьему году жизни осваивает не только и не просто речь, но именно наррации от первого лица. Той или иной формой телесной выделенности в потоке взаимодействия с окружающим миром (proto self) обладают все живые существа, а тем более животные с развитой нервной системой и головным мозгом с их способностью к активной избирательности поведения (core self). Но только у человека возникает самосознание (autobiographical self), способность к памяти как писанию (и переписыванию) «романа» своей жизни, автором и главным персонажем которой выступает сам индивид [Damasio, 2010; Henrich, 2007]. Для представлений этого феномена используется много концепций: самосознание, память, Я, самость, субъективность, вменяемость. Одно из самых недавних и весьма операциональных является «странная петля» (strangle loop) [Hofstadter, 2007], уподобляющая самосознание ленте Мебиуса, самозамыкающей социализацию и индивидуализацию, внутреннее и внешнее бытие личности в ее сознании. Однако в нашем дальнейшем изложении будет использоваться термин «субъектность» — он позволяет представить не только уникальное своеобразие «странной петли», но и ее носителя как активного действующего ответственного актора. Именно с субъектностью связывается проявление свободы воли.

И в этой связи — об ответственности. Обычно ответственность рассматривается как следствие проявления свободы воли, которой наделен субъект, — на этом строятся обыденные, теоретические и нормативные представления творчества, морали и права. Свобода как чувствилище трансцендентного, способность выхода за рамки имманентного — тема слишком широкая и хорошо известная, чтобы детально в нее погружаться в данной работе. Однако, если бы был возможен спор между Н.А. Бердяевым, Ж.-П. Сартром, трактовавшими свободу как «дыру в бытии», а ответственность — как следствие свободы, с одной стороны, и М.М. Бахтиным, утверждавшим вторичность свободы от ответственности, изначального «не-алиби» человека в бытии, а сознания, разума как меры и глубины ответственности, с другой, то, похоже, прав бы был Бахтин. И с этим согласится любой родитель, учитель, воспитатель, тренер. Как уже говорилось выше, социализация сопровождается нарративной коммуникацией, в которой другие грузят нас ответственностью. «Это не чашка упала. Это ты ее уронил. Мог уронить, мог не уронить. Это ты сделал». В этом

заключается смысл воспитания, образования, освоения профессии — нас вырывают из причинно-следственных связей, замыкая причины на нас, делая нас *causa sui*. Собственно вторичность свободы от ответственности подтверждается и нейрофизиологическими исследованиями [Libet, 1985; Wegner, 2002], о результатах которых, по мнению Перебума, не стоит рассказывать всем людям, но нужно быть к ним терпимее [Pereboom, 2001]. Речь идет о том, что между реакцией на некий стимул и осознанной реакцией имеется зазор от нескольких десятых секунды до нескольких секунд. Это означает, что наша мотивация сплошь и рядом есть поздняя (иногда оправдывающая) рационализация реакций организма. Другими словами, на коротких интервалах времени действует каузальность, а не свобода воли. Но на длинных интервалах включается самосознание, выстраивающее осмысленную картину мира и ориентиры для последующих действий.

Знал ли Д. Перебум, что он фактически перефразировал Ф. Ницше, считавшего, что свобода, мораль и право выдуманы, чтобы оценивать и судить? В любом случае, да, субъектность, самосознание самости — результат социализации и освоения нарративной коммуникации. Да, свобода то же эпифеномен культуры, «гружения» ответственностью в процессе ее освоения. Но это не отменяет факта возникновения «странной петли» самосознания и роли субъектности в поступках. Она проявляется и выражается не только и не столько в простых реакциях и рутинном поведении, сколько в поступках — деятельности не по предзаданному алгоритму.

Да, смысловые картины мира закрепляются в культурных практиках, соответствующих ЦРС, о которых говорилось выше. Но динамика смыслообразования и соответствующих ЦРС (тем более в их цифровом изводе) предполагает разнообразие точек зрения, которые в глубокой семиотике связаны с оценочными отношениями и эмоциональными переживаниями. Поэтому смыслообразование начинается даже не в «диалоге культур». Всякая культура как составляющие ее ЦРС самодостаточна, нормативна, и ни в каком «диалоге» не нуждается. В диалоге нуждаются люди — существа не самодостаточные, открытые к обменам (веществ, товаров, знаний). Человек конечен и осознает свою конечность. Он испытывает эмоции, которые могут быть обусловлены состоянием организма, ситуациями, в которые человек попадает. Именно эмоционально окрашенные переживания являются источником смыслообразования. Этим, своей эмоциональной настроенностью и рефлексией, он отличается от машины, которая может формулировать задачи по достижению цели, даже ставить цели — на какой-то ценностной шкале. Но выйти за пределы шкалы — сбой

Г.Л. Тульчинский
Смысл, субъектность и ответственность
в цифровых коммуникациях

в программе. А человек сбоят постоянно — хотя бы в воображении, хотя бы из ресентимента.

Это делает человеческие слабости преимуществом. Важно не просто сознание (оно моделируемо в третьем лице), а способность мыслить, осознавать себя и Другого, то есть самость субъектности в первом лице, выступающая универсальным интерфейсом прагмасемантики смыслообразования, позволяющим переходить из контекста одной ЦРС в другие, менять соответствующие интерфейсы, реализуя упомянутую прокреативную преадаптивность. И это ценит продвинутый работодатель, если он заинтересован в развитии. Так, во время 30-минутного собеседования при поступлении на MBA в Harvard business school задаются вопросы типа: «Объясните мне, над чем Вы работаете, как будто я восьмилетний ребенок», «В чем Вы никогда не сможете добиться успеха и быть так же хороши, как другие?», «Чем Вы хотели бы запомниться?», «Как Вы принимаете важные решения?», «Какой самый непростой вопрос задавали Вам?». Все эти вопросы фактически суть тест на развитую субъектность, способность рефлексии над интерфейсами контекстов. Это выводит на первый план не просто знания и навыки, а способность к критическому мышлению, выявлению проблем, их нестандартному решению.

Возникает перспектива технологически закрепляемого неравенства и расслоения социума по степени и качеству осмысления бытия. С некоторой степенью возможности выбора позиции. Во-первых, вмняемое самосознание самости, субъектность — позиция не всегда комфортная. Во-вторых, выбор комфорта цифровых платформ — человека-опции, «секс-органа» этих платформ. И, в-третьих, нахождение в неупорядоченном потоке, «новая животность» реагирования на внешние стимулы.

Ergo

Современная коммуникация отчетливо технологически закрепила две тенденции: дивергенции смысловой картины мира и возможности презентации личностного ее выражения. Показательно, что рассмотрение порождаемых этим трендом вызовов приводит к проблеме вмняемой субъектности. В этико-правовом вызове это выражается в соотношении технологии контроля и личностной парресии, в политэкономическом вызове — в экзистенциальной ренте, в метафизическом — в полюсах человека-опции и «не-человеческой» субъектности. Наиболее полно это выражается в антропологическом вызове — перспективах расслоения социума

в зависимости от степени принятия и реализации ответственной субъектности.

Это, как представляется, порождает новый запрос на гуманитарное знание, к которому гуманитарии не очень готовы. Речь идет о комплексной гуманитарной экспертизе не только и не столько последствий реализации новых технологий, но и целей их разработок, содержания и хода этих разработок, а также процесса их внедрения, включая участие в этих процессах.

Meaning, Subjectness and Responsibility in Digital Communications

Grigorii L. Tulchinskii

DSc in Philosophy, Professor, Merited Scientist of the Russian Federation. National Research University "Higher School of Economics".

16 Soyuz Pechatnikov Str., Saint Petersburg 190008, Russian Federation.

Researcher, Immanuel Kant Baltic Federal University.

14 Alexander Nevsky Str., Kaliningrad 236041, Russian Federation.

ORCID 0000-0002-5820-7333

gtul@mail.ru

Abstract. Meaning, comprehension and sense formation, subjectness as a responsible self-consciousness and action form the core of human being provided by communication. This paper contains an attempt to answer the question — what do digital communication formats change in this core. There are used the concepts of pragmasemantics and deep semiotics, which allow concretizing the role of socio-cultural practices as meaning-formation interfaces, as well as showing the role of subjectivity as a source, means and result of meaning-formation. The challenges to social and humanitarian knowledge generated by digitalization are systematically considered. It is significant that the consideration of each of the challenges leads to the problem of sane subjectivity. Thus, the analysis of the ethical and legal challenge leads to the need to further clarification of the relationship between control technology and personal parrhesia, to overcome the imbalance of rights and responsibilities. Consideration of the political economic challenge reveals the fact of the emergence of existential rent and, in this regard, new inequalities, perspectives for a new stratification of society. The metaphysical challenge shows the emergence of a human-option and "non-human" subjectness — with the prospect of building a social reality between these two poles. The anthropological challenge opens up prospects for stratification depending on the degree of acceptance and implementation of responsible subjectivity. Thus, the conducted analysis shows the non-eliminable role of subjectness as an integral interface of meaning formation and a key factor of procreativity and pre-adaptation, which ensured and continue to provide the development of civilization. This positions humanitarian knowledge in a new way, the demand for it, and sets

Г.Л. Тульчинский
Смысл, субъектность и ответственность
в цифровых коммуникациях

also the task of institutionalizing a complex humanitarian expertise not only of the consequences of new technologies, but of the stages of their design, development and implementation.

Keywords: deep semiotics, culture, responsibility, pragmasemantics, pre-adaptation, pro-creativity, meaning, social communication, subjectness, value-regulatory systems, digitalization.

For citation: Tulchinskii G.L. Meaning, Subjectness and Responsibility in Digital Communications // *Chelovek*. 2023. Vol. 34, N 3. P. 73–92. DOI: 10.31857/S023620070026106-3

Литература/References

Асмолов А., Шехтер Е., Черноризов А. Преадаптация к неопределенности: непредсказуемые маршруты эволюции. М.: Акрополь, 2018.

Asmolv A., Shekhter E., Chernorizov A. *Preadaptatsiya k neopredeljonnosti: Nepredskazuemye marshruty evoljutsii* [Pre-Adaptation to Uncertainty: Unpredictable Evolutionary Routes]. Moscow: Akropol Publ., 2018.

Гвоздилов Д. Схоластика для инстаграма: к цифровой антропологии современности // *Логос*. 2019. Т. 29, № 6. С. 1–17.

Gvozdikov D. Skholastika dlja instagrama: k tsifrovoj antropologii sovremennosti [Scholasticism for Instagram: towards the digital anthropology of modernity]. *Logos*. 2019. Vol. 29, N 6. P. 1–17.

Гэллоуэй А.Р., Такер Ю., Маккензи У. Экскоммуникация. М.: Ад Маргинем Пресс, 2022.

Galloway A.R., Thacker E., Mckenzie W. *Ekskommunikatsija* [Excommunication]. Moscow: Ad Marginem Press Publ., 2022.

Делез Ж. Логика смысла. М.: Академический проект, 2010.

Deleuze G. *Logika smysla* [The logic of meaning]. Moscow: Akademicheskij projekt Publ., 2010.

Золян С.Т., Пробст Н.А., Сладкевич Ж.Р., Тульчинский Г.Л. Фейки: коммуникация, смыслы, ответственность / под ред. Г. Тульчинского. СПб.: Алетея, 2021.

Zolyan S.T., Probst N.A., Sladkiewicz Z.R., Tulchinskii G.L. *Fejki: kommunikatsija, smysly, otventstvennost'* [Fakes: communication, meanings, responsibility]. St. Petersburg: Aleteja Publ., 2021.

Кастру Э.В., де. Канныбальские метафизики. Рубежи постструктурной антропологии. М.: Ад Маргинем, 2017.

Castro E.V., de. *Kannibal'skie metafiziki. Rubezhi poststruktutnoj antropologii* [Cannibal Metaphysics. Frontiers of Poststructural Anthropology]. Moscow: Ad Marginem Publ., 2017.

Киященко Л.П. (ред.) Человек как открытая целостность. Новосибирск: Академиздат, 2022.

Kijashchenko L.P. (ed.) *Chelovek kak otkrytaja tselostnost'* [Man as open integrity]. Novosibirsk: Akademizdat Publ., 2022.

Лотман Ю.М. Семосфера. СПб.: Искусство, 2010.

Lotman Y. *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg: Iskusstvo, 2010.

Талер Р., Санстейн К. *Nudge: Архитектура выбора*. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016.

Taler R., Sunstein K. *Nudge: arkhitektura vybora* [Nudge: Choice architecture]. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber Publ., 2016.

Тульчинский Г.Л. Прагмасемантика цифровых коммуникаций: смысловые картины мира, ценностнорегулятивные системы и ответственность // Государство и граждане в электронной среде. Вып. 6. СПб.: ИТМО, 2022. С. 9–23.

Tulchinskii G.L. *Pragmasemantika tsifrovyykh kommunikatsij: smyslovye kartiny mira, tsennostnoregulativnye sistemy i otvetstvennost'* [Pragmasemantics of Digital Communications: Semantic Pictures of the World, Value-Regulatory Systems and Responsibility]. *Gosudarstvo i grazhdane v elektronnoy srede*. Iss. 6. St. Petersburg: ITMO Publ., 2022. P. 9–23.

Тульчинский Г.Л. Расширение возможностей семиотического анализа: источники и содержание концепции «глубокой семиотики» // Вопросы философии. 2019. № 11. С. 115–125.

Tulchinskii G.L. *Rasshirenie vozmozhnostej semioticheskogo analiza: istochniki i sodержanie kontseptsii "glubokoj semiotiki"* [Expanding the Possibilities of Semiotic Analysis: Sources and Content of the Concept of "Deep Semiotics"]. *Voprosy filosofii*. 2019. N 11. P. 115–125.

Тульчинский Г.Л. Тело свободы: Ответственность и воплощение смысла. СПб.: Алетея, 2019.

Tulchinskii G.L. *Telo svobody: otvetstvennost' i voploshchenie smysla* [The Body of Freedom: Responsibility and Embodiment of Meaning]. St. Petersburg: Aleteja Publ., 2019.

Феррандо Ф. *Философский постгуманизм*. М.: ИД Высшей школы экономики, 2022.

Ferrando F. *Filosofskij postgumanizm* [Philosophical Posthumanism]. Moscow: ID Vysshej shkoly ekonomiki Publ., 2022.

Фуко М. Речь и истина. Лекции о парресии (1982–1983). М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2010.

Foucault M. *Rech' i istina. Lektsii o parresii (1982–1983)* [Speech and truth. Lectures on Parrhesia (1982–1983)]. Moscow: Delo Publ., 2010.

Харари Ю.Н. *Sapiens: краткая история человечества*. М.: Синдбад, 2021.

Harari Y.N. *Sapiens: kratkaja istorija chelovechestva* [Sapiens: A Brief History of Humankind]. Moscow: Sindbad Publ., 2021.

Целищев В.В. *Алгоритмический ум*. М.: Канон+, 2023.

Tselishchev V.V. *Algoritmicheskij um* [Algorithmic mind]. Moscow: Kanon+ Publ., 2023.

Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике. М.: Издательство иностранной литературы, 1963.

Shannon K. *Raboty po teorii informatsii i kibernetike*. [Works on information theory and cybernetics]. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoj literatury Publ., 1963.

Damasio A. *Self Comes to Mind: Constructing the Conscious Brain*. New York: Pantheon., 2010.

Г.Л. Тульчинский
Смысл, субъектность и ответственность
в цифровых коммуникациях

- Dennett D.C. *Brainstorms: Philosophical Essays on Mind and Psychology*. Cambridge: MIT Press, 1998.
- Frege G. Über Sinn und Bedeutung. *Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik*. 1892. P. 25–50.
- Henrich D. *Denken und Selbstsein: Vorlesungen Über Subjektivität*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2007.
- Hofstadter D.R. *I Am a Strange Loop*. New York: Basic Books, 2007.
- Kapp E. *Grundlinien einer Philosophie der Technik. Zur Entstehungsgeschichte der Cultur aus neuen Gesichtspunkten*. Braunschweig: Georg Westermann, 1877.
- Libet B. Unconscious Cerebral Initiative and the Role of Conscious Will in Voluntary Action. *Behavioral and Brain Sciences*. 1985. Vol. 8, N 4. P. 529–566.
- McLuhan M. *The Mechanical Bride: Folklore of Industrial Man*. New York: The Vanguard Press, 1951.
- Pereboom D. *Living Without Free Will*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
- Wegner D. *The Illusion of Conscious Will*. Cambridge, MA: MIT Press, 2002.
- Zolyan S. On pragma-semantics of Expressives. Between words and actions. *Studies at the Grammar-Discourse Interface*, ed. by A. Haselow, S. Hancil. Amsterdam: J. Benjamins Publ., 2021. P. 245–271.

©2023 И.Г. СНЕТКОВ

СТРАТЕГИИ НАТУРАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЪЯСНЕНИЯ МОРАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: КОМПАТИБИЛИЗМ И ЭЛИМИНАТИВИЗМ

Снетков Иван Геннадьевич — приглашенный преподаватель, аспирант Школы философии и культурологии.
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».
Российская Федерация, 101000 Москва, ул. Мясницкая, д. 11.
ORCID: 0000-0003-4314-3346
i.snetkov@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию интуиции моральной ответственности с позиций натурализма. Целью статьи было проанализировать, какие возможны натуралистические подходы к концепции моральной ответственности с нейрофилософской точки зрения. Ставится задача пересмотреть концепцию моральной ответственности с целью преодоления либертарианской и классической компатибилистской интуиции и перехода к натуралистическому объяснению. Это исследование показывает, что интуиция моральной ответственности основана на том, что мозг человека наделен двумя различными параллельными системами восприятия каузальности. С учетом этих эмпирических данных предлагаются две возможные стратегии натуралистического объяснения моральной ответственности, концептуально обозначенные как нейрофилософский компатибилизм (НК) и нейрофилософский элиминативизм (НЭ). В защиту первой стратегии НК выдвигается эпистемический аргумент, который утверждает, что знание того, как именно кто-то детерминирован, принципиально ограничено, и поэтому мы не должны основывать

Ссылка для цитирования: Снетков И.Г. Стратегии натуралистического объяснения моральной ответственности: компатибилизм и элиминативизм // Человек. 2023. Т. 34, № 3. С. 93–110. DOI: 10.31857/S023620070026107-4

Нейронаука расширила философские дискуссии о сознании, и ее данные стали неотъемлемой частью философии сознания

94

в целом и дискуссий по проблеме свободы воли в частности. В данной статье я рассмотрю роль нейронауки для концепции моральной ответственности. Я буду защищать тезис о том, что нейронаука необходима для формулирования эмпирически обоснованной версии моральной ответственности. Моральная ответственность должна быть пересмотрена в некоторых важнейших аспектах: необходимо отказаться от либертарианской и классической компатибилистской интуиции конечной ответственности морального агента как от когнитивного искажения, вводящего в заблуждение, и перейти к концепциям моральной ответственности, которые будут ближе к концепциям, основанным на жестком детерминизме. Таким образом, задача настоящей статьи состоит в пересмотре моральной ответственности с целью преодоления либертарианской и классической компатибилистской интуиции и переходу к натуралистическому объяснению. И в этом пересмотре когнитивная нейронаука играет решающую роль.

Как именно следует пересмотреть концепцию моральной ответственности? Я утверждаю, что с позиций натурализма² существуют два основных пути в объяснении моральной ответственности, которые можно условно обозначить как:

- 1) нейрофилософский компатибилизм;
- 2) нейрофилософский элиминативизм.

Обе концепции будут рассмотрены в рамках статьи. Еще одна задача этой статьи — объяснить, почему интуитивно кажется, что у нас есть свобода воли? Почему иногда возникает сильная уверенность в том, что наши действия происходят из беспричинного внутреннего источника в нашем «Я»? Когнитивная нейронаука может помочь объяснить происхождение таких интуиций и провести различие между иллюзиями о себе и реалистичным взглядом на наши способности и возможности [Wegner, 2002].

Прежде чем перейти к вопросу о моральной ответственности, необходимо будет показать, каким образом нейронаука объясняет некоторые из наших иллюзий относительно интуиций физической и ментальной каузальности³, что напрямую связано и с протекающей из них интуицией моральной ответственности. Затем

И.Г. Снетков

Стратегии натуралистического объяснения моральной ответственности: компатибилизм и элиминативизм

² Следуя здесь Данто, натурализм понимается полемически и определяется как отрицание мнения, что существуют или могут существовать какие-либо сущности, которые, в принципе, лежат за пределами научного объяснения [Danto, 2008: 2].

³ «Ментальная каузальность — это способность ментальных состояний, убеждений и желаний агентов быть причиной других ментальных или физических состояний» [Волков, 2017]. Также о проблеме физической и ментальной каузальности в контексте нейронаук см.: [Кузнецов, 2014].

я проиллюстрирую, как эмпирически нейронаука подрывает идею классического компатибилизма и либертарианства через эпистемический аргумент в пользу нейрофилософского компатибилизма. Наконец я перейду к некоторым открытиям в области механизмов морального суждения, которые также требуют натуралистического подхода к моральной ответственности.

Объяснение интуиции физической и ментальной каузальности

Итак, возьмем, к примеру, интуицию о том, что мы сами являемся инициаторами наших действий и решений благодаря особой способности, которая не подчиняется обычным законам причинно-следственной связи. Эта интуиция основана на том, что мозг человека наделен двумя различными системами восприятия каузальности: одна из них отведена под ощущение нормальной, физической каузальности, то есть объектов, управляемых физическим законом действия и противодействия [Blakemore, 2001], а другая система предназначена для восприятия убеждений, желаний и намерений других биологических организмов [Gallagher, 2003]. Сравнивая свои восприятия, человек приходит к интуитивному выводу, что одни объекты не подчиняются обычной физической каузальности.

Способность понимать, что другие организмы имеют ментальные состояния, такие как убеждения, желания и намерения, назвали «Теорией Разума» (TR) [ibid.]. По-видимому, это уникальная человеческая способность. Она развивается после трехлетнего возраста. Ее можно проверить, например, с помощью задач, которые можно решить, только если испытуемые принимают во внимание, что персонажи, изображенные в сказках или мультфильмах, действительно имеют убеждения, желания и намерения.

Эксперименты с Теорией Разума, активирующие восприятие физической и ментальной каузальности, а также противопоставляющие их друг другу, были проведены над испытуемыми с поражением мозга, с психическими расстройствами, такими как аутизм или шизофрения, а также с нормальными испытуемыми с использованием методов функциональной нейровизуализации. Было продемонстрировано, что у пациентов с поражением мозга повреждение лобной коры ухудшает способность решать задачи Теории Разума. Еще более интересными являются результаты экспериментов по нейровизуализации. Было обнаружено, что при выполнении задач Теории Разума задействован целый ряд областей мозга: две латеральные области (верхняя височная борозда

(STS) и передние височные столбы) и две медиальные области (задняя поясная кора/прекунеус и передняя парамедиальная кора (APCC)). Все эти области представляют интерес, но здесь я сосредоточусь на двух — STS и APCC. Было установлено, что STS предпочтительно реагирует на движение биологического объекта по сравнению с небиологическим. Но что такого особенного в таком «биологическом движении»? Движение живой материи определяется не только внешними силами, то есть объектами, сталкивающимися друг с другом и подчиняющимися закону действия и противодействия, но и внутренними силами с особыми паттернами движения. Когда человек видит паттерны, не обусловленные очевидными для него внешними силами, он автоматически склонен интерпретировать их как волевые или намеренные [Castelli et al., 2002].

Вторая область, передняя парамедиальная кора (APCC), активна, когда нормальные испытуемые должны оценивать истории, в которых необходимо «чтение мыслей», то есть понимание ментальных состояний персонажей историй. Это было показано в нескольких нейровизуализационных исследованиях. В одном из них было обнаружено, что APCC специфически активизируется, когда испытуемые занимают интенциональную позицию [Gallagher, 2002]. Людей сажали за компьютеры, и они играли в специальную версию игры «камень, ножницы, бумага» номинально либо против человека, либо против компьютера. И игра против человека была связана со специфической активацией APCC. Функция этого крошечного участка медиальной части префронтальной коры, APCC, каким-то образом связана с представлением ментальных состояний (по сравнению с обычными физическими движениями) других людей. Важно, что испытуемому достаточно было лишь предположить, что его товарищ по игре является человеком, чтобы активировать APCC, хотя на самом деле в этом эксперименте противником всегда был компьютер, а испытуемым лишь в некоторых случаях говорили, что это человек. Для представления ментальных состояний другого достаточно лишь того, чтобы испытуемый взаимодействовал так, как будто другой игрок — это человек. Представление о таких состояниях как обладающих особым статусом «ментальных» состояний появляется из-за отделения моделируемых репрезентаций о состоянии другого от ощущений причинно-следственной связи физического мира. Этот механизм разделения и был приписан передней парамедиальной коре [Leslie, 1994]. Другими словами, все события в мире, воспринимаемые человеком, сопровождаются перцептивным ощущением физической

И.Г. Снетков

Стратегии натуралистического объяснения моральной ответственности: компатибилизм и элиминативизм

каузальности — человек наблюдает некоторые события (действия другого человека), которые не сопровождаются этим ощущением.

С эволюционной точки зрения необходимо поставить вопрос о том, в чем преимущество Теории Разума. Ответ вполне ясен: если вам приходится взаимодействовать с сородичами, у которых есть убеждения, желания и намерения, полезно уметь предугадывать, что представляют собой их ментальные состояния. Исходя из этой идеи нейропсихиатром Хенриком Вальтером был проведен эксперимент с использованием мультфильмов и фМРТ. Он проверял гипотезу о том, что АРСС специфически активируется, когда задача Теории Разума включает социальное взаимодействие [Walter, 2004]. Было обнаружено, что АРСС не активируется в мультфильмах, изображающих намерение в действиях одного человека (например, когда он берет яблоко с явным намерением его съесть), но только в тех случаях, где речь идет о коммуникативных намерениях (например, когда человек хочет обменять яблоко на грушу у другого человека). Его функция заключается не только в отделении ментальных репрезентаций от физического казуально-замкнутого мира, но и в отделении и представлении ментальных репрезентаций при взаимодействии минимум двух сознаний. Появляется возможность сопоставлять свои намерения и намерения другого. Основываясь на этом, можно предположить, что происхождение интенциональной позиции имеет социальную природу. Так, у шизофреников есть проблемы с правильным различением собственного разума от разума других людей, они демонстрируют пониженную активацию АРСС [Walter et al., 2005]. Есть также эмпирические свидетельства того, что состояние мозга по умолчанию таково, что собственные ментальные состояния представлены только в соотношении с ментальными состояниями других [Gusnard, 2001].

Таким образом, ментальная каузальность является формой обоснования поведения других людей, в котором репрезентированные ментальные состояния являются элементами процессов мозга.

И тот факт, что у нас есть устойчивая интуиция, что ментальная каузальность не может быть сведена к физической каузальности, объясняется тем, что существуют две различные области мозга, STS и АРСС, которые автоматически активируются при наблюдении за «биологическими объектами», которые движутся определенным образом и (социально) взаимодействуют друг с другом. Параллельность этих двух процессов на нейрональном уровне и обуславливает наличие феноменальной ментальной каузальности.

Свобода воли и моральная ответственность. Нейрофилософский компатибилизм

И.Г. Снетков

Стратегии натуралистического объяснения моральной ответственности: компатибилизм и элиминативизм

Проблему свободы воли можно изучать и как проблему моральной философии. При таком подходе вопрос звучит не столько как: «Есть ли у нас свобода воли?», а скорее: «Какого рода свободную волю (какого рода компетентность) мы должны предположить, чтобы допустить моральную ответственность?». Ответственность — это нормативный вопрос, а не вопрос фактов. Свобода воли является необходимым условием моральной ответственности. Если и только если человек действует по собственной свободной воле, он несет моральную ответственность за свои действия⁴. Классический компатибилизм⁵ здесь присоединяется к либертарианству в отношении утверждений об ответственности, за исключением того, что концепция свободы воли отличается. Основная проблема моральной ответственности в этой позиции заключается в том, что она влечет за собой идею конечной ответственности. Но точно так же, как неограниченная, неопределенная абсолютная свобода воли является концептуальной невозможностью в натуралистических рамках, идея конечной ответственности тоже невозможна в рамках натурализма. Под конечной ответственностью в данном случае имеется в виду строгое соответствие эпистемическому условию моральной ответственности в случае как компатибилистских, так и либертарианских трактовок свободы воли. Оба варианта сталкиваются с проблемой соответствия эпистемического условия моральной ответственности. Эти трудности хорошо иллюстрируются в дискуссии об аргументе удачи [см., напр.: Беседин, 2021].

Почему классический компатибилизм без проблем отказывается от рассмотренных в начале статьи интуиций каузальности, связанных со свободой воли, но так упорно сопротивляется отказу от некоторых интуиций, связанных с моральной ответственностью? Боятся ли люди бесконечного регресса оправданий, когда мы начинаем объяснять каузальную историю того или иного поведения?

Согласно компатибилизму, наше моральное отношение к другим и приписывание им ответственности должно зависеть

⁴ У нас есть привычка ожидать, что предметы всегда будут падать вниз, а не вверх, но нет ее в отношении действий других людей. Хотя это различие перестает быть столь непосредственно данным в опыте. Научное описание поведения людей уже порождает тенденцию говорить о человеке не как об агенте, но как о биомашине, от которой ожидают действий «по привычке».

⁵ Под классическим компатибилизмом в настоящей статье понимается компатибилизм в духе Г. Франкфурта [см.: Маккенна, 2009].

от знания того, каким образом детерминированы люди. У нас есть основания оправдывать людей, если мы узнаем, что они детерминируются силами, которые не находятся под их компатибилистским условием контроля моральной ответственности. Это же является одной из причин, почему многие люди считают убедительным, что неблагополучное детство, ведущее к насилию, имеет хоть какую-то оправдательную силу. Существует множество исследований, демонстрирующих эту объяснительную регрессию наших моральных поступков [Сапольски, 2019]. Хотя мы уже знаем некоторые детерминанты, которые могут изменить наше моральное отношение к людям, мы также знаем (индуктивно), что их будет гораздо больше. Мы понимаем, что по практическим и принципиальным причинам мы никогда не узнаем всего, что касается реальных причин их поведения. Иногда этот факт интерпретируется как «аргумент от манипуляции» в пользу жесткого детерминизма, и в таком виде он не валиден в отношении свободы воли [Кузнецов, 2023: 228–230], но, с моей точки зрения, данный факт релевантен к вопросу об условиях моральной ответственности. Ввиду ограниченности знания мы будем несправедливы по отношению ко многим людям. Например, когда мы хвалим людей за то, что они сумели компенсировать ужасные жизненные события, мы должны поставить нашу похвалу в зависимость от того, какой у них тип серотонинового транспортера. То, что кто-то с «хорошими генами» справился с этой ситуацией, заслуживает меньшей похвалы, чем если бы это сделал кто-то с «плохими генами», потому что первому было гораздо легче это сделать. Интересен вопрос, что мы на самом деле восхваляем, когда кто-то справляется с трудной ситуацией. Вполне возможно, что то, за что мы хвалим, — это усилия, которые кто-то приложил для достижения цели [Kane, 1996]. То же самое верно и для других достижений: представьте, что кто-то бросает курить, потому что сигареты больше не кажутся ему вкусными, в то время как другой бросает, но с большим трудом, потому что сигареты ему все еще нравятся. Разве последний не заслуживает большей похвалы? И разве не так, что в конечном счете безуспешная, но требующая усилий борьба с курением заслуживает большей похвалы, чем отказ от курения того, кто больше не любит сигареты?

В обычной жизни мы учитываем такие факторы, насколько они нам известны. Действительно, мы ставим свою моральную оценку в зависимость от обстоятельств — насколько они нам известны. Однако, и это главный аргумент, существует множество факторов, влияющих на наш физический мозг, которые определяют, как люди справляются с морально значимыми ситуациями в жизни, о которых мы просто не знаем. Оценивая их достижения и недостатки,

мы никогда не сможем учесть все важные факторы, определяющие их жизнь. Поэтому нам будет трудно, если вообще возможно, быть по-настоящему справедливыми к другим. Итак, допустим все люди детерминированы, и это имеет последствия для нашей концепции моральной ответственности. Однако, в отличие от жесткого детерминизма, мы можем попытаться продумать такой нейрофилософский компатибилизм, который настаивает на центральной идее компатибилизма о том, что важно, как они детерминированы. Однако мы должны признать, что нам никогда не будут известны все значимые факторы. Это можно назвать эпистемическим аргументом в пользу такого рода нейрофилософского компатибилизма.

Эпистемический аргумент в пользу нейрофилософского компатибилизма похож на аргумент от эпистемического индетерминизма в дебатах о свободе воли — только он направлен назад, а не вперед во времени. Эпистемический индетерминизм утверждает, что по принципиальным причинам мы не можем предсказать самих себя, так что мы субъективно свободны, даже если должны быть объективно детерминированы. Аналогично я утверждаю, что наше знание о том, как кто-то детерминирован, обязательно ограничено (потому что мы не всеведущи), и поэтому мы не должны основывать наши представления о моральной ответственности только на фактическом компатибилистском контроле. Разница заключается в том, что эпистемический аргумент в пользу свободы воли подразумевает ссылку на самореференцию, тогда как эпистемический аргумент в пользу пересмотра моральной ответственности — нет.

Нейрональные механизмы морали. Нейрофилософский элиминативизм

Говоря о нейрофилософском компатибилистском подходе к моральной ответственности, я концентрировался на вопросе о том, что существуют скрытые факторы, объясняющие наше поведение, которые имеют отношение к нашему моральному суждению об агенте. То есть я сосредоточился на субъекте, который оценивается как ответственный. Однако есть и другая возможность — сосредоточиться не на агенте, правонарушителе, а на судье, карателе. Каковы психологические и нейронные механизмы, лежащие в основе морального осуждения и наказания?

Понимание того, что мозг имеет две различные системы для оценки и приписывания физической и ментальной каузальности, соответственно, объясняет, почему кажется столь очевидным, что ментальная каузальность является чем-то категорически отличным от физической каузальности.

И.Г. Снетков

Стратегии натуралистического объяснения моральной ответственности: компатибилизм и элиминативизм

Это иллюстрирует широко известное исследование Дж. Хайдта, из которого следует, что наши суждения обычно основаны на быстрых, автоматических и интуитивных оценках, в которых эмоциональные механизмы играют важную роль [Haidt, 2001].

Существует несколько способов изучения морального познания и суждений с помощью нейровизуализации. Например, людям могут быть представлены визуальные сцены, содержащие моральные проступки, и аналогичные сцены, очень похожие, но не изображающие моральных проступков. Другой подход заключается в сравнении различных типов оценок. Например, были проведены исследования, посвященные различиям между семантическими решениями (суждение о том, является ли предложение семантически правильным) и простыми моральными решениями (суждение о том, является ли предложение морально правильным). Другой подход заключается в том, чтобы ставить людей перед моральными и неморальными дилеммами в сканере и искать различия. После создания таких парадигм исследователи могут попытаться разделить их на несколько компонентов. Например, можно изучить влияние телесных повреждений на моральные суждения [Heekeren et al., 2005]. Обобщим⁶ все это.

Во-первых, одним из основных результатов почти всех исследований морального восприятия и суждений была активация уже знакомого нам набора областей из Теории Разума. Если мы вспомним, что зоны мозга, относящиеся к Теории Разума, отвечают за восприятие намеренной каузальности и социального взаимодействия, это добавляет новый смысл: моральные суждения — это феномен исключительно социальной сферы.

Во-вторых, можно показать, что в процесс вовлечена обработка эмоциональной информации. Например, миндалина играет роль в восприятии морального проступка или когда испытуемым предъявляются моральные дилеммы, требующие убить нескольких человек, чтобы спасти многих [Greene et al., 2004].

Островковая доля, область, которая, как известно, участвует в восприятии боли и отвращения, активируется, когда люди сталкиваются с несправедливыми предложениями и отказываются от них, и ее активация коррелирует с количеством несправедливости [Sanfey et al., 2003]. Островковая доля также участвует в сопереживании, например, когда вы видите, что ваш близкий человек страдает от боли [Singer et al., 2004].

При возникновении морального чувства активируются те же самые нейроны, что отвечают и за чувство тошноты, которое мы

⁶ Обзор по нейронным механизмам морали см. в статье: [Greene, Haidt, 2002].

испытываем от пищи. По всей видимости, нейроны этой области мозга и взяли на себя функцию морального чувства, когда она возникла в процессе социальной эволюции.

Помимо этого, есть дорсальное полосатое тело — область, относящаяся к системе вознаграждения человеческого мозга, она активна у людей, которые наказывают других людей [de Quervain et al., 2004]. Желание наказать и отомстить действительно является очень сильным импульсом, если человеку причинили вред или, тем более, если причинили вред близкому родственнику. Месть является важным вопросом в психологии наказания, и существует большая дискуссия о роли возмездия против консеквенциализма в оправдании наказания. Понимание внутренней работы морального мозга будет иметь значение для этой дискуссии.

Третий интересный момент, вытекающий из этих исследований, заключается в том, что иногда ни зоны мозга, относящиеся к Теории Разума, ни эмоциональные центры не задействованы.

Например, если люди принимают несправедливое денежное предложение по рациональным соображениям (потому что если они его отвергнут, то ничего не получают), активируются латеральные участки префронтальной коры, связанные с более рациональными способностями и когнитивным контролем. Другая область префронтальной коры, ее передняя часть, которая связана с когнитивной, а не эмоциональной обработкой информации, показала активность в исследованиях моральной дилеммы у тех испытуемых, которые решают, что они должны пожертвовать жизнью нескольких человек, чтобы спасти жизни многих, то есть которые принимают утилитарное решение [Greene et al., 2004].

Мы можем сказать, что утилитарный тип рассуждений вытесняет эмоции и моральное чувство при вынесении моральных суждений. Логично предположить, что все нормативные этические теории обладают таким свойством, давая людям иные, рационалистические схемы рассуждений. Это подменяет наши суждения, которые мы называем моральными. Те суждения, которые высказывает человек в моменте возникновения ситуации морального выбора, и те, что он высказывает, вспоминая этическую нормативную теорию, которой хотел бы следовать, имеют совершенно разную физическую природу. Тут есть новый вопрос: а какие из двух совершенно разных типов суждений следует считать моральными суждениями? А если оба типа, то на каком основании мы их объединяем? Только лишь потому, что они относятся к одной внешней ситуации морального выбора? Этот вопрос требует отдельной исследовательской проработки.

Если мы хотим, чтобы этические принципы были эффективными, мы должны учитывать, как работает мораль. Более того,

И.Г. Снетков

Стратегии натуралистического объяснения моральной ответственности: компатибилизм и элиминативизм

я убежден, что эти выводы имеют значение для формирования нашего мышления по вопросам морали. Например, это может привести к пониманию того, что эмпирическая обоснованность моральных суждений, которые обычно возникают быстро и автоматически, объясняется не столько тем, что моральная оценка обоснована (рационально), сколько тем, что она основана на быстрых, автоматических и когнитивно непроницаемых механизмах (которые являются, по существу, эмоциональными). Заметим, что это не означает ни того, что эмоциональные механизмы не могут привести к обоснованным суждениям, ни того, что они не полезны. Напротив, я считаю, что вышеупомянутые исследования убедительно подтверждают тезис о том, что эмоциональные механизмы являются необходимым ингредиентом для моральных суждений и поведения, и эта роль недооценивается рационалистическими подходами к морали. Эмоции, как известно, являются отличным решением проблемы моральной мотивации, то есть проблемы того, почему осознание правоты должно приводить к совершению правильных поступков.

Другой интересный вопрос заключается в том, чем моральная оценка отличается от других видов оценки. Одним из способов эмпирического подхода к этому является проведение экспериментов, в которых различные компоненты моральных суждений разделяются. Однако это непросто. Например, утверждается, что попытка отделить эмоциональные факторы от моральных суждений невозможна, поскольку эмоциональные факторы (опять же) могут быть необходимым ингредиентом для моральных суждений. Аналогичная проблема возникает, если мы пытаемся отделить социальное суждение от морального. Кроме того, трудно сконструировать сценарии социального взаимодействия, которые не были бы запятнаны моралью. Может быть, моральное суждение — это не что иное, как социальное суждение, включающее в мозг области Теории Разума и эмоции?

Так, американский когнитивный нейробиолог М. Газзанига утверждает, что свобода действий и моральная ответственность являются социальными понятиями и поэтому не могут находиться в мозгу, они появляются только в социальном взаимодействии [Gazzaniga, 2005].

При таком сценарии мы встаем на путь элиминации моральной ответственности. Примером подобной элиминативной стратегии является работа Б. Уоллера «Против моральной ответственности» [Waller, 2011]. Уоллер утверждает, что, хотя люди в целом отвечают требованиям компатибилизма к моральной ответственности, мы тем не менее не несем моральной ответственности; никто никогда не заслуживает похвалы или наказания. Это, конечно,

контринтуитивное утверждение, противоречащее здравому смыслу или по крайней мере привычной социальной практике. Тем не менее, по его мнению, моральная ответственность несовместима с научным натурализмом и морально неоправданна, поскольку заставляет нас игнорировать причины человеческого поведения и зачастую вредные результаты привлечения людей к моральной ответственности. Компатибилисты принимают как данность укоренившуюся в культуре привычку приписывания моральной ответственности. Чем внимательнее мы изучаем каузальный контекст атрибуции моральному агенту ответственности, чем дальше мы уходим «в лес» по цепи причинно-следственных связей, тем менее значимы характеристики и способности человека в решении. Это все больше затрудняет даже интуитивное возложение вины исключительно на агента, а именно это и делает атрибуция моральной ответственности. То, что агент может даже с настойчивостью одобрять свои плохие черты и определять себя через них — через расточительность, эгоизм, нечестность, жестокость, — это просто результат определенной каузальной истории, а не основание для возложения на него вины за то, что он стал таким. Моральная ответственность основана на деонтологических аргументах о благе и противоречит конвенционалистским подходам, поскольку они оказываются неспособными обосновать выгоду от страданий. Компатибилист порицает агента за то, что он «заслуживает», что зачастую может противоречить благу как всего человечества, так и самого компатибилиста. Подход без моральной ответственности, а значит, и осуждения был бы направлен на поиск решений оптимального взаимодействия между людьми.

Таким образом, под нейрофилософском элиминативизмом в объяснении моральной ответственности понимается элиминация моральной ответственности как процесса приписывания агентом моральной ответственности и интерпретация агента как обусловленного причинно-следственными связями мозга, функционирующего в рамках жесткого детерминизма.

В качестве возражения к элиминативистскому аргументу «от мозга», онтологически выраженному во фразе «я есть мозг», предъясвляется претензия в сведении к онтологическому абсурду. Так, утверждается, что «в конечном счете мы оказываемся в ситуации, когда любые утверждения о существовании становятся невозможными» [Кузнецов, 2023: 231]. Но я утверждаю, что это не так, элиминативисты не обязательно настаивают на такой «грубой» редукции, в данном случае происходит подмена понятий. Утверждение «я есть мозг» от элиминативистов не является онтологическим утверждением, но преследует своей целью устранение избыточной объяснительной сущности — понятия «Я» — из наших

И.Г. Снетков

Стратегии натуралистического объяснения моральной ответственности: компатибилизм и элиминативизм

концептуальных, натуралистически ориентированных объяснительных схем. Таким образом, это утверждение является эпистемологическим. В вопросе об онтологии натуралист может остановиться и на уровне нередуктивного натурализма, постулируя онтологический плюрализм [Northoff, 2004]. Отношение между онтологией и эпистемологией не определяется онтологическими предпосылками, напротив, эпистемология первична [ibid.].

Но даже если мы потребуем от элиминативиста постулировать какую-то натуралистическую онтологию, например физикализм, это не сведет «аргумент от мозга» к абсурду. Это и показывает стратегия «слоистой» онтологии Дж. Ким [Kim, 1998]. Как заметил Кузнецов, «Я» реализовано мозгом, мозг — клетками [Кузнецов, 2023: 231], и далее мы доходим до фундаментальных физических частиц, которые и являются первичной субстанцией в физикализме. Биологический, физико-химический и психологический слои описания реальности составляют различные слои одной физической реальности. И эти слои ограничены эпистемологическим уровнем, а не онтологическим (они «не существуют» в строгом смысле). Понятия «мозг», «клетка» не являются здесь сущностями, «вещами» и объяснены как функциональные процессы, которые из эпистемологической необходимости были категориально обозначены через концептуальные понятия, отсылающие к некоторому функциональному свойству сложно организованной физической материи (например, совокупность химических процессов клеточной жизнедеятельности в биологическом понятии «клетка»). Сама же необходимость выделять подобного рода понятия не требует постулирования за ними онтологических сущностей, а может объясняться, например, через наблюдаемые функциональные эмерджентные свойства в сложных системах. Стол массой 10 килограммов обладает свойством, которым не обладает ни один из его микрокомпонентов. Такой стол обладает причинно-следственной силой, которой нет ни у одного из его микрокомпонентов [Kim, 1998]. Такие эмерджентные свойства вполне обыденны. Они проявляются, если существует определенная конфигурация элементарных физических частиц. И эта конфигурация сама по себе является эмерджентным свойством.

Таким образом, нейрофилософский элиминативизм в объяснении моральной ответственности сводится к одному из двух вариантов:

- 1) элиминация всей концепции моральной ответственности, и тогда перед нами встает необходимость разработки альтернативной системы наказания [см., напр.: Pereboom, 2001] и преодоления устойчивой интуиции моральной ответственности;
- 2) элиминация онтологических оснований моральной ответственности, а именно сохранение моральной ответственности как

эмерджентного функционального свойства и полная редукция к онтологическому натурализму или при нередуктивном натуралистическом подходе — к онтологическому плюрализму.

* * *

Целью данной статьи было исследовать, какие возможны натуралистические подходы к концепции моральной ответственности с нейрофилософской точки зрения. В дискуссиях о моральной ответственности нейронаука подрывает возможность либертарианской и классической компатибилистской трактовки моральной ответственности как действия человека по собственной свободной воле с условием полного контроля, при котором он несет моральную ответственность за них. Кроме того, при таком понимании моральной ответственности становится проблематичным справедливое приписывание моральной ответственности агенту. Мы должны признать, что нам никогда не будут известны все значимые каузальные факторы, определяющие поведение человека. Это можно назвать эпистемическим аргументом в пользу необходимости разработки нейрофилософского компатибилизма в отношении моральной ответственности.

Вместе с тем в свете последних исследований стали яснее и эмпирические основания процесса приписывания моральной ответственности, что позволяет задать и концептуальные рамки того, какими способами возможно натуралистическое объяснение моральной ответственности. Были выявлены две основные объяснительных стратегии, одна из которых также делится на две вариации:

- 1) нейрофилософский компатибилизм;
- 2) нейрофилософский элиминативизм;
 - a. элиминация всей концепции моральной ответственности (сильный элиминативизм);
 - b. элиминация онтологических оснований моральной ответственности (слабый элиминативизм).

Данные стратегии требуют дальнейших уточнений и пересмотра по мере появления все новых нейронаучных исследований, касающихся проблемы моральной ответственности.

Strategies of Naturalistic Explanation of Moral Responsibility: Compatibilism and Eliminativism

Ivan G. Snetkov

Visiting Lecturer, Postgraduate Student of the School of Philosophy and Cultural Studies.

National Research University Higher School of Economics.

И.Г. Снетков

Стратегии натуралистического объяснения моральной ответственности: компатибилизм и элиминативизм

11 Myasnitckaya Str., 101000 Moscow, Russian Federation.
 ORCID: 0000-0003-4314-3346
 i.snetkov@yandex.ru

Abstract. The article explores the intuition of moral responsibility from a naturalistic perspective. The aim of the article was to analyse what possible naturalistic approaches to the concept of moral responsibility are possible from a neurophilosophical point of view. The aim is to revisit the concept of moral responsibility in order to remove the libertarian and classical compatibilist intuition and move towards a naturalistic explanation. This study shows that the intuition of moral responsibility is based on the fact that the human brain is endowed with two different parallel systems of perception of causality. With this empirical evidence in mind, two possible strategies for a naturalistic explanation of moral responsibility are proposed, conceptualised as neurophilosophical compatibilism (NC) and neurophilosophical eliminativism (NE). The first NC strategy is defended by an epistemic argument which argues that knowing exactly how someone is determined is fundamentally limited, and so we should not base our ideas about moral responsibility on actual compatibilist control alone. The second strategy of NE is divided on the strength of the elimination of moral responsibility: either the whole concept of moral responsibility or only its ontological reality is eliminated. In the first option, we are faced with the need to develop an alternative system of punishment, law and overcoming the persistent intuition of moral responsibility. In the second scenario, the preservation of moral responsibility as an emergent functional property is accepted and a total reduction to ontological naturalism or, in the case of an unredutive naturalistic approach, to ontological pluralism is achieved.

Keywords: moral responsibility, neurophilosophy, free will, neuroscience, naturalism, compatibilism, eliminativism, causality, anterior paramedial cortex, epistemic argument.

For citation: Snetkov I.G. Strategies of Naturalistic Explanation of Moral Responsibility: Compatibilism and Eliminativism // *Chelovek*. 2023. Vol. 34, N 3. P. 93–110. DOI: 10.31857/S023620070026107-4

Литература/References

Беседин А.П. Клеши удачи Нила Леви против компатибилистских теорий моральной ответственности // Вестник РГГУ. Сер. Философия. Социология. Искусствоведение. 2021. № 3. С. 26–37.

Besedin A.P. Kleshchi udachi Nila Levi protiv kompatibilistskih teorij moral'noj otvetstvennosti [Neil Levy's Ticks of Fortune Against Compatibilist Theories of Moral Responsibility]. *Vestnik RGGU. Ser.: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskuststvovedenie*. 2021. N 3. P. 26–37.

Волков Д.Б. Решение проблемы ментальной каузальности в биологическом натурализме Дж. Серла // Философская мысль. 2017. № 2. С. 1–12.

- Volkov D.B. Reshenie problemy mental'noj kauzal'nosti v biologicheskom naturalizme Dzh. Syorla [Solving the Problem of Mental causality in Biological Naturalism by J. Searle]. *Filosofskaya mysl'*. 2017. N 2. P. 1–12.
- Кузнецов А.В. Когнитивные исследования и проблема ментальной каузальности // Вопросы философии. 2014. № 3. С. 133–142.
- Kuznetsov A.V. Kognitivnye issledovaniya i problema mental'noj kauzal'nosti [Cognitive research and the problem of mental causality]. *Voprosy filosofii*. 2014. N 3. P. 133–142.
- Кузнецов А.В. Химера натурализма и свобода воли // Эпистемология и философия науки. 2023. Т. 60, № 1. С. 221–240.
- Kuznetsov A.V. Himera naturalizma i svoboda voli [Chimera naturalism and free will]. *Epistemologiya i filosofiya nauki*. 2023. Vol. 60, N 1. P. 221–240.
- Логинов Е.В. Скептицизм и моральная ответственность // Философский журнал. 2023. Т. 16, № 1. С. 160–176.
- Loginov E.V. Skepticizm i moral'naya otvetstvennost' [Skepticism and Moral Responsibility]. *Filosofskii zhurnal*. Vol. 16, N 1. P. 160–176.
- Маккенна М. Компатибилизм // Стэнфордская философская энциклопедия: переводы избранных статей / под ред. Д.Б. Волкова, В.В. Васильева, М.О. Кедровой. 2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://philosophy.ru/compatibilism/> (дата обращения: 14.02.2023).
- McKenna M. Compatibilism. *Stenfordskaya filosofskaya entsiklopediya: perevody izbrannykh statei* [The Stanford Encyclopedia of Philosophy], D.B. Volkov, V.V. Vasilyev, M.O. Kedrova (eds). Winter 2009 Edition [Electronic resource]. URL: <http://philosophy.ru/compatibilism/> (date of access: 14.02.2023).
- Сапольски Р. Биология добра и зла: Как наука объясняет наши поступки / пер. с англ. Ю. Аболиной, Е. Наймарк. М.: Альпина нон-фикшн, 2019.
- Sapolsky R. *Biologiya dobra i zla: Kak nauka ob"yasnyayet nashi postupki* [Behave: The Biology of Humans at Our Best and Worst]. Moscow: Alpina non-fiction Publ., 2019.
- Юм Д. Трактат о человеческой природе / пер. с англ. С.И. Церетели // Юм Д. Соч.: в 2 т. Т. 1 / вступ. ст. А.Ф. Грязнова; примеч. И.С. Нарского. М.: Мысль, 1996.
- Hume D. *Traktat o chelovecheskoj prirode* [A Treatise on Human Nature], transl. from English by S.I. Tsereteli. Hume D. *Soch.*: v 2 t. [Essays: in 2 vols.]. Vol. 1, introductory article by A.F. Gryaznov; notes by I.S. Narsky. Moscow: Mysl' Publ., 1996.
- Blakemore S.J. et al. How the Brain Perceives Causality: An Event-Related fMRI Study. *Neuroreport*. 2001. Vol. 12, N 17. P. 3741–3746.
- Castelli F. et al. Autism, Asperger Syndrome and Brain Mechanism for the Attribution of Mental States to Animated Shapes. *Brain*. 2002. Vol. 125. Pt. 8. P. 1839–1849.
- Danto A. Naturalism. *The Encyclopedia of Philosophy*. Editor Stone, 2008. P. 2.
- de Quervain D.J., Fischbacher U., Treyer V., et al. The neural basis of altruistic punishment. *Science*. 2004. Vol. 305, N 5688. P. 1254–1258.
- Gallagher H.L., Frith C.D. Functional Imaging of "Theory of Mind". *Trends Cogn. Sci.* 2003. Vol. 7, N 2. P. 77–83.

И.Г. Сметков

Стратегии натуралистического объяснения моральной ответственности: компатибилизм и элиминативизм

- Gallagher H.L., Jack A.I., Roepstorff A., Frith C.D. Imaging the intentional stance in a competitive game. *Neuroimage*. 2002. Vol. 16, N 3. Pt. 1. P. 814–821.
- Gazzaniga M.S. *The Ethical Brain*. Washington, DC: Dana Press, 2005.
- Greene J., Haidt J. How (and where) does moral judgment work? *Trends Cogn Sci*. 2002. Vol. 6, N 12. P. 517–523.
- Greene J.D., Nystrom L.E., Engell A.D., Darley J.M., Cohen J.D. The neural bases of cognitive conflict and control in moral judgment. *Neuron*. 2004. Vol. 44, N 2. P. 389–400.
- Gusnard D.A., Raichle M.E., Raichle M.E. Searching for a baseline: functional imaging and the resting human brain. *Nature Neuroscience Reviews*. 2001. Vol. 2, N 10. P. 685–694.
- Haidt J. The emotional dog and its rational tail: a social intuitionist approach to moral judgment. *Psychological Review*. 2001. Vol. 108, N 4. P. 814–834.
- Heekeren H.R., Wartenburger I., Schmidt H., Prehn K., Schwintowski H.P., Villringer A. Influence of bodily harm on neural correlates of semantic and moral decision-making. *Neuroimage*. 2005. Vol. 24, N 3. P. 887–897.
- Kane R. *The Significance of Free Will*. New York: Oxford University Press, 1996.
- Kim J. *Mind in a Physical World: An Essay on the Mind-Body Problem and Mental Causation*. Cambridge (Mass.): MIT Press, 1998.
- Leslie A.M. Pretending and believing: issues in the theory of ToMM. *Cognition*. 1994. Vol. 50, N 1–3. P. 211–238.
- Northoff G. What is neurophilosophy? A methodological account. *Journal for General Philosophy of Science*. 2004. Vol. 35. P. 91–127.
- Pereboom D. *Living without free will*. Cambridge, U.K.; New York: Cambridge University Press, 2001.
- Sanfey A.G., Rilling J.K., Aronson J.A., Nystrom L.E., Cohen J.D. The neural basis of economic decision-making in the Ultimatum Game. *Science*. 2003. Vol. 300, N 5626. P. 1755–1758.
- Singer T., Seymour B., O'Doherty J., Kaube H., Dolan R.J., Frith C.D. Empathy for pain involves the affective but not sensory components of pain. *Science*. 2004. Vol. 303, N 5661. P. 1157–1162.
- Waller B. *Against Moral Responsibility*. Cambridge, MA: MIT Press, 2011.
- Walter H. et al. A Parametric Theory-of-Mind Design to Investigate Social Cognition in Schizophrenia. Poster presented at the *International Congress of Schizophrenia Research*, Savannah, Georgia, USA, 2005.
- Walter H., Adenzato M., Ciaramidaro A., Enrici I., Pia L., Bara B.G. Understanding intentions in social interaction: the role of the anterior paracingulate cortex. *Journal of Cognitive Neuroscience*. 2004. Vol. 16, N 10. P. 1854–1863.
- Wegner D. *The Illusion of Conscious Will*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2002.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ФИЛОСОФИИ СЕСТРИНСКОГО ДЕЛА ДЖ. ТРАВЕЛБИ И К. МАРТИНСЕН В ПЕРСПЕКТИВЕ ПАЛЛИАТИВНОЙ ПОМОЩИ

Часовских Григорий Александрович — старший преподаватель кафедры биоэтики и международного медицинского права ЮНЕСКО. Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова Минздрава России. Российская Федерация, 117997 Москва, ул. Островитянова, д. 16.
ORCID: 0000-0001-5405-2875
19sub@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются философские теории сестринского дела Дж. Травелби и К. Мартинсен. Центральным объектом рассмотрения является то, как обе теории объясняют экзистенциальную проблематику в медицинской практике этого направления на примере поиска смысла, переживания опыта болезни, близости смерти и заботы. Также в статье анализируются философский фундамент обеих теорий, их преимущества и недостатки, ограничения применения. Теория межличностных отношений Травелби является одной из первых попыток интеграции философского языка в сестринское дело. Этот синтез можно назвать удачным с позиции новизны для теорий сестринского дела, но

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда № 20-78-10117 «Модели взаимодействия врачей и пациентов в институциях паллиативной помощи детям».

Ссылка для цитирования: Часовских Г.А. Экзистенциальная проблема-тика философии сестринского дела Дж. Травелби и К. Мартинсен в перспективе паллиативной помощи // Человек. 2023. Т. 34, № 3. С. 111–128. DOI: 10.31857/S023620070026108-5

Паллиативная помощь и сестринское дело как направления в медицине очень близки. Определение сестринского дела на веб-странице Всемирной организации здравоохранения звучит так: «Сестринское дело включает автономный и совместный уход за людьми всех возрастов, семьями, группами и сообществами, больными или здоровыми, также распространяясь на профилактику болезней и помощь людям с инвалидностью и умирающим» [Nursing and Midwifery, 2023]. Паллиативная помощь — это подход, позволяющий улучшить качество жизни пациентов (детей и взрослых) и их семей, столкнувшихся с проблемами, связанными с угрожающим жизни заболеванием, путем предотвращения и облегчения страданий за счет раннего выявления, тщательной оценки и лечения боли и других соматических симптомов, а также оказания психосоциальной и духовной поддержки [Основы паллиативной помощи, 2020]. Главным сходством обоих направлений является то, что ни паллиативная помощь, ни сестринское дело не исчерпываются исполнением манипуляций с телом.

112

концептуальным вызовом для любых теоретиков, касающихся этого направления. Хотя паллиативная помощь не исчерпывается сестринским уходом и включает в себя также работу врачей, фельдшеров, волонтеров, специалистов вспомогательных служб и др., с сестринским делом ее сближает приоритет сопровождения человека и его близких над целью выздоровления. Безусловно, и сестринское дело не ограничивается заботой о конкретном пациенте, а является самостоятельной сферой общественного здравоохранения с обширным спектром деятельности по профилактике и психосоциальной помощи широким социальным группам.

То, что в паллиативной помощи нет целей выздоровления, также дополнительно нагружает уход за пациентом и коммуникативное взаимодействие с ним и его близкими, часто касающееся экзистенциальных проблем осознания и принятия смерти, смысла жизни и места человека в мире. Эта тема остро ощущается в сфере паллиативной помощи детям. И специфика здесь заключается в том, что каждый член персонала потенциально может воспроизводить сестринскую функцию заботы: привязанность детей может быть случайно направлена и на сотрудников технического персонала, врачей, сестер, независимо от их формальной квалификации. Более того, врачи паллиативной помощи детям считают одной из главных целей своей работы улучшение качества жизни родителей, что вообще напрямую не связано с соматическим здоровьем. Так, например, два из четырех этапов оказания паллиативной помощи детям направлены на родителей и включают в себя поддержку непосредственно после смерти ребенка и на стадии горевания [Азбука паллиативной помощи детям, 2020].

Среди исследователей распространено мнение, что медсестры играют ключевую роль в хосписной и паллиативной помощи, поскольку они защищают интересы пациентов и их семей, оказывая непосредственное сопровождение на постоянной основе [Dobrina, Tenze, Palese, 2014]. Ф. Ларкин добавляет, что мультидисциплинарный характер паллиативной помощи имеет особые, если не исключительные требования к качеству помощи, что создает запрос на создание собственных теоретических моделей этого направления в медицине [Larkin, 2007].

При этом в теории паллиативной помощи не так много работ, посвященных философской рефлексии собственного направления. Одним из единичных примеров являются труды С. Сандерс [Saunders, 2001, 2002]. В философии сестринского дела ситуация обратная: множество системных теоретиков предпринимают попытки как философской концептуализации направления вообще, так и проблем паллиативной помощи в частности. Это обеспечило условия для создания качественного сравнительного анализа

Г.А. Часовских
Экзистенциальная проблематика философии сестринского дела Дж. Травелби и К. Мартинсен в перспективе паллиативной помощи

М. Киркеволд считает, что философский аспект сестринского дела включает тот выбор морально-этических ценностей, которыми руководствуется специалист [Киркеволд, 2000]. На уровне философии сестринского дела тот или иной исследователь описывает концепцию человека и те основные принципы и нормы, которыми должны руководствоваться медсестры в своей коллективной деятельности [там же]. Запрос на философские дескриптивные модели в сестринском деле не отличается от такового в паллиативной помощи и обусловлен наличием в теории направления трудноформализуемых понятий, связанных с человеческой экзистенцией: смысл и качество жизни, «хорошая смерть», достоинство, забота и надежда. Именно поэтому все теории сестринского дела так или иначе затрагивают философскую проблематику или используют метафизический аппарат для своего фундамента, что делает невозможным произвести хоть сколько-нибудь качественный анализ такого объема в рамках статьи.

В российских исследованиях отсутствует разделение на философские и нефилософские теории сестринского дела. В то время как активно исследуются и цитируются работы Ф. Найтингейл или Д. Орем, статьи, посвященные исследованиям теорий сестринского дела Дж. Травелби и К. Мартинсен, также отсутствуют. Можно

предположить, что это происходит в результате, с одной стороны небольшого интереса специалистов медицины к специфически философской рефлексии концепций сестринского дела, а с другой — отсутствия интереса к философии сестринского дела среди гуманитарных исследователей. Однако сейчас в стране активно развиваются институты сестринского дела и особенно паллиативной помощи детям. Учитывая и то, что появляется все больше исследований в области философии и социологии медицины, можно предположить, что и философия сестринского дела обретет свое место в дискуссиях по философии медицины.

В статье акцент сделан на критическом анализе теорий, их дескриптивной и философской ценности, а также на практике их приложения к реалиям описания моделей взаимодействия в рамках паллиативной помощи взрослым и детям.

Межличностные отношения и поиск смысла в теории Джойс Травелби

Дж. Травелби одна из первых разработала теорию сестринского дела, которую исследователи направления квалифицируют как «философскую» [Киркеволд, 2000]. Ее работы пришлись на расцвет позитивистских подходов к теории сестринского дела: буквально параллельно выходили первые издания разработанной Д. Орем теории самоухода, с четкой структурой, без метафизики и с объемной критической институциональной рефлексией [Verbiglia, Banfield, Dorothea, 2014]. Травелби, напротив, находясь под влиянием экзистенциальной философии и психологии, разворачивает центр системы сестринского дела от протоколов и процедур к индивиду, его переживаниям опыта болезни и взаимодействиям с медсестрой, которой следует выступить проводником поиска смысла.

Так, в работе «To find meaning of illness» [Travelbee, 1972] она делает акцент на некуративных целях сестринского дела: далеко не все диагнозы допускают выздоровление, а значит куративная цель не может быть организующей в этом направлении медицинской деятельности. Травелби формулирует одну из ключевых целей сестринского дела — найти смысл в болезни или помочь принять ее реальность. В свою очередь, сестра, помогающая принять смысл болезни, помогает принять смысл самой жизни. Исследовательница особенно выделяет хронические неизлечимые заболевания как значимую часть рабочей повседневности, помогающую сестре в принятии жизни и осознании ее ценностей независимо от контекста.

Г.А. Часовских
Экзистенциальная проблематика философии сестринского дела Дж. Травелби и К. Мартинсен в перспективе паллиативной помощи

Концептуальную модель «смысла» Дж. Травелби заимствует у В. Франкла, прилагая ее к сестринскому делу: поиск человеком смысла является главной мотивацией в его жизни, а не «второстепенной» рационализацией инстинктивных влечений [Франкл, 1990]. Исследователи его работ также отмечают, что для человека, как предоставляющего помощь, так и страдающего или переживающего утрату, угасание жизни может быть источником обретения смысла, что актуализирует его мысли для направления паллиативной помощи [Schimmoeller, Rothhaar, 2021].

Однако, если Франкл отмечает общность смыслов «вообще», говоря об их имманентности человеческому коллективному бытию и не конкретизируя, то «общность» у Травелби заканчивается на взаимодействии индивидов — специалиста медицинской помощи и пациента / его родственников и является в некотором смысле более индивидуализированной [Travelbee, 1963]. Не абстрактная любовь к человечеству, а признание и любовь, *направленные* на человека: только во втором случае переживаемый медсестрой эффект отдачи себя и принятия ответственности имеет глубокий преобразующий эффект.

Общим местом работ Травелби является утверждение, что опыт переживания болезни более ценен, нежели показатели соматического здоровья или объективные данные о состоянии пациента. Путем узнавания индивида (автор предпочитает не использовать слово пациент) и начинается построение хороших отношений и взаимопонимания (rapport) в сестринском деле. Травелби характеризует их потенцией преобразования в интеллектуальное и творческое действие как способ вербального и невербального общения [ibid.]. На пути к росту качества этих отношений специалист проходит стадию эмпатии, а затем сочувствия (sympathy). И если эмпатия классически определяется способностью разделять психологическое состояние другого, то сочувствие — это побуждение помочь человеку облегчить его страдания [ibid.]. Эмпатия становится сочувствием тогда, когда к этому психическому резонансу добавлено желание помочь.

Узнавание индивида, как считает Травелби, происходит посредством знакомства с нарративом пациента, опытом переживания болезни человеком и его близкими. Во многом именно благодаря Травелби произошло распространение подхода в сестринском деле, в рамках которого описание порядка и методик манипуляций оказывается вторичным в отношении феноменологической интерпретации состояния пациента [Мирошниченко, 2021].

Можно предположить, что, если в паллиативной помощи детям сама помощь направлена в том числе и на родителей, фиксация Травелби на отношениях между индивидами вне контекста

общности ставит крест на ценности ее теории для этого направления. Однако помощь в обретении смысла, направленная на родителей, является, как упоминалось, важнейшей частью паллиативной помощи детям, потому как обрести смысл, продолжать жить дальше после ухода ребенка — буквально одна из главных целей специалистов этого направления. Эту простую идею развивает группа португальских исследователей во главе с В. Парола: в конце жизни вся глубина взаимоотношений и эмпатии перераспределяются в пользу переживших утрату [Parola et al., 2020].

Одна из институциональных особенностей паллиативной помощи детям заключается в этически нагруженной коммуникации специалиста с родителями, включающей распознавание отрицания и работу с ним, принятие неизлечимости, выстраивание доверительных отношений, учитывающих интересы ребенка без какого-либо сговора¹ [Твайкросс, Уилкок, 2020]. В буквальном смысле психолог может помогать прорабатывать отдельные проблемы, но не может инициировать разговоры, прямо или косвенно связанные с экспертностью врача. Так, например, важнейшим моментом коммуникации с родителями в паллиативной помощи является помощь в обретении смысла жить дальше. Сложность заключается также и в том, что крайне часто это ложится на плечи врача и по совместительству руководителя отделения, что, очевидно, не является «куративным навыком» и актуализирует модели коммуникации и содержания теорий сестринского дела для врачей внутри направления паллиативной помощи детям.

По схожей причине одно из центральных понятий ее теории — надежда — также не обесценивается в контексте паллиативной помощи детям, а может вырастать из обретения смысла. Для медсестры обретение смысла может быть инструментом противодействия моральному дистрессу и выгоранию: сложность отношений в паллиативной помощи детям заключается в том, что персонал сильнее привязывается к детям и тяжелее переживает их уход из жизни [Ноздрачев, Замятин, Мирошниченко, 2022].

Для анализа слабых мест теории Дж. Травелби можно обратиться к работе исследователя теорий сестринского дела М. Киркеволд. Среди недостатков она выделяет в числе прочих игнорирование культурного контекста, а также переоценку способности пациента к агентности в случае угасания или отсутствия

Г.А. Часовских
Экзистенциальная проблематика философии сестринского дела Дж. Травелби и К. Мартинсен в перспективе паллиативной помощи

¹ «Сговором» в паллиативной помощи детям называют ситуацию, где ребенок может ощущать динамику состояния своего здоровья, изменение поведения родителей и персонала и отношения к нему самому, но не получать никаких объяснений этому.

Однако и для родителя ребенка может быть корректно это утверждение, поэтому можно рассмотреть его как ответ на второй из упомянутых моментов критики со стороны Киркеволд о переоценке агентности индивида. Негибкость теории в этом конкретном моменте определяется отсутствием у Травелби разделения собирательного понятия «индивид» на «взрослый», «ребенок», «семья», «родитель», «близкие», однако, если воспринимать близких такими же получателями помощи, это лишь актуализирует экстраполяцию тезисов Травелби на паллиативное направление. Кроме того, следуя логике ее суждений, в ее теории главное — не привязка к конкретной должности сестринского персонала, а сам формат отношений с пациентом и его переживаниями.

118

Резюмируя, можно сказать, что Травелби удалось органично включить экзистенциальную проблематику и философскую рефлексию в свою теорию, не потеряв при этом медицинской актуальности. Описания страдания, смысла, болезни и даже отношений медицинской сестры и пациента явно выходят за рамки психологии, хотя вместе с этим нельзя сказать, что тезисы Травелби глубоко интегрированы в философский дискурс. Едва ли это обесценивает ее мысли: во всех своих работах Травелби подчеркивает необходимость не построения сложной философской системы, а образования медсестер с целью объяснения ценности индивидуального опыта каждого пациента. Определенными достоинствами ее теории являются описание понятий, выпадающих из фокуса позитивистских форм знания доказательной медицины в области сестринского дела, а также понятный язык, не требующий от медицинского работника глубокого погружения в философский дискурс.

Теория заботы Кари Мартинсен

Теория заботы Кари Мартинсен, напротив, отличается глубиной погружения в философский дискурс. Уже после первого опыта работы медицинской сестрой в психиатрической лечебнице, выбирая в дальнейшем направление магистратуры, она сделала вывод, что феноменология и экзистенциальная философия дают сестринскому делу больше психологии: «Философия может осветить поля, пребывавшие во тьме, подвергая сомнению то, что считается само собой разумеющимся. Тогда мы можем приблизиться к самому важному в экзистировании» [Alvsvåg, Martinsen, 2018]. На К. Мартинсен повлияло множество философов, среди которых чаще всего она ссылается на датского феноменолога К.Е. Лонгструпа, К. Маркса, М. Фуко и М. Хайдеггера.

Теорию сестринского дела Мартинсен нельзя однозначно определить преемственной по отношению к теории Травелби, но они имеют общий взгляд на некоторые проблемы, вроде критики позитивистского подхода и роли экзистенциальных переживаний в теории сестринского дела. Однако Мартинсен глубже погружается и в философский дискурс применительно ко всем тем же направлениям, развивая их. Например, ограничения применения концепции доказательности в паллиативной помощи или отношения медицины вообще и сестринского дела в частности Мартинсен рассматривает как проблему дискурсивной власти в оптике К. Маркса и М. Фуко. На смену экзистенциальной философии В. Франкла в качестве основы описания взаимоотношений

Г.А. Часовских
Экзистенциальная проблематика философии сестринского дела Дж. Травелби и К. Мартинсен в перспективе паллиативной помощи

М. Киркеволд суммирует определение заботы на основе работ К. Мартинсен по трем следующим основным аспектам.

2. Понятие «забота» включает в себя конкретные, значимые в той или иной ситуации действия, основанные на «понимании» того, что лучше в данный момент.

Забота, по мнению Мартинсен, является фундаментальным понятием в жизни человека и определяется тем, что сущность человеческой жизни заключается в отношениях зависимости друг от друга [Martinsen, 1989]. Однако это не страдательное пассивное понятие, а конструктивные отношения общности, вне которой человек не может себя ни реализовать, ни понять. Один находится в постоянном состоянии беспокойства за другого, и это организует все сферы социальных отношений, что отражено в первом указанном аспекте.

В случае оказания паллиативной помощи связь практического и метафизического являет себя даже ярче. Опыт смерти других, противодействуя уклонению от самой мысли об умирании в мас-совом сознании, позволяет ощутить целостность присутствия (dasein): «Окончание присутствия становится тут “объективно” доступно. Присутствие способно, будучи тем более по существу событием с другими, иметь опыт смерти. Эта “объективная” данность смерти должна тогда позволить и онтологически очертить целость присутствия» [Хайдеггер, 1997: 237]. Ниже, в § 51, Хайдеггер критикует распространенное в обществе избегание смерти, понимание ее как «неопределенного нечта, которое как-то должно случиться где-то всегда с другими» [там же: 253]. В этом ключе можно заметить, что практика паллиативной помощи выводит смерть из незаметности, в этом смысле приближая специалистов к подлинному экзистированию.

120

заболеваний стоит особенно остро. Если рассматривать как частный случай развитие паллиативной помощи в России, то здесь направление организовалось именно как результат активистской работы, в которой наиболее известные участники добивались изменений путем «борьбы с незаметностью» детей с паллиативным статусом.

Наконец третьим аспектом заботы Мартинсен определяет принцип ответственности за слабого. В этом ключе забота о слабом есть результат осознания человеком собственной хрупкости, общности возможности страдания, болезни и неотвратимости смерти. Мартинсен иллюстрирует этот аспект через притчу о добром самаритянине, где пострадавший не может за себя бороться, но ситуация сама призывает человека к действию: «Нам не дана информация о том, был ли самаритянин специалистом, но он обеспечил заботу о теле ближнего, а сама притча в своем распространении стала призывом к аналогичному действию» [Alvsvåg, Martinsen, 2018].

Призыв к действию переносит эту притчу в плоскость дискурса власти. Стремление к заботе ведет человека к тому, чтобы говорить публично от имени тех, кто не может за себя высказываться. Самаритянин становится «политическим самаритянином» [Øye, Mekki, 2016]. Его задача — бороться от имени слабого с желанием оставить смерть за пределами повседневности и строить общество с учетом необходимости сострадать и помогать ближнему. Так происходит солидаризация сильного, способного высказаться, и слабого, нуждающегося в этом высказывании.

Но имеет ли смысл говорить об общности и солидарности с пациентами, неспособными отвечать на заботу? Далеко не все пациенты с паллиативным статусом могут «отвечать» на действие, что особенно часто встречается в институтах паллиативной помощи детям, где часто находятся пациенты с тяжелыми когнитивными нарушениями. Мартинсен отвечает на это тем, что факт ответного действия оказывается вторичен уникальному опыту проживания болезни с пациентом. Опыт, запечатлевающий чувственно-эмоциональный след памяти, становится опытом, значимым для идентичности, что опять-таки связано с опытом «окончания присутствия в смерти» [Alvsvåg, Martinsen, 2018]. С этой идеей Мартинсен приходит к понятию взаимозаботы, которая не требует ответа, принимает данность пациента безусловно и при этом, как источник опыта, направлена и на саму сестру.

Высокий морализаторский тон в ее работах тесно связан с институциональной критикой сложившегося отношения к сестринскому делу как направлению и институту медицины. В «Письме о гуманизме» М. Хайдеггер говорит о том, что забота направлена

Г.А. Часовских
Экзистенциальная проблематика философии сестринского дела Дж. Травелби и К. Мартинсен в перспективе паллиативной помощи

Мартинсен обращает внимание на изменение отношений вплоть до самого языка: риторика производства, качества, клиента, эффективности раньше встречалась только в промышленности, а сейчас вытесняет вопросы экзистирования, смысла, заботы и смерти. Это противоречит изначальной природе сестринского дела, где сложно отвечать на вопрос о том, сколько часов ухода за пациентом достаточно. В сфере паллиативной помощи вопросы эффективности лечения не стоят вообще в силу своей невозможности.

Можно тогда предположить, что синтез индивидуального опыта, непозитивистских философских теорий в медицине, с одной стороны, и доказательности, с другой, снимает эти проблемы. Однако Мартинсен считает, что требование доказательности как главного критерия обесценивает саму специфику знания сестер — феноменологического невербального ощущения уникального опыта, являющегося, по ее мнению, одним из главных источников знания. Это невербальное знание позднее находит выражение в интуитивном восприятии и осмыслении ситуации, где медсестра видит ситуацию в целом, как бы переживая ее, ощущая себя ее участницей [Киркеволд, 2000]. Ситуация не рассматривается как совокупность каких-то частных и воспринимается как единое целое.

122

в сестринском деле во многом связано с теорией Дж. Травелби. Случай паллиативной помощи «вообще» обостряет ситуацию incurability состоянием, где без возможности выздоровления на первый план выходят проблемы принятия, переживания страдания, близости смерти. А в случае паллиативной помощи детям из четырех этапов помощи два включают в себя помощь после смерти ребенка: помощь родителям непосредственно после смерти и помощь в период горевания. Все это дополнительно актуализирует экзистенциальную проблематику в исследованиях [Gysels, Shipman, Higginson, 2008].

Так, в статье «The pendulum time of life: the experience of time, when living with severe incurable disease — a phenomenological and philosophical study» («Маятниковое время: переживание времени, когда живешь с тяжелой неизлечимой болезнью, — феноменологическое и философское исследование») исследовалась проблема восприятия времени пациентов с паллиативным статусом [Ellingsen et al., 2015]. Наряду с феноменологической оптикой, необходимой в исследовании субъективного опыта переживания, авторы описывают, как осознание ограниченности жизни меняет восприятие времени на «более экзистенциальное»: присутствие смерти делает время очень драгоценным, интенсивным, ярким и красивым, с большим количеством цветов, звуков и запахов [Voetmann, Hvidt, Viftrup, 2022]. Вместе с выяснением близости модели восприятия времени с «маятником», смещения восприятия скуки как времени, позволяющего отвлечься и структурировать мысли, специалисты обнаруживают, что эти колебания в восприятии времени привязаны к эмоциональным колебаниям. Сам формат таких исследований подсказывает специалистам, что вопрошание пациента и знакомство с его опытом ощущения близости смерти ведут не только к пониманию особенности его взглядов, но и к коммуникативным рекомендациям.

Другая работа «Verbalizing spiritual needs in palliative care: a qualitative interview study on verbal and non-verbal communication in two Danish hospices» («Вербализация духовных потребностей в паллиативной помощи: качественное интервью-исследование вербальной и невербальной коммуникации в двух датских хосписах») подтверждает, что оценка пациентами качества взаимодействия специалиста и пациента собственно в первую очередь касается эмоциональной связи и невербальных знаков заботы: «взять за плечо и спросить “Как вы?” не воспринимается как вопрос о самочувствии и эффективности лекарств» [Voetmann, Hvidt, Viftrup, 2022]. Но, более того, пациенты отмечают важность экзистенциальных и духовных разговоров со стороны сестринского персонала, где указание на необходимость (и при этом сложность

Г.А. Часовских
Экзистенциальная проблематика философии сестринского дела Дж. Травелби и К. Мартинсен в перспективе паллиативной помощи

решиться) на такой формат разговора отмечается также чаще беспокойства о своем самочувствии.

Несмотря на то что примеры напрямую связаны с теорией К. Мартинсен и теоретическая база состоит преимущественно из философских работ, методология, сам формат общения с интервьюируемым и интерпретативная рамка связаны с экзистенциальной и нарративной психологией. Выводы, получаемые в статьях, о влиянии мыслей о присутствии смерти, опыте страдания, невербального общения с профессионалами, слушании переживаний пациента или его родственников, влияют на организацию рекомендаций общения для специалистов сестринского дела.

В своей теории заботы К. Мартинсен удалось не только продемонстрировать качественный синтез сестринского дела и философских концептов, но и обеспечить его применимость в отдельных исследованиях экзистенциальной проблематики ощущений в паллиативной помощи. Кроме того, поучаствовав в модернизации института сестринского дела в Норвегии, Мартинсен получил статью деятельным примером «политического самаритянина».

Отдельную ценность представляет и то, что Мартинсен удалось внести важный вклад в отстаивание непозитивистских моделей сестринского дела на поле общего научного поля. Спустя более чем 40 лет после публикации ее первых работ можно сказать, что Мартинсен смогла отстоять позицию нередуцируемости некоторых фундаментальных для человеческого бытия понятий. Несмотря на дескриптивную силу, недостатком ее теории является невысокий потенциал применения в качестве обучающей модели взаимодействия, однако в рамках медицинского образования эту проблему можно успешно покрывать альтернативными позициями, в качестве которых подходит теория взаимоотношений Дж. Травелби.

* * *

Близость экзистенциальной проблематики сестринского дела и паллиативной помощи является следствием их предметной близости. Последняя проявляется еще ярче, когда дело касается выстраивания отношений между специалистом, с одной стороны, и пациентом и его родственниками, с другой. Уникальность переживания опыта болезни и смерти, заботы, достоинства, страданий и сопровождения в вопрошаниях пациента о поиске смысла — все эти вопросы остро стоят и в паллиативной помощи, и в сестринском деле. В результате оформившаяся более чем столетняя история развития теорий сестринского дела может быть полезна в выстраивании теоретико-философских моделей паллиативной

помощи как в образовательных, так и в исследовательских целях. Наличие запроса на нередукционистские модели глубокого понимания опыта переживания болезни и экзистенциальных нужд пациентов явилось предпосылкой для синтеза философского дискурса и сестринского дела, примером которого являются работы Дж. Травелби и К. Мартинсен.

Дж. Травелби строит мост между экзистенциальной философией и психологией, с одной стороны, и сестринским делом, с другой. По ее мнению, отношения врач–пациент или медицинская сестра – пациент в своем идеале должны стремиться к субъект-субъектным отношениям индивид–индивид на условии эмпатии и взаимной симпатии. Ответственность медицинского персонала заключается в том, чтобы помочь пациенту обрести смысл независимо от прогноза. В большей мере ее работы имеют цель привлечь работников медицинской сферы к осознанию значимости экзистенциальных переживаний, а также к тому факту, что не все аспекты человеческой жизни подвластны формату медицинской доказательности.

Теория заботы К. Мартинсен разделяет обе этих идеи, но описывает их в другом ключе. Мартинсен представляет дескриптивную модель с мощным философским фундаментом и серьезными требованиями к философской начитанности. При этом ее модель практически применима, не теряет значимости и демонстрирует себя в качественных исследованиях экзистенциальной и феноменологической проблематики, затрагивающих восприятие и потребности в рамках паллиативной помощи.

Existential Problems of the Philosophy of Nursing J. Travelby and K. Martinsen in the Perspective of Palliative Care

Grigoriy A. Chasovskikh

Senior Lecturer, UNESCO Network Chair of Bioethics and International Medical Law.

Pirogov Russian National Research Medical University.

1b Ostrovitianov str., Moscow 117997, Russian Federation.

ORCID: 0000-0001-5405-2875

19sub@mail.ru

Abstract. This article examines the philosophical theories of nursing by J. Travelby and K. Martinsen. The central object of research is some ways in which both theories explain the existential problems in the medical practice, using the example of the search for existential values, experience of illness, the proximity of death and care. This article also discusses the philosophical

Г.А. Часовских
Экзистенциальная проблематика философии сестринского дела Дж. Травелби и К. Мартинсен в перспективе паллиативной помощи

Keywords: philosophy of nursing, nursing theory, palliative care, existential, palliative care for children, Travelby, Martinsen, theory of care, Heidegger, Frankl.

Литература/References

Kirkevold M. *Sestrinskoe delo. Analiz i otsenka teorii* [Nursing. Analysis and evaluation of theories], transl. from Norwegian by E. Pankratova. Moscow: PER SE Publ., 2000.

Nozdrachev D.I., Zamiatin K.A., Miroshnichenko M.D. [Moral Distress in Pediatric Palliative Care: Classic Problems and Challenges of the COVID-19 Pandemic]. *Chelovek*. 2023. Vol. 33, N 3. P. 138–158.

- Основы паллиативной помощи / под ред. Р. Твайкросса, Э. Уилкока; пер. с англ. В.В. Ерохиной, Г.Ш. Юнусовой. М.: Благотворительный фонд помощи хосписам «Вера», 2020.
- Osnovy palliativnoi pomoshchi* [Introducing Palliative Care], R. Twycross, A. Wilcock (eds), transl. from English by V.V. Erokhina, G.S. Yunusova. Moscow: Hospice Charity Fund "Vera" Publ., 2020.
- Франкл В. Человек в поисках смысла: пер. с англ. и нем. / общ. ред. Л.Я. Гозмана, Д.А. Леонтьева. М.: Прогресс, 1990.
- Frankl V. *Chelovek v poiskakh smysla* [Man in search of meaning], transl. from English and German, L.Ya. Gozman, D.A. Leontiev (eds). Moscow: Progress Publ., 1990.
- Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. и примеч. В.В. Бибихина. М.: Ad Marginem, 1997.
- Heidegger M. *Bytie i vremya* [Being and time], transl. from German and notes by V.V. Bibikhin. Moscow: Ad Marginem Publ., 1997.
- Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Хайдеггер М. Время и бытие / пер. с нем. В.В. Бибихина. М.: Республика, 1993. С. 192–220.
- Heidegger M. *Pis'mo o gumanizme* [Letter on humanism]. Khaidegger M. *Vremya i bytie* [Being and time], transl. from German by V.V. Bibikhin. Moscow: Respublika Publ., 1993. P. 192–220.
- Alligood M.R. *Nursing Theorists and Their Work*. St. Louis, MO: Elsevier Health Sciences, 2017.
- Alvsvåg H. Kari Martinsen: Philosophy of caring. *Nursing theorists and their work*, ed. by M.R. Alligood. St. Louis, MO: Mosby Elsevier, 2014. P. 147–170.
- Alvsvåg H., Martinsen K.M. Omsorg og skjønn. *Tidsskrift for omsorgsforskning*. 2018. Vol. 4, N 3. P. 215–222.
- Berbiglia V.A., Banfield B., Dorothea E. Orem: Self-Care Deficit Theory of Nursing. *Nursing theorists and their work*, ed. by M.R. Alligood. St. Louis, MO: Mosby Elsevier, 2014. P. 240–257.
- Boge J., Martinsen K. Kritiske kommentarer til evidensbasert undervisning og praksis. *Vård i Norden*. 2006. Vol. 26, N 2. P. 32–35.
- Dobrina R., Tenze M., Palese A. An overview of hospice and palliative care nursing models and theories. *International journal of palliative nursing*. 2014. Vol. 20, N 2. P. 75–81.
- Ellingsen S. et al. The pendulum time of life: The experience of time, when living with severe incurable disease — a phenomenological and philosophical study. *Medicine, Health Care and Philosophy*. 2015. Vol. 18(2). P. 203–215.
- Eriksson K., Martinsen K. The hidden and forgotten evidence. *Scandinavian Journal of Caring Sciences*. 2012. Vol. 26, N 4. P. 625–626.
- Gysels M., Shipman C., Higginson I.J. Is the qualitative research interview an acceptable medium for research with palliative care patients and carers? *BMC medical ethics*. 2008. Vol. 9. DOI:10.1186/1472-6939-9-7
- Larkin P. Shaping new thinking in palliative nursing. *International Journal of Palliative Nursing*. 2007. Vol. 13, N 8. P. 364–364.
- Martinsen K. Fra Marx til Løgstrup. *Om moral, samfunnskritikk og sanselighet i sykepleien*. Oslo: Tano Forlag, 1993.

Г.А. Часовских
Экзистенци-
альная про-
блематика
философии
сестринского
дела Дж. Тра-
велби и
К. Мартинсен
в перспективе
паллиативной
помощи

©2023 Г.А. КАРПОВА

ЭТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ С ПРИМЕНЕНИЕМ ИИ: МЕТОДОЛОГИЯ ДИЗАЙНА ЦЕННОСТЕЙ

Карпова Елизавета Александровна — магистр Школы философии, стажер-исследователь проекта «Этическая экспертиза в сфере ИИ». Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Российская Федерация, 105066 Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4.
ORCID: 0009-0005-0499-7930
ea.karpova@hse.ru

Аннотация. По мере того как наш мир становится все более зависим от данных, алгоритмы чаще и чаще используются для принятия обоснованных решений в различных областях, начиная от финансов и заканчивая управлением персоналом. Сфера здравоохранения не является исключением, и искусственные интеллектуальные системы получают все большее распространение в этой области. В то время как искусственный интеллект (ИИ) может помочь нам принимать более обоснованные и эффективные решения, он также служит источником множества

Публикация подготовлена за счет средств гранта на поддержку исследовательских центров в сфере искусственного интеллекта, в том числе в области «сильного» искусственного интеллекта, систем доверенного искусственного интеллекта и этических аспектов применения искусственного интеллекта, предоставленного АНО «Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации» в соответствии с соглашением о предоставлении субсидии (идентификатор соглашения о предоставлении субсидии 000000D730321P5Q0002) и договором с ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» от 2 ноября 2021 г. № 70-2021-00139.

Несмотря на увеличение внимания к этим проблемам в последние годы, технические решения этих сложных моральных и этических вопросов часто разрабатываются без учета социального контекста и мнения агентов, которых затрагивает технология. Кроме того, призывы к более этичному и социально ответственному ИИ часто фокусируются на основных правовых принципах, таких как «прозрачность» и «ответственность», и не учитывают намного более проблематичную область человеческих ценностей. Для решения этой проблемы в статье предлагается рассмотреть "ценностно-чувствительный" подход к разработке ИИ, который может помочь перевести основные права и ценности человека в контекстно-чувствительные требования к алгоритмам искусственного интеллекта. Этот подход может помочь создать маршрут от человеческих ценностей к ясным и понятным требованиям для дизайна ИИ. Помимо представления ключевых требований к алгоритмам этико-чувствительного ИИ, предлагается посмотреть, какие философские истоки имеют те ценности, о которых мы говорим сегодня в рамках обсуждения этичного искусственного интеллекта: честность, добросовестность, ответственность, эмпатия, долг перед жизнью. Автор предлагает рассмотреть их сквозь призму этики добродетели и деонтологии.

Ссылка для цитирования: Карпова Е.А. Этическая экспертиза в сфере здравоохранения с применением ИИ: методология дизайна ценностей // Человек. 2023. Т. 34, № 3. С. 129-145. DOI: 10.31857/S023620070026109-6

Алгоритмы искусственного интеллекта (ИИ) различной сложности все быстрее становятся частью повседневности, проникая в жизнь каждого отдельного человека и общества в целом. Веря в обещания эффективности, надежности и автоматизации принятия безоговорочно верных решений, частные

компании и правительства включают ИИ во все более широкий круг общественных процессов и институтов, таких как аналитика потребительских предпочтений, управление персоналом, оценка кредитоспособности, формирование цен на страхование жизни и, конечно, здравоохранение. Прогнозируемые успехи и удачные кейсы применения искусственного интеллекта в различных сферах жизни не могут не распространять энтузиазм и веру в скорое установление симбиоза человека и машины. Однако вместе с тем все большее развитие систем искусственного интеллекта и попытки создания сильного ИИ выносят на свет все большее количество трудноразрешимых морально-этических проблем, и сфера медицины отнюдь не стала исключением. Дискриминация, нарушение конфиденциальности, распространение дезинформации, необоснованные решения, вопросы безопасности — все это только вершина айсберга, одной стороной находящаяся в правовой сфере и оттого артикулируемая чуть яснее. Куда глубже залегают проблемы морально-этического спектра — проблема «черного ящика», разрыв контакта «человек–человек» и эмоциональная фрустрация, проблема индивидуальной свободы выбора, ограничение автономии, а также проблема решения конфликтов предсказаний «человек–машина» и другие возникающие вопросы. Ответы на эти морально-этические вопросы сложно найти в областях юриспруденции или социологии, точно так же, как и получить их от разработчиков ИИ и создателей алгоритмов. Отсюда вытекает необходимость междисциплинарного диалога, привлекающего к обсуждению области знания, непосредственно занимающиеся изучением моральных ценностей и социальных норм, — философии и этики.

Создание этичного искусственного интеллекта — сложная задача, требующая глубокого понимания принципов работы ИИ. Эти принципы, в том числе прозрачность, подотчетность, инклюзивность и гибкость необходимы для обеспечения этичного и ответственного внедрения ИИ в рабочие процессы и социальную сферу. Однако простого перечисления этих принципов недостаточно. Чтобы действительно создать этичный ИИ, необходимо вовлечь в процесс разработки все заинтересованные стороны. В случае здравоохранения к ним относятся разработчики, компании и государственные учреждения, врачи, пациенты и другие стороны, такие как члены семей пациентов и поставщики медицинских услуг. Одной из методологий, которую можно использовать для разработки этичного ИИ, является ценностно-чувствительный дизайн [Friedman, 2008]. Этот подход включает в себя изучение и включение этических ценностей прямых и косвенных заинтересованных сторон в процесс проектирования. Другой подход — совместное

Г.А. Карпова

Этическая экспертиза в сфере здравоохранения с применением ИИ: методология дизайна ценностей

проектирование [Van der Velden, 2015], которое предполагает активное вовлечение всех ключевых заинтересованных сторон в процесс разработки систем ИИ, отвечающих их этическим требованиям и ценностям. Одним из ключевых аспектов этого подхода является необходимость создания алгоритмов, учитывающих социальный контекст, в который будет встроена технология. Это поможет сместить акцент с технологических артефактов и технических требований на социальные нужды будущих пользователей технологий ИИ. Для создания такого социотехнического подхода необходимо учитывать как взаимодействие между людьми и техническими артефактами, так и между людьми и организационными практиками. Примечательно, что авторы ценностно-чувствительного подхода к дизайну используют Хартию Европейского союза по правам человека [Charter, 2012] как основной источник общечеловеческих ценностей. Однако они сознательно уходят от рассмотрения этих ценностей через призму правового поля, концентрируясь вместо этого на морально-этических аспектах. Это различие существенно, поскольку вовлечение заинтересованных сторон в процесс развития на основе ценностей (а не установленных законов и стандартов) может привести к требованиям развития, выходящим за пределы существующих правовых рамок. Кроме того, как мы увидим во второй части статьи, эти ценности, на которых должен быть основан этико-ориентированный ИИ, прямо вытекают из двух классических философских теорий — этики добродетели и деонтологии.

Дизайн этических ценностей

В общем смысле дизайн ценностей представляет собой перевод морально-этических требований заинтересованных сторон в контекстно-зависимые требования к дизайну разрабатываемого алгоритма или системы искусственного интеллекта. Постепенный перевод абстрактных значений в требования к дизайну называется спецификацией и может быть визуально отображен в виде иерархии значений (рис. 1а).

В первую очередь ценности расширяются до норм, которые представляют собой свойства или возможности, которые должна демонстрировать разработанная технология, чтобы поддерживать желаемые ценности. Например, ценность «уважение частной жизни» (рис. 1б) может в определенном контексте интерпретироваться как информированное согласие на определенные действия, конфиденциальность или право на удаление нежелательной информации. Таким образом, эти три нормы рассматриваются

Рис. 1a [Aizenberg, 2020: 5].

заинтересованными сторонами как спецификация того, что означает ценность «уважение частной жизни» в данном контексте использования.

Каждая из этих норм, в свою очередь, уточняется в требованиях социально-технического проектирования. На рис. 16 информированное согласие на обработку персональных данных должно

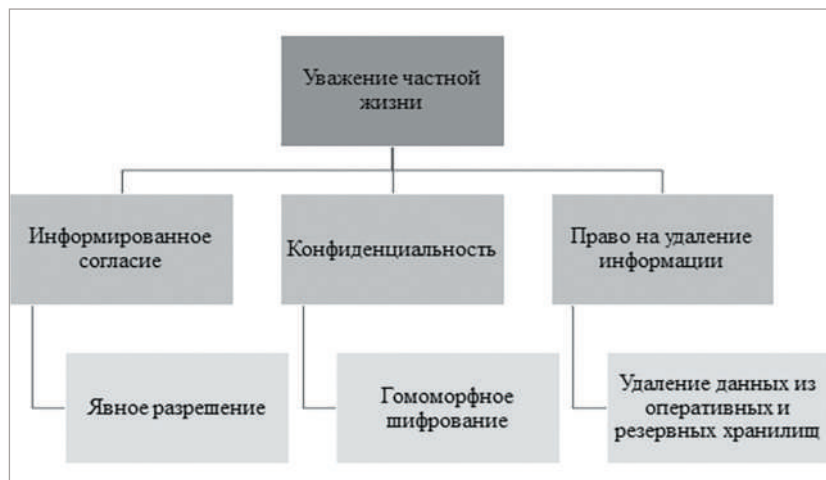

Рис. 16 [Aizenberg, 2020: 5].

Г.А. Карпова
Этическая экспертиза в сфере здравоохранения с применением ИИ: методология дизайна ценностей

Важно понимать, что связь между более высокими и более низкими уровнями в иерархии не является дедуктивной. То есть на более низком уровне не просто выводятся следствия из более высоких уровней. Например, нормы, приведенные в примере, могут быть недостаточными или совершенно неуместными в другом контексте использования. Стороны дебатов о частной жизни могут не согласиться с предложенным разделением. Однако иерархия ценностей предлагает структуру для целенаправленного обсуждения этих разногласий и позволяет оценивать отношение между более высокими и более низкими уровнями в контексте, в котором они используются. Кроме того, спецификация обеспечивает объяснение абстрактного значения и всегда зависит от контекста. Это означает, что для каждого конкретного случая нужно учитывать нюансы и особенности контекста, чтобы более точно определить, каким образом элемент низшего уровня связан с элементом более высокого уровня.

1. L является средством для достижения H ;
2. L — цель, достижение которой способствует достижению H ;
3. L позволяет достичь H , не внося прямого вклада в это достижение;
4. L устраняет препятствие для достижения H .

Каждое из этих отношений может быть дополнительно проработано заинтересованными сторонами в конкретном контексте, чтобы определить социальные, этические и моральные соображения стейкхолдеров и их мотивы. Например, дополнительная проработка в конкретном случае позволяет заинтересованным сторонам прийти к выводу о том, что право на удаление нежелательной информации является средством сохранения уважения к частной жизни. В этой связи отношение «*L* ради *H*» отражает контекстуальные рассуждения и мотивы заинтересованных сторон, которые

требуют, чтобы элемент *H* более высокого уровня, такой как уважение частной жизни, поддерживался элементом *L* более низкого уровня, например правом на удаление нежелательной информации. Таким образом, тонкая, контекстно-зависимая, сформулированная заинтересованными сторонами аргументация требований к дизайну является важным механизмом для преодоления социотехнического разрыва. Она способствует инклюзивному, социально осознанному, междисциплинарному разговору, который необходим для учета широты и глубины сложных социально-этических проблем и их значения.

Иерархия ценностей показывает в структурированной и прозрачной форме, какие моральные и социальные ценности, то есть нормативные требования, должна поддерживать рассматриваемая технология, каковы интерпретации этих ценностей заинтересованными сторонами в конкретном контексте использования и какие соответствующие требования к дизайну должны быть реализованы. Это позволяет всем лицам, затронутым работой технологии (непосредственным пользователям, инженерам, полевым экспертам, практикующим юристам и т.д.), обсуждать варианты разработки, чтобы проследить причины, преимущества и недостатки каждого выбора в соответствии с общественными нормами и ценностями.

Одним из способов включения в процесс разработки этикоориентированного ИИ с учетом человеческих ценностей является метод ценностных сценариев. Ценностные сценарии — это воображаемые ситуации с нюансами, в которых участвуют предлагаемая технология ИИ и различные прямые и косвенные заинтересованные стороны. Создание таких сценариев позволяет исследователям совместно со стейкхолдерами проработать различные варианты взаимоотношений между человеком и ИИ, прислушиваясь к мнению каждого участника исследования. Это способствует созданию более этических, социально ориентированных продуктов. Важно отметить, что изучение альтернативных взглядов предполагает переосмысление того, что может показаться очевидным техническим решением сложной социально-этической проблемы. Это позволяет заинтересованным сторонам, «которые в противном случае могли бы быть невидимыми или маргинализированными, иметь право голоса в процессе проектирования» [Van der Velden, 2015: 53]. Такой подход к разработке продукта не только учитывает интересы всех заинтересованных сторон, но и позволяет создать продукты, которые активно удовлетворяют потребности пользователей, в то время как организации получают прибыль.

Несколько раз подчеркивалась важность спецификации ценностей, связанной социальным контекстом, в котором эта

Г.А. Карпова

Этическая экспертиза в сфере здравоохранения с применением ИИ: методология дизайна ценностей

В связи с этим ключевой вопрос, который часто возникает при проектировании ценностей в ИИ, заключается в том, в какой степени система ИИ должна заменять действия человека при выполнении определенной деятельности с учетом социальной, нормативной и институциональной цели этой деятельности. Концепция, которая может помочь ответить на этот вопрос, называется «The Nature of Activities» («Природа действий») [Santoni de Sio, 2016]. Автор этого подхода, Филиппо Сантони, предлагает разделение деятельности на целенаправленную и практически ориентированную. Чтобы проиллюстрировать это деление, рассмотрим пример использования роботов-помощников для подъема пациента с больничной койки, изученный Ф. Сантони. Эта деятельность является целенаправленной, поскольку ориентирована на безопасный подъем пациента с кровати под определенным углом и скоростью для его дальнейшего размещения в инвалидном кресле. В то же время выполнение этой деятельности человеком, осуществляющим уход, имеет практико-ориентированный аспект развития связи и отношений между врачом и пациентом. Эти отношения имеют социальную ценность для пациента, а также важны для долгосрочного ухода за ним и установления доверительных отношений с целью проведения наиболее эффективного лечения.

136

может помочь определить, какие задачи (или подзадачи) лучше делегировать системе ИИ, а какие — человеку. Фактически может возникнуть инновационное взаимодействие между людьми и ИИ, когда разделение задач между ними в большей степени удовлетворяет потребности и ценности заинтересованных сторон по сравнению с тем, когда человек или ИИ выполняют эту деятельность в одиночку. В итоге использование систем и технологий ИИ должно быть основано на учете уникальных социально-культурных контекстов. Разработчики ИИ должны учитывать этот факт и принимать во внимание местные ценности и культурные особенности, чтобы создать системы, которые могут быть эффективными и полезными для всех людей.

«Дорожная карта»: от ценностей к требованиям

В концептуальном смысле «дорожная карта» перехода ценностей в нормы, а затем в конкретные требования к искусственному интеллекту представляет собой сложную иерархию. Эта иерархия включает в себя несколько уровней, которые последовательно отображают ценности, требования и контекст, в котором действует искусственный интеллект. На верхнем уровне находятся человеческие права, которые являются главным критерием оценки того, насколько этичен и надежен тот или иной продукт, работающий на базе искусственного интеллекта. На следующем уровне расположены моральные ценности, которые часто определяются на основе мнения общества и проводимых исследований, в которых участвуют заинтересованные стороны. Как мы увидим дальше, эти ценности являются прямым отражением добродетелей и норм, которые мы встречаем в теориях моральной философии — аристотической этике и деонтологии. Далее, на уровне контекстных спецификаций, уточняются конкретные ситуации, в которых будет использоваться искусственный интеллект. Это позволяет разработчикам точнее определить требования к продукту, учитывая особенности применения и контекст. Наконец на последнем уровне расположены социально-технические требования к программам и алгоритмам. Они определяют, как продукт должен работать на практике и каким образом должны реализовываться ранее определенные ценности и требования.

Необходимо отметить, что авторы концепции дизайна ценностей предлагают рассматривать ограниченный список человеческих прав, принятых в Хартии, из которых впоследствии выводятся и морально-этические ценности. К таким правам авторы относят свободу, равенство, солидарность, право на жизнь и

Г.А. Карпова
Этическая экспертиза в сфере здравоохранения с применением ИИ: методология дизайна ценностей

решения конфликта предсказаний «человек–машина», проблемы индивидуальной свободы выбора, эмоциональное беспокойство от разрыва контакта «человек–человек» и др.

Как показано на рис. 2, ценности второго порядка в дорожной карте дизайна могут быть конкретизированы в ценности третьего порядка, которые нам знакомы по дискуссиям, связанным с этикой ИИ: недискриминация, конфиденциальность, прозрачность и безопасность. Этот список не является исчерпывающим и открыт для расширения и уточнения. Обратите внимание, что некоторые из этих значений третьего порядка выполняют связь «*L* ради *H*» в отношении более чем одного значения второго порядка. Например, ценность конфиденциальности поддерживает как свободу, так и равенство, а прозрачность — как свободу, так и солидарность. С этого момента дальнейшая спецификация этих значений и их преобразование в системные свойства становятся сильно зависимыми от контекста. Именно здесь методы контекстуальной дифференциации при решающем участии заинтересованных сторон в обществе вступают в действие, чтобы выявить нормативные и социально-технические последствия ценностей более высокого порядка в конкретном контексте. Как отмечалось ранее, этот процесс проектирования требует повторения нескольких раундов концептуальных, эмпирических и технических исследований. С каждой итерацией будет появляться более тонкое и широкое понимание нормативных требований, ценностных противоречий и социально-технических требований к дизайну.

Следует ожидать, что в некоторых контекстах и сценариях заинтересованные стороны могут прийти к выводу, что ни одна из предложенных технических реализаций не удовлетворяет в достаточной мере важным ценностным требованиям. С одной стороны, это может быть возможностью для технических инноваций, мотивирующих нестандартное мышление, которое может привести к успешному решению. С другой стороны, мы не должны попасть в ловушку решимости, предполагая, что та или иная форма ИИ всегда является панацеей от проблемы или поставленной цели. На самом деле в ситуациях, когда морально-этические требования не могут быть согласованы с подходящей реализацией, иерархический характер «дорожной карты» ценностей предоставляет средства для точного отслеживания того, какие нормы, ценности и, в конечном счете, права человека будут недостаточно поддерживаться или нарушаться. В таких сценариях ответственное проектирование в отношении прав человека потребует признания того, что внедрение ИИ в этом контексте будет вредным. Идея отказа от решений ИИ, которые не соответствуют в достаточной мере нормативным ценностным требованиям, не будет

Г.А. Карпова

Этическая экспертиза в сфере здравоохранения с применением ИИ: методология дизайна ценностей

«Дорожная карта», описанная в данной статье, открывает ряд практических вопросов, касающихся ее реализации. Например, как и кто определяет соответствующие заинтересованные стороны в определенном контексте? Как оценить консенсус между заинтересованными сторонами? Как и кто определяет, было ли выполнено достаточное количество итераций в рамках концептуальных, эмпирических и технических исследований? Есть ли потребность во внешнем органе или учреждении, которое удостоверяло бы честность процесса проектирования и обеспечивало бы его прозрачность по отношению к обществу? На некоторые из этих вопросов можно ответить с помощью знаний и опыта, накопленных в ходе прошлых применений дизайна для ценностей в различных областях [Azenkot, 2011]. Однако многие из этих вопросов уводят нас в неизведанные воды, как и сам ИИ. Одним из наиболее волнующих становится вопрос о том, какие именно ценности мы должны транслировать и принимать как основополагающие для создания этичного ИИ? Основываясь на Хартии Европейского союза по правам человека, авторы статьи предлагают нам ограниченное число основополагающих прав, на базе которых с помощью ценностных сценариев разработчики должны выводить контекстно-ориентированные ценности. При этом, однако, остается не затронутым вопрос о существовании таких ключевых ценностей, которые с необходимостью должны присутствовать в каждом алгоритме искусственного интеллекта, дабы избежать тотального морального релятивизма. Для установления такого «списка» ценностей необходимо обратиться к классическим концепциям этики добродетели и деонтологии, которые уже нашли свое широкое применение в сфере медицины и могут быть экстраполированы дальше на область искусственного интеллекта в здравоохранении.

При попытке определить, откуда же нам черпать те ценности, о которых шла речь в предыдущих разделах, мы упираемся в давно знакомые нам философские концепции, ставшие хрестоматийными для этической теории. Речь идет об этике добродетели и деонтологии, которые нашли свое применение не только в моральной

философии, но и, в частности, используются в медицинской практике. Этика добродетели — философский подход, который делает упор на развитии нравственных черт характера и добродетелей, таких как сострадание, мудрость и честность, а не фокусируется исключительно на правилах или последствиях. При применении в контексте искусственного интеллекта в здравоохранении этика добродетели может обеспечить ценную основу для руководства разработкой и внедрением технологий ИИ таким образом, чтобы способствовать достижению этических и гуманных результатов. В конце концов именно на добродетелях честности, сострадания и эмпатии и базируются те самые ценности, которыми должен быть наделен этико-ориентированный ИИ.

Одним из ключевых достоинств, которое особенно важно для ИИ в здравоохранении, является эмпатия. Поставщики медицинских услуг и исследователи давно осознали важность эмпатии в оказании эффективной помощи и построении прочных отношений с пациентами. Однако эмпатию может быть сложно воспроизвести на машинах, которые не способны испытывать эмоции или реагировать на пациентов по-человечески. Несмотря на эти ограничения, по-прежнему возможно разрабатывать системы ИИ, которые отражают и продвигают эмпатические ценности. Например, чат-боты на базе искусственного интеллекта можно запрограммировать так, чтобы они отвечали на запросы и проблемы пациентов с сочувствием и пониманием, используя обработку естественного языка для участия в человеческом разговоре. Точно так же алгоритмы ИИ можно научить распознавать и реагировать на невербальные сигналы, такие как выражение лица и язык тела, таким образом, чтобы это отражало чуткое понимание потребностей и эмоций пациентов.

Еще одним ключевым достоинством, имеющим отношение к ИИ в здравоохранении, является мудрость. Разработка и внедрение технологий искусственного интеллекта требуют тщательного рассмотрения широкого круга этических и практических соображений, включая вопросы, связанные с конфиденциальностью, согласием, предвзятостью и потенциальными непредвиденными последствиями. Этика добродетели в данном случае рассматривается как гарант того, что системы ИИ разрабатываются и используются с учетом мудрой и вдумчивой совместной работы проектировщиков и этиков. Например, алгоритмы ИИ могут быть разработаны таким образом, чтобы свести к минимуму предвзятость и дискриминацию, используя разнообразные и репрезентативные наборы данных, а также постоянно отслеживая и корректируя их результаты для обеспечения справедливости и равноправия. Точно так же системы ИИ могут разрабатываться с упором на прозрачность и объяснимость, позволяя пациентам и поставщикам услуг

Г.А. Карпова
Этическая экспертиза в сфере здравоохранения с применением ИИ: методология дизайна ценностей

В целом применение этики добродетели при разработке и внедрении ИИ в здравоохранении может помочь обеспечить использование этих технологий таким образом, который отражает наши самые высокие моральные ценности и устремления. Сосредоточив внимание на таких достоинствах, как эмпатия, мудрость и сострадание, мы можем создавать системы ИИ, которые способствуют этическим и гуманным результатам и поддерживают здоровье и благополучие пациентов и общества.

Еще одним ключевым аспектом этики добродетели в контексте ИИ в здравоохранении является признание ограничений этих технологий. Несмотря на то что искусственный интеллект может во многих отношениях улучшить результаты лечения, он не является панацеей от всех медицинских проблем и не может заменить человеческий фактор помощи, необходимый для построения доверия и отношений с пациентами. Чтобы решить эту проблему, системы ИИ могут быть спроектированы для работы в тесном сотрудничестве с поставщиками медицинских услуг, поддерживая их в принятии решений и предоставляя им инструменты и информацию, необходимые для оказания высококачественной помощи. Признавая взаимодополняющие роли ИИ и человеческого опыта в здравоохранении, мы можем создавать системы, отражающие действенный и целостный подход к уходу за пациентами.

142

сосредоточивающийся на моральных обязательствах и этике долга. Ее основным постулатом является идея уважения к личности. Этот принцип требует, чтобы люди рассматривались как цели сами по себе, а не как средства для достижения цели. В контексте ИИ в здравоохранении это означает, что к пациентам и поставщикам медицинских услуг следует относиться с уважением и достоинством, а их права и автономию необходимо постоянно защищать. Чтобы обеспечить уважение к людям при разработке и внедрении ИИ в здравоохранении, необходимо установить этические нормы и правила, регулирующие использование этих технологий. В этих рекомендациях могут быть указаны условия, при которых ИИ может использоваться для принятия медицинских решений, тип информации, которую можно собирать и хранить, а также способы, которыми пациенты могут дать информированное согласие на использование ИИ в своей работе.

Нельзя забыть и о деонтологическом принципе избегания вреда. В контексте ИИ в здравоохранении это означает, что разработчики и пользователи этих технологий должны предпринять шаги, чтобы гарантировать их безопасность, точность и эффективность, а также то, что они не причиняют вреда пациентам или поставщикам. Например, команда разработки этико-ориентированного ИИ может проводить тщательное тестирование и проверку алгоритмов ИИ, чтобы гарантировать их точность и надежность. Они также могут реализовать меры безопасности и отказоустойчивости, чтобы предотвратить ошибки или сбои, которые могут привести к причинению вреда. Кроме того, они могут установить протоколы для мониторинга и отчетности о нежелательных явлениях, связанных с использованием ИИ в здравоохранении, для выявления и решения любых возникающих проблем.

Как мы видим, концепция этико-ориентированного ИИ, продуманного достаточно, чтобы быть использованной в одной из самых сакральных сфер — сфере здоровья и жизни, должна быть основана на базовых человеческих ценностях — честности, открытости, добросовестности, долга перед жизнью, эмпатии. Все эти ценности, переходящие в нормы и требования по «дорожной карте», имплицитно вшиты и имеют свой исток в классических философских концепциях добродетелей и должного. Требования к этичному ИИ, которому мы можем доверять, которого мы как пациенты, можем не бояться, — это прямое наследие аристотелевской и кантовской традиции, оформленное в практические условия. Говоря об искусственном интеллекте в медицине, мы говорим о машине, наделенной пониманием и знаниями тех базовых ценностей, которые объединяют людей по всему миру. Вот почему дизайн ценностей настаивает на своей универсальности, а

Г.А. Карпова

Этическая экспертиза в сфере здравоохранения с применением ИИ: методология дизайна ценностей

AI in Health Ethical Review: A Value Design Methodology

ea.karpova@hse.ru

144

kind of human touch that is often needed in healthcare. Despite increased attention to these issues in recent years, technical solutions to these complex moral and ethical issues are often developed without regard to the social context and opinions of the advocates affected by the technology. In addition, calls for more ethical and socially responsible AI often focus on basic legal principles such as “transparency” and “responsibility” and leave out the much more problematic area of human values. To solve this problem, the article proposes a “value-sensitive” approach to the development of AI, which can help translate basic human rights and values into context-sensitive requirements for AI algorithms. This approach can help create a route from human values to clear and understandable requirements for AI design. It can also help overcome ethical issues that hinder the responsible implementation of AI in healthcare and everyday life.

Keywords: bioethics, artificial intelligence, value design, 6 principles of AI, black box problem, value scenarios, value-sensitive approach, collaborative design, roadmap, ethical AI.

For citation: Karpova E.A. AI in Health Ethical Review: A Value Design Methodology // *Chelovek*. 2023. Vol. 34, N 3. P. 129–145. DOI: 10.31857/S023620070026109-6

Литература/References

- Aizenberg E., Van den Hoven J. Designing for human rights in AI. *Big Data & Society*. 2020. Vol. 7, Iss. 2. P.1–30. DOI: 10.1177/2053951720949566
- Azenkot S., Prasain S., Borning A. et al. Enhancing independence and safety for blind and deaf-blind public transit riders. *Proceedings of the 2011 annual conference on Human factors in computing systems CHI '11*. New York, NY, 2011. P. 3247–3256.
- Davis J., Nathan L.P. Value Sensitive Design: Applications, Adaptations, and Critiques. *Handbook of Ethics, Values, and Technological Design*. Van den Hoven J., Vermaas P.E., Van de Poel I. (eds). Dordrecht: Springer, 2015. P. 11–40.
- Friedman B. *Human Values and the Design of Computer Technology*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1997.
- MacIntyre A. *After Virtue: A Study in Moral Theory*. Notre Dame, IN: Univ. of Notre Dame Press, 1981.
- Charter of Fundamental Rights of the European Union. *Official Journal of the European Union*. 2012. Vol. 55. P. 391–407.
- Santoni de Sio F., Van Wynsberghe A. When Should We Use Care Robots? The Nature-of-Activities Approach. *Science and Engineering Ethics*. 2016. Vol. 22, N 6. P. 1745–1760. DOI: 10.1007/s11948-015-9715-4
- Van de Poel I. Translating Values into Design Requirements. *Philosophy and Engineering: Reflections on Practice, 28 Principles and Process*. Michelfelder D.P., McCarthy N., Goldberg D.E. (eds). Dordrecht: Springer, 2013. P. 253–266.
- Van der Velden M., Mörtberg C. Participatory Design and Design for Values. *Handbook of Ethics, Values, and Technological Design*, Van den Hoven J., Vermaas P.E., Van de Poel I. (eds). Dordrecht: Springer, 2015. P. 41–66.

Г.А. Карпова
Этическая экс-
пертиза в сфе-
ре здравоох-
ранения с при-
менением
ИИ: методо-
логия дизайна
ценностей

©2023 В.А. ПРОХОДА

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗМЕРЕНИЯ

Прохода Владимир Анатольевич — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник кафедры философии образования философского факультета.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119234 Москва, Ленинские горы, учебно-научный корпус «Шуваловский».

Доцент департамента социологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций.

125167 Москва, Ленинградский просп., д. 49/2.

ORCID: 0000-0001-7508-960X

prohoda@bk.ru

Аннотация. Анализируются материалы опросов, проведенных в рамках Международной программы социальных исследований в 2020–2021 годах. Основное внимание уделено выявлению уровня экологической ответственности населения России в сравнении с другими странами-участницами проекта. На основе многомерного анализа рассчитаны интегративные показатели, характеризующие экологическую ответственность населения посредством учета социальных установок и поведенческих практик. Констатируется, что в России установки экологической ответственности выражены сравнительно слабо. Россияне в существенно меньшей степени готовы к дополнительным материальным тратам и самоограничительным действиям ради сохранения окружающей среды. При этом фиксируется минимальный уровень включенности населения в практики экологически ответственного поведения, что отчасти связано с недостаточно развитой инфраструктурой. Делается вывод,

что, несмотря на постулирование на государственном уровне необходимости формирования экологической культуры населения, в России в сравнении с другими государствами фиксируются низкие показатели экологической ответственности. Рассмотрены факторы экологической ответственности россиян. Выявлено наличие значимой прямой корреляции между выраженностью установок экологической ответственности и личным доходом респондентов. Отмечается наличие в нашей стране обратной связи между личным доходом и практиками экологически ответственного поведения, что можно рассматривать как свидетельство важной роли мотива финансовой экономии. В качестве основного канала формирования экологической ответственности рассматривается образование. Констатируется, что только в России отсутствует статистически значимая связь уровня образования с компонентами экологической ответственности. Высокообразованные россияне, как и малообразованные соотечественники, демонстрируют низкий уровень сформированности установок экологической ответственности и включенности в экологически ответственное поведение. Делается вывод, что реализация экологического образования в современной России сталкивается с существенными проблемами.

Ключевые слова: экологическая ответственность, экологическая культура, экологическое поведение, социальные установки, раздельный сбор мусора, материальное благополучие, уровень образования.

Ссылка для цитирования: Прохода В.А. Экологическая ответственность населения: опыт социологического измерения // Человек. 2023. Т. 34, № 3. С. 146–164. DOI: 10.31857/S023620070026110-8

В.А. Прохода
Экологическая
ответствен-
ность насе-
ления: опыт со-
циологическо-
го измерения

Актуализация экологических вызовов и угроз, их глобальный характер, связанное с ними усугубление социальных проблем, обеспокоенность сохранением окружающей среды предопределяют повышенный интерес научного сообщества к проблеме экологической ответственности. Необходимость формирования и регулирования экологической ответственности осознается на уровне как национальных, так и наднациональных органов управления и находит отражение в официальных документах¹.

Многоаспектность и сложный характер экологической ответственности детерминирует наличие многочисленных подходов к ее изучению в философском, социологическом, юридическом,

¹ См., например: Директива Европейского парламента и Совета ЕС 2004/35/се от 21 апреля 2004 г. «Об экологической ответственности, направленной на предотвращение экологического ущерба и устранение его последствий»; Основы государственной политики в области экологического развития России на период до 2030 года (утв. Президентом РФ от 30 апреля 2012 г.).

педагогическом и других контекстах. Акцентируем основное внимание на рассмотрении социологического опыта измерения экологической ответственности, минимизировав рассмотрение юридических аспектов, связанных с правовой ответственностью, экологическими правонарушениями, соблюдением экологического законодательства, возмещением экологического вреда, которым посвящена обширная специальная литература [Бринчук, 2016; Иванов, 2015]. Очевидно, что субъекты экологической ответственности выстраивают поведение не только в соответствии с правовыми нормами, закрепленными в современном законодательстве, но и ориентируясь на другие социальные нормы.

Сложный комплексный характер изучаемого явления подразумевает возможность его рассмотрения на разных уровнях: государств, регионов, организаций, индивидов. В условиях отмечаемого российскими исследователями отсутствия правового регулирования экологической ответственности домохозяйств, когда степень ответственности экологического поведения во многом определяется именно личными представлениями, целесообразно основное внимание уделить рассмотрению индивидуальной экологической ответственности [Панасейкина, Беляева, 2021: 353].

Под экологической ответственностью обычно понимается интегративное качество личности, проявляющееся в ответственном отношении к природе, выполнении общественных требований и норм, осознании своего нравственного долга, понимании природы как универсальной ценности [Винокурова, Лощилова, 2013: 115; Каропа, 2000]. Экологическая ответственность является составной частью экологической культуры [Стромова, 2009]. Процесс «вызревания» осознанности и ответственности экологического поведения рассматривают как развитие экологической культуры [Бушкова-Шиклина, Мусихина, 2020: 288].

В зарубежной научной литературе находят отражение вопросы взаимосвязи индивидуальной и корпоративной экологической ответственности [Rongbin, Wan, Zuping, 2022], построения объяснительных моделей [Eden, 1993; Jovanović et al., 2015], соотношения экологических установок и экологически ответственного поведения [Wyss, Knoch, Berger, 2022], рассмотрения конкретных практик ответственного отношения к окружающей среде [Rousta, Zisen, Hellwig, 2020].

От уровня экологической ответственности каждого члена общества во многом зависят сохранение окружающей среды, успешная реализация экологической политики государства. Отчасти это находит отражение в массовом сознании. По мнению россиян, главным препятствием улучшения экологической ситуации в стране выступает «низкий уровень экологической ответственности самих людей» [Экологическая ситуация..., 2021]. Ответственность как

интегративное качество личности развивается в процессе обучения и воспитания [Крайник, Сергазина, 2018]. Формирование экологической ответственности подразумевает совершенствование законодательства, развитие системы экологического образования и просвещения. Это находит отражение в профильных официальных документах.

Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года постулирует необходимость воспитания «чувства ответственности за состояние природных ресурсов, умений и навыков разумного природопользования, нетерпимого отношения к действиям, приносящим вред экологии» [Распоряжение..., 2015]. ФГОС среднего общего образования в числе требований к результатам освоения интегрированного учебного предмета «Экология» декларирует сформированность моральной ответственности за экологические последствия своих действий в окружающей среде². На таком фоне актуализируется необходимость разработки показателей и надежных механизмов оценки сформированности экологической ответственности.

Цель исследования — выявить уровень экологической ответственности россиян в сравнении с жителями других стран-участниц ISSP и рассмотреть определяющие его факторы.

Анализ научной литературы показал превалирование теоретического ракурса рассмотрения проблемы экологической ответственности [Крайник, Сергазина, 2018; Пономаренко, 2012]. Эмпирические исследования обычно базируются на локальных выборках [Бушкова-Шиклина, Мусихина, 2020; Цветкова, Иванова, 2017]. При этом в целом ощущается некоторый дефицит результатов прикладных социологических исследований, направленных на выявление уровня экологической ответственности населения, позволяющих проводить анализ не только на национальном, но и на межстрановом уровне. В таком контексте представляется актуальным обращение к материалам авторитетного международного проекта.

Материалы и методы

Эмпирической базой проведенного вторичного анализа послужили некоторые результаты опросов, реализованных в рамках «Международной программы социальных исследований»

В.А. Прохода
Экологическая
ответствен-
ность насе-
ления: опыт со-
циологическо-
го измерения

² См. Приказ Минобрнауки России от 17 мая 2012 г. № 413 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта среднего общего образования». URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/bf0ceabdc94110049a583890956abbfa/>

Опросный инструментарий включал в себя вопросы, направленные на выявление особенностей восприятия экологических рисков и угроз, оценку состояния окружающей среды как в стране в целом, так и месте проживания респондента, а также экологических установок и практик экологического отношения к природе.

После предварительного отбора из базы данных были взяты для обработки ответы респондентов на семь вопросов, в том числе отражающие проявление экологической ответственности как на уровне социальных установок, так и на уровне экологически обусловленного поведения (табл. 1).

Вопросы анкеты и результаты факторного анализа

	Вопросы анкеты	Факторные нагрузки
Факторный анализ № 1 «Готовность» ⁴	Готовы ли Вы платить значительно больше за товары и услуги, чтобы обеспечить охрану окружающей среды? (Q 11А). Шкала: от 1 – полностью согласны до 5 – совершенно не согласны	0,88
	Готовы ли Вы платить значительно более высокие налоги, чтобы обеспечить охрану окружающей среды? (Q 11В). Шкала: от 1 – полностью согласны до 5 – совершенно не согласны	0,87
	Готовы ли Вы отказаться от некоторых удобств вашей жизни, чтобы обеспечить охрану окружающей среды? (Q 11С). Шкала: от 1 – полностью согласны до 5 – совершенно не согласны	0,75

3 ISSP — международная программа сотрудничества, в рамках которой с 1984 г. по единой методологии проводятся ежегодные социологические опросы. Тематические модули повторяются раз в 8–10 лет. В настоящий момент членами ISSP являются 44 страны. Тема исследования 2020 г. — «Окружающая среда» (4-й модуль). В России опрос проведен АНО Левада-Центр (внесена Минюстом в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента) в 2021 г. методом личного интервью (face-to-face) по месту жительства респондентов в возрасте 18 лет и старше. Размер выборки составил 1583 респондента. В каждой стране респонденты опрашивались по национальной репрезентативной случайной выборке. Подробнее с методологией и технической документацией исследования можно ознакомиться на сайте <https://issp.org/>. Версия набора данных (30.05.2022): ZA7650 (v1.0.0). Для обеспечения сопоставимости результатов в разных странах использованы весовые коэффициенты.

⁴ Анализ методом главных компонент; извлечена одна компонента (фактор); решение не может быть повернуто; мера выборочной адекватности Кайзера–Мейера–Олкина = 0,67; объясняемая дисперсия = 69,9%. Структура факторного решения идентична для национальных выборок.

Окончание табл. 1

	Вопросы анкеты	Факторные нагрузки
Факторный анализ № 2 «Экологически ответственное поведение» ⁵	В какой мере Вы согласны или не согласны со следующим утверждением? Я стараюсь делать все, что идет на пользу окружающей среде, даже если это требует дополнительных расходов или времени (Q 12B). Шкала: от 1 – полностью согласны до 5 – совершенно не согласны	0,68
	Как часто Вы, выбрасывая мусор, сортируете стеклянные, металлические, пластиковые и бумажные отходы для их последующей вторичной переработки? (Q 19A). Шкала: от 1 – всегда до 4 – никогда; 5 – нет такой возможности	0,72
	Как часто Вы избегаете покупок товаров, способных нанести вред окружающей среде (Q 19B). Шкала: от 1 – всегда до 4 – никогда	0,77
	Ваше образование? Шкала: 1 – начальное или ниже; 2 – неполная средняя школа; 3 – ПТУ, колледж на базе неполной средней школы; 4 – средняя школа; 5 – ПТУ на базе средней школы; 6 – среднее специальное образование (техникум); 7 – незаконченное высшее (не менее трех курсов вуза); 8 – высшее: специалитет или бакалавриат; 9 – высшее: магистратура, второе высшее образование, ученая степень	

В.А. Прохода
Экологическая ответственность населения: опыт социологического измерения

Содержательные характеристики экологической ответственности рассмотрены с использованием методов описательной статистики. При обработке первичной социологической информации также применены: корреляционный анализ (ранговая корреляция Спирмена), факторный анализ, иерархический кластерный анализ, однофакторный дисперсионный анализ. Для описания внутренней согласованности структурных компонентов экологической ответственности рассчитан коэффициент альфа Кронбаха.

Результаты и обсуждение

Рассмотрение экологической ответственности потребовало проведения факторного анализа (ФА), направленного на выявление комплексных латентных переменных, характеризующих структуру рассматриваемого явления. Полученные результаты свидетельствуют,

⁵ Анализ методом главных компонент; извлечена одна компонента (фактор); решение не может быть повернуто; мера выборочной адекватности Кайзера–Мейера–Олкина = 0,61; объясняемая дисперсия = 52,5%. Структура факторного решения идентична для национальных выборок.

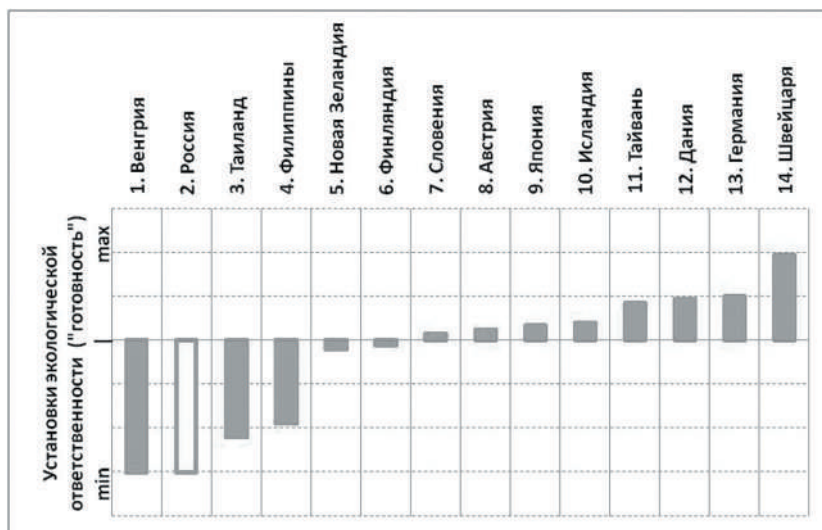

Рис. 1. Установки экологической ответственности жителей России и других стран-участниц ISSP (ранжирование по среднему значению фактора)

что структурная операционализация экологической ответственности включает, как минимум, две составляющие — социальные установки и экологическое поведение. Специфика используемого автором вторичного анализа данных накладывает некоторые ограничения и не исключает других подходов к выделению структуры экологической ответственности [Цветкова, Иванова, 2017: 725; Каропа, 2000: 54, 55].

Поиск оптимальных решений проводился по различным наборам переменных (вопросов анкеты). По результатам ФА № 1 получен один главный фактор до вращения (см. табл. 1), который интерпретируется как «готовность» и характеризует установки экологической ответственности респондентов. Чем сильнее выражен фактор, тем выше готовность опрошенных реализовывать различные типы поведения (оплата высоких налогов, покупка экотоваров, самоограничение), направленного на охрану окружающей среды (табл. 1), и наоборот. Далее страны-участницы ISSP были ранжированы в порядке возрастания средних значений «готовности» (см. рис. 1).

Можно констатировать, что на фоне других государств-участников проекта, в России (ранг 2) установки экологической ответственности выражены сравнительно слабо. Россияне в существенно меньшей степени готовы к дополнительным материальным тратам и самоограничительным действиям ради сохранения окружающей среды. При этом отсутствуют статистически значимые различия России с Венгрией. В правой, «благополучной» части диаграммы расположились европейские и азиатские страны, характеризующиеся высоким уровнем жизни населения.

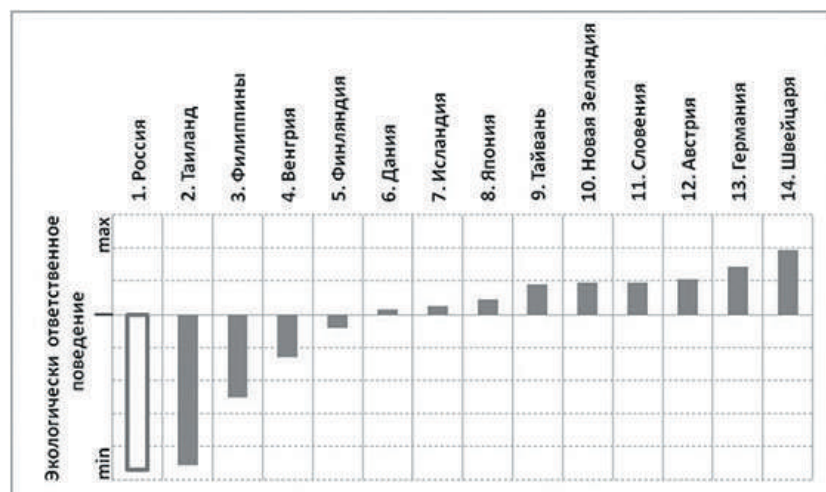

Рис. 2. Экологически ответственное поведение жителей России и других стран-участниц ISSP (ранжирование по среднему значению фактора)

Экологическая ответственность предполагает не только знание социальных норм, готовность следовать им, но и демонстрацию соответствующего поведения. Одним из важных критериев сформированности экологической ответственности является деятельностный критерий [Шобонов, 2009]. ФА № 2 проводился с использованием переменных, характеризующих включенность респондентов в практики экологического поведения в их обыденной жизни. В результате был рассчитан интегративный показатель, в дальнейшем условно именуемый «экологически ответственное поведение» (см. табл. 1). Для большого значения фактора характерна частая демонстрация респондентами практик экологически ответственного поведения — сортировка отходов, избегание покупок, способных нанести вред природе, действия, направленные на принесение пользы окружающей среде, даже если это требует дополнительных расходов или времени. Ранжирование стран-участниц проекта по возрастанию среднего значения «экологически ответственного поведения» представлено на рис. 2.

Полученные результаты позволяют констатировать, что в России фиксируются минимальные среди всех стран — участниц ISSP значения «экологически ответственного поведения». В ближайшем окружении нашей страны по рассматриваемому показателю оказались Таиланд и Филиппины. В наибольшей степени экологические практики присущи жителям европейских стран — Швейцарии, Германии, Австрии.

Экологически ответственное поведение в России имеет особенности. На общем фоне сильно выделяются минимальные

В.А. Прохода
Экологическая
ответствен-
ность насе-
ления: опыт со-
циологическо-
го измерения

масштабы включенности россиян в практики разделения коммунального мусора. Полученные результаты свидетельствуют, что в стране в полной мере не созданы необходимые условия для реализации декларируемых государством мер по обеспечению раздельного сбора отходов. Более четверти россиян (25,8%) отмечают отсутствие возможности сортировки отходов. Отметим, что это самый высокий процент среди стран-участниц проекта. Ближе всех по рассматриваемому показателю к России с большим отрывом оказались Венгрия (2,8%), Таиланд (1,5%) и Филиппины (0,7%).

Такие результаты подтверждаются материалами других исследований, показывающих, что уровень переработки отходов в современной России составляет около 7%, а более 90% отходов направляется на полигоны и свалки [Экологическая ответственность: глобальная..., 2021]. По данным опроса, проведенного АНО Левада-Центр (внесена Минюстом в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента) в 2020 году, почти две трети россиян (64%) отмечают отсутствие рядом с домом контейнеров для раздельного сбора отходов [Раздельный сбор..., 2020]. Иными словами, существенная часть россиян, потенциально готовых к разделению мусора, не делает этого в силу объективных причин.

Использование коэффициента альфа Кронбаха применительно к агрегированным по странам значениям «готовности» и «экологически ответственного поведения» показывает высокую внутреннюю согласованность упомянутых интегративных показателей ($\alpha=0,91$). Последнее можно рассматривать как свидетельство того, что оба показателя измеряют единую скрытую переменную, интерпретируемую как экологическая ответственность. Позиционирование стран-участниц ISSP в зависимости от выраженности установок экологической ответственности и экологически ответственного поведения представлено на рис. 3.

Россия расположена на карте восприятия в нижнем левом углу, что, к сожалению, не позволяет характеризовать ситуацию с уровнем экологической ответственности в нашей стране как благополучную. Проведенный иерархический кластерный анализ позволил разделить страны на три кластера. Первый, самый многочисленный, включает десять стран, характеризующихся высоким уровнем «готовности» населения, а также его включенностью в экологические практики. Второй кластер составляют Филиппины и Венгрия, в которых фиксируется низкий уровень «готовности», при показателях «экологически ответственного поведения» ниже среднего. Наконец третий кластер состоит из России и Таиланда, где одновременно слабо выражены установки экологической ответственности и

Рис. 3. Позиционирование России и других стран-участниц ISSP в соответствии со средними факторными значениями по характеристикам «готовность» и «экологически ответственное поведение»

фиксируется самая низкая включенность населения в экологически ответственное поведение.

Национальные исследования устойчиво показывают, что для россиян характерно восприятие ответственности за состояние экологии как функции государства [Экологическая..., 2020]. Низкий уровень экологической ответственности связан в том числе с тем, что население в полной мере не осознает причастности к разрешению экологических проблем. В качестве основных субъектов их решения фигурируют местная, региональная и федеральная власть [Экологическая ситуация..., 2019].

Результаты исследования позволяют констатировать, что, несмотря на постулирование на государственном уровне необходимости формирования экологической культуры населения, в России в сравнении с другими государствами фиксируются низкие показатели экологической ответственности. Последнее требует объяснения, а также актуализирует необходимость рассмотрения факторов экологической ответственности россиян.

Проведенный корреляционный анализ показал наличие значимых корреляционных зависимостей между уровнем экономического развития стран, характеризуемым посредством показателя валового внутреннего продукта с учетом паритета покупательной способности (ВВП ППС) на душу населения в 2020 году⁶, и

В.А. Прохода
Экологическая
ответствен-
ность насе-
ления: опыт со-
циологическо-
го измерения

⁶ Использованы данные МБФ. World Economic Outlook database. April 2022. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2022/April/>

Выявленные зависимости во многом связаны с трансформациями ценностных установок, переходом от ценностей выживания к ценностям самовыражения, эгоцентрическим и гуманистическим восприятием угроз [Inglehart, Welzel, 2005]. В характерных для развитых стран условиях материального благополучия и социальной защищенности экологическая проблема актуализируется в сознании населения. Связь ценностей и экологической ответственности объясняется в рамках модели «ценности–убеждения–нормы» (Value–Belief–Norm), постулирующей, что индивидуальный выбор экологического поведения базируется на ценностях и моральных нормах [Stern, 2000]. Напомним, что российский показатель ВВП ППС на душу населения превышает аналогичные данные только в двух странах — Таиланде и Филиппинах.

Ситуация меняется при рассмотрении связи личного дохода и экологически ответственного поведения. В половине стран, прежде всего характеризующихся массовой включенностью населения в практики экологического поведения, статистически значимая корреляция отсутствует. Большинство оставшихся характеризуется прямой зависимостью: чем выше уровень дохода респондентов, тем чаще они демонстрируют экологически ответственное потребление. В России фиксируется обратная корреляция ($r_s = -0,1^{**}$). Иными словами, с увеличением материального благосостояния россиян включенность в практики экологически ответственного поведения снижается. Можно предположить, что в структуре мотивационных факторов важное место занимает финансово-материальный мотив (экономия бюджета и др.), а

156

альтруистические социально значимые мотивы (защита окружающей среды, демонстрация социальной ответственности и др.) выражены сравнительно слабо.

Одним из ключевых каналов формирования экологической ответственности выступает образование. Необходимость «воспитания чувства ответственности за состояние природных ресурсов, умений и навыков разумного природопользования, нетерпимого отношения к действиям, приносящим вред экологии», постулируется в официальных российских документах [Распоряжение..., 2015]. В числе основных показателей результатов экологического образования фигурирует экологически ответственное мировоззрение⁸. В таком контексте интересно выявить характер зависимости между компонентами экологической ответственности и образованием респондентов (табл. 2). Достигнутый уровень образования измерялся в каждой стране в соответствии с категориями, принятыми в национальной образовательной системе. Обеспечение сопоставимости данных потребовало использования унифицированных уровней, соответствующих Международной стандартной классификации образования 2011 года.

Таблица 2

Корреляционная зависимость между компонентами экологической ответственности и уровнем образования респондентов, значение коэффициента ранговой корреляции Спирмена

	Уровень образования респондентов	
	Установки экологической ответственности	Экологически ответственное поведение
Австрия	0,164**	0,197**
Тайвань	0,240**	0,202**
Дания	0,165**	0,159**
Финляндия	0,220**	0,121**
Германия	0,230**	0,097**
Венгрия	0,163**	0,212**
Исландия	0,207**	0,106**

⁸ См. подробнее: Концепция экологического образования в системе общего образования. URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/3da3f2dbd81de632a44729cf4fc40ea9/>

В.А. Прохода
Экологическая
ответствен-
ность насе-
ления: опыт со-
циологическо-
го измерения

Окончание табл. 2

	Уровень образования респондентов	
	Установки экологической ответственности	Экологически ответственное поведение
Новая Зеландия	0,152**	0,063*
Филиппины	0,052*	Связь отсутствует
Россия	Связь отсутствует	Связь отсутствует
Словения	0,144**	Связь отсутствует
Швейцария	0,208**	0,040*
Таиланд	0,231**	0,210**

Можно констатировать, что Россия оказалась единственной страной, где отсутствует статистически значимая связь уровня образования с компонентами экологической ответственности. Высокообразованные россияне, так же, как и малообразованные жители страны, демонстрируют одинаково низкий уровень сформированности установок экологической ответственности и включенности в экологически ответственное поведение. Полученные результаты воспроизводятся применительно к национальным уровням образования, а также общему количеству лет, потраченных на очное обучение, что свидетельствует об их надежности.

В остальных странах-участницах ISSP с повышением уровня образования «готовность» респондентов проявляется сильнее. Прямая связь фиксируется (за исключением Японии, Филиппин, Словении) и с частотой проэкологического поведения. Можно констатировать наличие определенного противоречия между декларируемым государством заказом формирования экологической ответственности на основе всеобщего комплексного образования и сравнительно низким уровнем экологической ответственности населения. Очевидно, что реализация экологического образования в России сталкивается с существенными проблемами.

Данные других опросов свидетельствуют, что большинство россиян в полной мере не включены в систему экологического образования. В 2020 году целенаправленное изучение темы экологии, методов и способов защиты окружающей среды отметили только 17% россиян. Более половины респондентов получают такую информацию случайно и фрагментарно, например, из СМИ. При этом большинство россиян (77%) отмечает интерес к рассмотренной проблеме [Экологическая ответственность..., 2020: 8–11].

Низкую эффективность экологического образования в России эксперты связывают: с отсутствием ценностно-мировозренческой целостности содержания образования; подменой его системного характера различными одноразовыми акциями; нарушением принципа непрерывности; отсутствием соответствующей подготовки педагогических работников; отсутствием четко сформулированных интегративных показателей результатов образования и надежных способов их оценки [Иванова, 2017; Государственный доклад..., 2017].

* * *

На основе проведенного вторичного анализа предложены интегративные показатели, характеризующие экологическую ответственность населения посредством учета социальных установок и поведенческих практик. Исследование показало, что россияне по сравнению с жителями других стран-участниц проекта демонстрируют низкий уровень сформированности установок экологической ответственности и минимальную включенность в практики экологически ответственного поведения. Жители страны выделяются минимальными масштабами участия в разделении коммунального мусора. Отчасти это обусловлено отсутствием необходимых условий для реализации декларируемых государством мер по обеспечению раздельного сбора отходов. Все это не позволяет характеризовать ситуацию с уровнем экологической ответственности в нашей стране как благополучную.

Экологическая ответственность населения статистически значимо связана с уровнем экономического развития государств. Чем выше уровень жизни в той или иной стране, тем сильнее проявляется экологическая ответственность как на уровне установок, так и в поведении респондентов. В характерных для развитых стран условиях экономической и социальной защищенности экологическая проблема актуализируется в сознании населения, на первый план выходят ценности самовыражения, обуславливающие гуманистическое восприятие угроз. На национальном уровне установки экологической ответственности за редкими исключениями прямо связаны с личным доходом. Применительно к экологически ответственному поведению корреляция с личным доходом либо отсутствует, либо связь носит прямой характер. В России сложилась особая ситуация — с увеличением материального благосостояния респондентов включенность в практики экологически ответственного поведения снижается. Это свидетельствует о том, что в структуре мотивационных факторов россиян важное место занимает материальный мотив, в то время как альтруистические мотивы выражены сравнительно слабо.

Одним из основных каналов формирования экологической ответственности выступает образование. В большинстве стран-участниц ISSP высокообразованные респонденты демонстрируют

В.А. Прохода
Экологическая
ответствен-
ность насе-
ления: опыт со-
циологическо-
го измерения

более высокий уровень сформированности установок и включенности в экологически ответственное поведение. Россия оказалась единственным государством, где отсутствует статистически значимая связь уровня образования с компонентами экологической ответственности. Налицо противоречие между декларируемым государством заказом формирования экологической ответственности на основе всеобщего, комплексного образования и сравнительно низким уровнем экологической ответственности населения. Все это позволяет сделать вывод о том, что реализация экологического образования в России сталкивается с существенными проблемами.

Environmental Responsibility of People: A Sociological Survey

Vladimir A. Prokhoda

PhD in Sociological Sciences, Senior Research Fellow of the Department of Philosophy of Education, Faculty of Philosophy.

Lomonosov Moscow State University.

1 Building "Shuvalovskii", Leninskie Gory, Moscow 119234, Russian Federation. Associate Professor, Department of Sociology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications.

Financial University under the Government of the Russian Federation.

ORCID: 0000-0001-7508-960X

prohoda@bk.ru

Abstract. The materials of surveys conducted within the framework of the "International Social Survey Programme" in 2020–2021 are analyzed. The main attention is paid to identifying the level of environmental responsibility of the Russian population in comparison with other countries participating in the project. On the basis of multidimensional analysis, integrative indicators were calculated that characterize the environmental responsibility of the population by taking into account social attitudes and behavioral practices. It is stated that in Russia the principles of environmental responsibility are relatively weakly expressed. Russians are much less prepared for additional material spending and self-limiting actions in order to preserve the environment. At the same time, the minimum level of involvement of the population in the practices of environmentally responsible behavior is fixed, which is partly due to insufficiently developed infrastructure. It is concluded that, despite the postulation at the state level of the need to form an ecological culture of the population, in Russia, in comparison with other states, low indicators of environmental responsibility are recorded. The factors of environmental responsibility of Russians are considered. The presence of a significant direct correlation between the severity of environmental responsibility attitudes and the personal income of the respondents was revealed. It is noted that in our country there is a feedback

between personal income and practices of environmentally responsible behavior, which can be considered as evidence of the important role of the motive for financial savings. Education is considered as the main channel for the formation of environmental responsibility. It is stated that only in Russia there is no statistically significant relationship between the level of education and the components of environmental responsibility. Highly educated Russians, as well as poorly educated compatriots, demonstrate a low level of formation of environmental responsibility attitudes and involvement in environmentally responsible behavior. It is concluded that the implementation of environmental education in modern Russia faces significant problems.

Keywords: environmental responsibility, environmental culture, environmental behavior, social attitudes, separate waste collection, material well-being, level of education.

For citation: Prokhoda V.A. Environmental Responsibility of People: A Sociological Survey // *Chelovek*. 2023. Vol. 34, N 3. P. 147–165. DOI: 10.31857/S023620070026110-8

Литература/References

Бринчук М.М. Эколого-правовая ответственность — самостоятельный вид ответственности // *Lex Russica*. 2016. № 6. С. 26–47.

Brinchuk M.M. Ekologo-pravovaya otvetstvennost' — samostoyatel'nyy vid otvetstvennosti [Ecological responsibility as an independent type of responsibility]. *Lex Russica*. 2016. N 6. P. 26–47.

Бушкова-Шиклина Э.В., Мусихина Т.А. Экологическая культура студентов: от повседневных практик к экологической ответственности // *Перспективы науки и образования*. 2020. № 2. С. 285–295.

Bushkova-Shiklina E.V., Musihina T.A. Ekologicheskaya kul'tura studentov: ot povsednevnykh praktik k ekologicheskoy otvetstvennosti [Students' ecological culture: from everyday practices to environmental responsibility]. *Perspectives of Science & Education*. 2020. N 2. P. 285–295.

Винокурова Н.Ф., Лоцилова А.А. Формирование экологической ответственности у учащихся 8-го класса средствами школьной географии на основе взаимосвязи классно-урочной, внеурочной и внеклассной деятельности // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2013. № 7. С. 115–118.

Vinokurova N.F., Loshchilova A.A. Formirovanie ekologicheskoy otvetstvennosti u uchashchihhsya 8-go klassa sredstvami shkol'noj geografii na osnove vzaimosvyazi klassno-urochnoj, vneurochnoj i vneklassnoj deyatel'nosti [Formation of ecological responsibility of 8th form pupils by the means of school geography on the basis of correlation of class, extracurricular and out-of-class work]. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*. 2013. N 7. P. 115–118.

Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2016 году». М.: Минприроды России; НИИ-Природа, 2017. 760 с.

В.А. Прохода
Экологическая
ответствен-
ность насе-
ления: опыт со-
циологическо-
го измерения

Razdel'nyj sbor othodov [Separate waste collection]. ANO Levada-Center. 13.05.20 [Electronic resource]. URL: <https://www.levada.ru/2020/05/13/razdelnyj-sbor-othodov/> (date of access: 26.02.2023).

Распоряжение Правительства РФ от 29 мая 2015 г. № 996-р «Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» [Электронный ресурс] // Официальный информационный ресурс Правительства России. URL: <http://static.government.ru/media/files/f5Z8H9tgUK5Y9qtJ0tEFnyHlBitwN4gB.pdf> (дата обращения: 13.01.2023).

Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 29 maya 2015 g. № 996-r «Ob utverzhdenii Strategiia razvitiya vospitaniya v Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda» [Decree of the Government of the Russian Federation of May 29, 2015 No. 996-r «On approval of the Strategy for the development of education in the Russian Federation for the period up to 2025». The Russian Government [Electronic resource]. URL: <http://static.government.ru/media/files/f5Z8H9tgUK5Y9qtJ0tEFnyHlBitwN4gB.pdf> (date of access: 13.01.2023).

Стримова А.В. Научно-теоретические основы формирования экологической культуры подростков // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 3. С. 84–88.

Stromova A.V. Nauchno-teoreticheskie osnovy formirovaniya ekologicheskoy kul'tury podrostkov [Basic scientific-theoretical approaches of teenagers' ecological culture formation]. *Tambov University Review. Series: Humanities*. 2009. N 3. P. 84–88.

Уровень экологической ответственности населения растет [Электронный ресурс] // Минприроды России. 30.03.2021. URL: https://www.mnr.gov.ru/press/news/uroven_ekologicheskoy_otvetstvennosti_naseleniya_rastet_47_rossiyan_planiruet_zanyatsya_razdelnym_sb/ (дата обращения: 08.03.2023).

Uroven' ekologicheskoy otvetstvennosti naseleniya rastet [The level of environmental responsibility of the population is growing]. *Ministry of Natural Resources and Environment of the Russian Federation*. 30.03.2021 [Electronic resource]. URL: https://www.mnr.gov.ru/press/news/uroven_ekologicheskoy_otvetstvennosti_naseleniya_rastet_47_rossiyan_planiruet_zanyatsya_razdelnym_sb/ (date of access: 08.03.2023).

Цветкова И.В., Иванова Т.Н. Социальные критерии экологической ответственности молодежи // Интеграция образования. 2017. № 4. С. 723–735.

Cvetkova I.V., Ivanova T.N. Social'nye kriterii ekologicheskoy otvetstvennosti molodezhi [Social criteria of young people's environmental responsibility]. *Integration of education*. 2017. Vol. 21(4). P. 723–735. DOI: 10.15507/1991-9468.089.021.201704.723-735

Шобонов С.А. Структура экологической ответственности личности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2009. № 2. С. 32–35.

Shobonov S.A. Struktura ekologicheskoy otvetstvennosti lichnosti [The Structure of a person's ecological responsibility]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta MVD Rossii*. 2009. N 2. P. 32–35.

Экологическая ответственность: глобальная политика сохранения окружающей среды [Электронный ресурс] // Группа «Деловой профиль». 20.07.2021. URL: <https://delprof.ru/press-center/open-analytics/ekologicheskaya-otvetstvennost-globalnaya-politika-sokhraneniya-okruzhayushchey-sredy/> (дата обращения: 13.01.2023).

В.А. Прохода
Экологическая
ответствен-
ность насе-
ления: опыт со-
циологическо-
го измерения

- 164

©2023 А.В. ПРОКОФЬЕВ

МОРАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ, МОРАЛЬНЫЕ САНКЦИИ И ЦЕННОСТНО-НОРМАТИВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ МОРАЛИ

Прокофьев Андрей Вячеславович — доктор философских наук, главный научный сотрудник сектора этики.

Институт философии РАН.

Российская Федерация, 109240 Москва, ул. Гонимая, д. 12, стр. 1.

ORCID: 0000-0001-5015-8226

avprok2006@mail.ru

Аннотация. Рассматривается вопрос о том, какое место в моральном опыте занимают моральные санкции — способ выражения ретроспективной моральной ответственности. Под моральными санкциями подразумеваются негативные последствия действия, пренебрегающего ценностно-нормативными ориентирами морали. Моральные санкции включают в себя осуждение агента со стороны других и его самоосуждение. Автор стремится установить, все ли ценностно-нормативное содержание морали поддерживается санкциями. Сначала он анализирует на этот предмет моральные нормы (правила, требования), выступающие источником моральных обязанностей. Попытка показать, что поддержка санкциями не является неотъемлемым признаком обязанности, была предпринята Г. Хартом. По мнению автора, Харт не учитывает «концептуальную интуицию» неразрывной связи обязанности с ответственностью и подотчетностью (формулировка С. Даруолла). Эта интуиция глубоко укоренена в моральном сознании и этической мысли (яркие ее выразители — С. Пуфендорф и Дж.С. Милль). Однако ценностно-нормативное содержание морали не ограничивается нормами (правилами,

СИМВОЛЫ. ЦЕННОСТИ. ИДЕАЛЫ

требованиями) и, соответственно, обязанностями. Моральные ценности могут воздействовать на мотивацию агентов не только опосредованно, через систему норм (правил, требований), но и напрямую. Р. Нозик, используя понятие «ценностная санкция», предположил, что в данной сфере действует особый тип санкций. Однако, как показывает в статье автор, «ценностная санкция» Нозика санкцией не является. Основной вывод настоящего исследования состоит в том, что та часть ценностно-нормативного содержания морали, которая находится по ту сторону санкций и ретроспективной ответственности, — это не просто пространство прямого действия моральных ценностей, а пространство, в котором такое действие ценностей никак не дублируется действием норм (правил, требований). Подобному описанию соответствует область сверхобязательного.

Ключевые слова: этика, мораль, моральные ценности, моральные нормы, моральные обязанности, моральная ответственность, моральные санкции, сверхобязательное.

Ссылка для цитирования: Прокофьев А.В. Моральная ответственность, моральные санкции и ценностно-нормативное содержание морали // Человек. 2023. Т. 34, № 3. С. 165–182. DOI: 10.31857/S023620070026104-1

Проблема моральной ответственности в определенной своей части неразрывно связана с вопросом об условиях и области применения моральных санкций. Под санкциями принято понимать особый вид негативных последствий действия, пренебрегающего ценностно-нормативными ориентирами поведения. Чтобы считаться санкцией, такие последствия должны быть сознательно созданы людьми в качестве ответа на подобное действие, а не сформированы безличными природными силами [Hieronymi, 2021: 230]. При этом создатели санкционных последствий должны видеть в последних нечто «заслуженное» агентом, который совершил действие, и/или средство предотвращения подобных действий в будущем. Мне представляется неоправданным сужение сферы санкций до тех негативных последствий поступка, которые создаются с отчетливо выраженными превентивными целями, хотя некоторые теоретики настаивают на нем [см.: Scanlon, 2008: 184–186]. В сознании участвующих в наложении санкций людей могут присутствовать исключительно соображения заслуженности.

Санкции могут носить материальный и идеальный характер. Моральные санкции, в отличие от правовых, принято считать идеальными, поскольку они состоят в осуждении агентов, в обращении к ним упреков, а не в причинении им физических страданий или лишении их каких-то материальных благ. Санкции также

могут быть внутренними, то есть обращенными агентом на самого себя, и внешними — обращенными на агента другими людьми. В этической теории есть прецеденты как исключения внутренних санкций из числа моральных, так и, наоборот, закрепления статуса подлинно моральных санкций только за ними [см.: Прокофьев, 2022б]. В данной статье я буду исходить из того, что моральные санкции являются идеальными, но при этом могут быть как внутренними (эмоционально нагруженное самоосуждение, обращение агентом упреков самому себе), так и внешними (осуждение агента окружающими).

Когда речь заходит о ретроспективном выражении моральной ответственности, то есть о том, несет ли какой-то агент ответственность за свое действие и за его последствия, то имеется в виду именно обоснованность наложения моральных санкций — обращения к агенту с упреками в том, что последний намеренно, по небрежности или по неосторожности действовал не так, как это предполагается ценностно-нормативными ориентирами морали. Отклонение подобных упреков может исходить из метафизических соображений, связанных со свободой воли, оценки общей «моральной вменяемости» конкретного агента, оценки его информированности и возможностей контроля над событиями в конкретной ситуации, а также от разграничений внутри ценностно-нормативного содержания морали. Последний вариант и задает проблематику данной статьи. Она посвящена вопросу о том, присутствуют ли санкции в процессе морального ориентирования поведения агентов повсеместно. Если нет, то агент может правомерно отклонить упрек в пренебрежении ценностно-нормативными ориентирами морали на основе того, что он пренебрег той их частью, которая не влечет за собой упреков. Если да, то такой возможности не существует.

Параллель из области философии права

Вклад в разрешение обозначенной теоретической контрверзы может внести анализ интересной параллели из философии права. Аналогом утверждения о повсеместном присутствии санкций в сфере морали выступает тезис о неразрывной связи правовой санкции с правовой нормой, а также с правовой обязанностью. Он укоренен как в отечественных, так и в зарубежных исследованиях природы права.

В советской и российской юридической науке правовая норма традиционно рассматривается как сочетание таких элементов, как гипотеза, диспозиция, санкция, где под гипотезой понимаются

А.В. Прокофьев
Моральная ответственность, моральные санкции и ценностно-нормативное содержание морали

■■■■■■■■■■
**СИМВОЛЫ.
ЦЕННОСТИ.
ИДЕАЛЫ**
■■■■■■■■■■

условия, в которых действует норма, под диспозицией — описание должного поведения, а под санкцией — последствия для нарушителя нормы, воплощающие правовую ответственность. В западной традиции исследования права тезис о неразрывной связи правовой нормы, правовой обязанности и правовой санкции тоже очень распространен; до определенного момента он даже был доминирующим. У истоков данного тезиса стояли Дж. Бентам и Дж. Остин. Он активно использовался и в более позднем позитивистском теоретическом правоведении. Так, Остин понимал правовую норму как приказ (команду, требование) совершать некие должные действия, причем приказ, исходящий от суверена, то есть того, кто имеет «привычку» повелевать и воспринимается в данном обществе как имеющий на это право. Приказ подкреплен угрозой причинения вреда за его неисполнение, то есть санкцией [Austin, 1995: 20–23, 166–169]. Схожим образом Г. Кельзен рассматривал правовой закон как норму, в которую на обязательной основе (имплицитно или эксплицитно) встроена идея наказания. По мнению Кельзена, закон обращен в первую очередь к тем, кто налагает санкции, а его нормативное содержание есть всего лишь условие их наложения или неналожения. Таким образом, те, кто своими действиями исполняет или нарушает закон, соотносят их не просто с нормами, но и с санкционным механизмом общества [Кельзен, 2015].

Наиболее ярким критиком указанного подхода стал Г. Харт. Он увидел в позиции Остина искажение как устоявшегося словоупотребления, так и описываемых им социальных реалий. Как показывает Харт, исходная формулировка Остина соответствует ситуации, в которой грабитель, угрожая пистолетом, принуждает банковского клерка передать ему содержимое кассы, но не ситуации законодательства, опирающегося на деятельность правоохранительных органов [Харт, 2007: 27]. Некоторые наиболее явные недостатки определения закона по Остину можно исправить. Для большего сходства с правом к формулировке Остина следует добавить пояснение о том, что команды или приказы, подкрепленные угрозой, выступают не единичными распоряжениями, а нормами, адресованными к группе лиц и действующими на протяжении длительного периода времени (тогда действия суверена окажутся более похожи не на ограбление, а на получение дани завоевателем, пришедшим на определенную территорию годы или десятилетия назад). Другое возможное дополнение касается того, что у источника остиновых команд или приказов не должно быть сравнимых с ним по репрессивной силе конкурентов, которые также приказывают или командуют, опираясь на угрозы (ни один бандит, как известно, не имеет монополии на грабеж).

Однако и с упомянутыми поправками определение права, опирающееся на связку «команда (приказ, требование) — санкция», уязвимо, что и показывает Харт. У него есть линия аргументации, направленная на выявление тех видов правовых норм, которые без подтасовок невозможно воспринимать как команды, подкрепленные санкциями. Она мало интересна в качестве параллели этическим спорам. Но имеет место и другая линия, которая касается той области права, где связь между нарушением нормы и санкциями наиболее очевидна. Речь идет об уголовном праве. Харт считает, что мысленное устранение из уголовного права санкций не мешает ему оставаться прозрачной системой стандартов поведения, обращенной в этом случае не одновременно к должностным лицам и тем людям, чьи действия могут угрожать чужой жизни, здоровью или имуществу, а исключительно к последним [Харт, 2007: 42]. Даже там, где в существующих ныне правовых системах присутствие санкций неоспоримо, эти санкции логически отделимы от нормативного содержания законов.

Чтобы продемонстрировать отсутствие связи между санкциями и самой природой права, Харт выходит на более высокий уровень обобщения и исследует феномен обязанности как таковой. Он обращает внимание на неоднородность терминологии, которая обозначает обязывание, и полагает, что концепция Остина «эксплуатирует» эту неоднородность, распространяя одно из обозначений на все остальные. «Правдоподобие схемы с вооруженным грабителем для объяснения смысла понятия “обязанность”, — пишет Харт, — обусловлено тем фактом, что это именно тот случай, когда мы уверенно можем сказать, что Б [жертва грабителя], если он принял решение повиноваться, будет “должен” отдать свои деньги. Однако, с другой стороны, ясно, что мы ошибочно истолкуем смысл ситуации, если скажем, что Б “имел долг” или “обязанность” отдать деньги» [там же: 88]. Русский перевод этого часто цитируемого в правовой литературе высказывания Харта не совсем строг: формулировку «B was obliged» точнее было бы перевести не как «Б будет должен», а как «Б обязали», хотя формулировка «B had an obligation» действительно переводится как «Б имел обязанность» [Hart, 1994: 82].

В чем состоит различие формулировок? В варианте со словом «обязали» предпочтительные в целом для агента действия (здесь — сохранение денег) становятся неприемлемыми в связи с аранжированными кем-то последствиями таких действий (здесь — потеря жизни или болезненное ранение). Менее серьезная угроза могла бы не сработать, и грабителю не удалось бы «обязать» клерка. Но если кто-то «имеет обязанность», то ее наличие не зависит от того, получилось ли принудить агента в действительности, и

А.В. Прокофьев
Моральная ответственность,
моральные санкции и ценностно-нормативное содержание морали

Харт отдает себе отчет в том, что у попытки Остина трактовать правовую обязанность в качестве коррелята угрозы санкциями есть свои преимущества. Данная попытка хорошо отражает некоторые особенности обязанности как таковой, а именно то, что в обязанность превращается поведение, которое воспринимается людьми как важное для общественной жизни, но противоречит желаниям (личному интересу) многих из них. Кроме того, любое иное понимание обязанности создает видимость того, что «обязанность или долг... [есть] незримые объекты, загадочным образом существующие “над” или “за пределами” мира обычных, наблюдаемых фактов» [Харт, 2007: 89]. Попытка привязать обязанность и долг к подлежащему эмпирической фиксации принуждению дает возможность уйти от «туманной метафизики».

Однако вместе с тем, как полагает Харт, из поля зрения Остина выпадает различие внешней и внутренней точек зрения на правила. Это именно внешний наблюдатель имеет возможность говорить о какой-то системе правил как о системе, позволяющей предсказывать вероятность применения санкций и на данной основе определять вероятность совершения членами общества поступков, соответствующих правилу. Такая же внешняя точка зрения свойственна еще одной категории лиц. Она «очень близко воспроизводит способ функционирования правил в жизни тех членов группы, которые отвергают ее правила и выполняют их только потому, что стремятся избежать тех негативных последствий, которые может повлечь неисполнение. О своем поведении они, скорее всего, скажут: “Мне пришлось сделать это”, “Меня могут наказать, если я не...”, “Вы будете наказаны, если не...”, “Вам сделают то-то, если...”. Но им не понадобятся выражения вроде: “Моей обязанностью было...”, “Вы обязаны”, ибо они требуются только тем, кто рассматривает свое поведение и поведение других с внутренней точки зрения» [там же: 95].

Харт считает принципиальным обстоятельством то, что в нормально функционирующем обществе преобладает не внешняя, а внутренняя точка зрения на закон, а она предполагает, что правила служат не предупреждением его членов о возможности санкций, а образцом, которому должны следовать все. Внутренняя точка зрения сконцентрирована не на санкции за невыполнение предписаний, а на авторитете, то есть на признании права определенной инстанции предписывать. Тех, кто стоит на этой точке зрения, интересует не вероятность наказания, а его оправданность, а значит, обоснованность самих правил. Если правило обосновано, то оно

достойно повиновения. Возвращаясь к рассуждению Харта об уголовном праве, справедливо предположить, что именно с внутренней точки зрения уголовный закон может оставаться законом без уголовных санкций. И даже более того, именно в такой перспективе отделение содержания уголовного закона от санкций не только логически возможно, но и «желаемо» [там же: 42]. Те же самые основания, которые заставляют общество вводить наказания, потребовали бы отмены последних, если бы этому не было фактических препятствий. Лишь некоторые особенности общественной жизни человека и необходимость защищать интересы тех, кто смотрит на правила с внутренней точки зрения, от тех, кто относится к ним внешним образом, ведут к учреждению системы уголовных санкций.

Для решения задач данного исследования аргументацию, использованную Хартом против Остина, можно перенести в контекст философии морали. Полагаю, что этому не может препятствовать то обстоятельство, что теория права Харта, как и теория права Остина, относится к правовому позитивизму в широком смысле этого понятия. В первом издании «Понятия права» (1961) Харт утверждал, что морально сомнительные правила вполне могут быть правовыми, а затем через три десятилетия в послесловии ко второму изданию этой работы уточнил свою позицию: несмотря на наличие множества ситуативных связей между содержанием морали и содержанием права, между ними отсутствуют связи концептуальные [Харт, 2007: 213; Hart, 1994: 268]. Однако, как уже говорилось, Харт перевел свою дискуссию с Остином о роли санкций в правовых системах на уровень обсуждения ключевого для морального опыта и этической теории понятия «обязанность» — без дополнительных его характеристик, таких как «правовая» и «моральная». Другим весомым доводом для использования теории права Харта в качестве отправной точки для обсуждения роли санкций в системе морали является то обстоятельство, что Харт рассматривал в качестве основания социальных феноменов морали и права так называемые «первичные правила обязанности» (подробнее о них будет сказано ниже).

Итак, если обязанность — это такой феномен, который по своей сути связан не с понуждением, а с признанием обоснованности требования, то моральная обязанность также не имеет необходимой связи с санкционным воздействием. Проекция позиции Харта в область морали ведет к признанию того, что моральные санкции выступают вынужденным дополнением к моральной обязанности, которое возникает вследствие каких-то частных, ситуативных, привходящих обстоятельств, но никак не неизбежным следствием существования обязанности, а тем более чем-то концептуально

А.В. Прокофьев
Моральная ответственность, моральные санкции и ценностно-нормативное содержание морали

■■■■■■■■■■
**СИМВОЛЫ.
 ЦЕННОСТИ.
 ИДЕАЛЫ**
 ■■■■■■■■■■

связанным с ней. Моральная обязанность в подобном случае предполагает: а) наличие самих по себе требований (указаний на предписанное или запрещенное поведение внутри нормативной системы морали); б) признание этих требований агентами в качестве руководства к действию. Сказать «я обязан» — значит продекларировать свое признание ценностно-нормативной системы в силу ее обоснованности и согласиться с ее требованиями применительно к конкретной практической ситуации. Тот, кто обязан, знает и признает, что определенные виды действия и бездействия запрещены (в целом и в каком-то конкретном случае). Однако постановки вопросов «Будет ли мне что-либо, если я все же сделаю нечто запрещенное?» и «Что именно мне будет в случае, если я сделаю нечто запрещенное?» идея обязанности не предполагает (по крайней мере, с необходимостью).

Концептуальная связь между обязанностями и санкциями

В истории этической мысли тезис о возможности отделить обязанность от санкций за ее неисполнение вызывал заметную оппозицию. В новоевропейском философском контексте ее образцовым воплощением считается этика, а также правовая теория С. Пуфендорфа, хотя на схожих позициях стояли Т. Гоббс и Дж. Локк. Закон для Пуфендорфа немыслим без того, чтобы за ним не стояла воля законодателя, который не просто провозглашает правило поведения, но и наказывает за его нарушение, налагает на нарушителя санкции [Pufendorf, 1934: 6, 18]. При этом и учреждение закона, и его поддержание с помощью санкций не есть просто применение силы, пусть и последовательное, реализуемое в соответствии с правилами. Закон и практика его применения воплощают идею авторитетной власти, то есть обоснованного принуждения людей — ограничения их свободной воли, опирающегося на право последнюю ограничивать. Обоснование обязательности какого-то действия не является заменой санкций, налагаемых за отказ от его совершения, но делает эти санкции не просто внушающими страх, но и заслуженными в глазах любого разумного человека, в том числе того, кто проявил неповиновение воле законодателя [ibid.: 91].

Верховным моральным законодателем у Пуфендорфа выступает Бог. Здесь основанием права требовать покорности и налагать санкции становится благодарность людей своему Создателю — существу, без творческого акта которого не было бы ни законопослушных, ни нарушителей закона [ibid.: 101]. Эта схема несет

в себе определенное противоречие в духе парадокса Евтифрона, поскольку предполагает, что долг благодарности не заповедан нам Богом, а является изначальным. Но в любом случае она отражает тезис о неразрывной связи нормативных оснований обязательного действия и санкций за его несовершенство. Гипотетически перед Божественным законодателем стоит выбор: а) дать людям требования, сопроводив последние их обоснованием (опираться на совестную регуляцию поведения); б) дать людям требования, пригрозив им санкциями (опираться на страх и прагматический расчет); в) дать людям требования, совместив в них апелляцию к их совести с устрашением. Казалось бы, преимущественным вариантом является первый, оставляющий человеку предельную свободу, а с ней — возможность достичь предельного совершенства. Однако Пуфендорф данный вариант не обсуждает. Для него «очищенная» от угрозы санкциями совестная регуляция попросту невозможна. И даже более того, хотя сама совесть выступает в том числе в своей ретроспективной, карающей ипостаси, она не только подсказывает нам решения, но и осуждает нас за ошибки, этого осуждения не хватает для формирования достаточно сильной моральной мотивации. С точки зрения Пуфендорфа, морального агента может мотивировать только внешняя санкция, а не самоосуждение или последующее за ним наказание самого себя. Подлинно моральным мотивом Пуфендорф считает «страх, смешанный с почтением» [ibid.: 95]. Иными словами, Создатель, по мнению Пуфендорфа, избрал третью из имевшихся у него возможностей (подробнее об обязанностях и ответственности у Пуфендорфа пишет С. Даруолл [см.: Darwall, 2013]).

Глубинные истоки свойственного Пуфендорфу понимания обязанности и ретроспективной ответственности С. Даруолл описывает следующим образом: «Теория Пуфендорфа сконструирована именно так, чтобы ухватить следующую концептуальную интуицию: что-то может быть по настоящему обязательным лишь в том случае, если те, на кого возложена обязанность, могут по справедливости нести ответственность и быть призваны к ответу» [ibid.: 197]. Вменяемость агента в сочетании с наличием закона означает его подсанкционность, и эта триада задает для Пуфендорфа границы области морального в широком смысле этого слова, объединяющем мораль и право в их современных значениях.

В более поздней этической мысли ту же идею артикулировал Дж.С. Милль, наполняющий содержанием идею морали именно с помощью понятий «обязанность» и «санкция». Милль пишет: «Идея карательных санкций, которая является сущностью закона, входит... в... понятие любого неправильного поведения.

А.В. Прокофьев
Моральная ответственность, моральные санкции и ценностно-нормативное содержание морали

■■■■■■■■■■
**СИМВОЛЫ.
 ЦЕННОСТИ.
 ИДЕАЛЫ**
 ■■■■■■■■■■

Характеризуя поступок человека как неправильный в моральном отношении, мы тем самым подразумеваем, что тот должен быть наказан тем или иным способом: если не законом, то мнением его собратьев, если не мнением, то упреками собственной совести» [Милль, 2013: 183; перевод скорректирован по: Mill, 1969: 246]. Обязанность, по Миллю, существует лишь там, где к определенному поведению можно обоснованно принудить угрозой наказания, хотя способы принуждения и формы наказания, как мы видим, могут быть разными, совсем необязательно институционализированными и физическими. Для Милля также важно, что обоснованность принуждения лишает не желающего исполнять свою обязанность права жаловаться на то, что его тем или иным образом принуждают к исполнению данной обязанности. Отличие позиции Милля от позиции Пуфендорфа состоит в том, что у первого рассуждение о необходимой связи обязанности и санкции выпадает из морально-теологического контекста. Используя термин Даруолла, можно сказать, что эта связь представляется Миллю именно «концептуальной». Милль выступает не как теолог, а как феноменолог морального опыта и утверждает, что феномен обязанности немыслим без санкций, пусть они сводятся всего лишь к угрызениям совести.

Конечно, в числе санкций, поддерживающих разные «системы нравственности», Милль обсуждает и те, которые, будучи «внешними», связаны не с «боязнью навлечь на себя немилость со стороны наших ближних», а с боязнью столкнуться с немилостью «Правителя Вселенной» [там же: 111; перевод скорректирован по: *ibid.*: 228]. Однако он ставит под вопрос попытки «трансцендентальных моралистов» показать, что сила действия внутренней санкции, то есть «упреков совести», зависит «от веры в то, что моральный долг имеет основание вне сознания» [там же: 119; перевод скорректирован по: *ibid.*: 229]. А в проанализированном выше фрагменте, устанавливающем обязательную связь признания поведения морально неправильным с какой-либо «карательной санкцией», санкции, налагаемые волей Божества, Милль даже не упоминает.

Вернемся к хартовскому пониманию обязанности. Почему оно сомнительно само по себе и почему сомнительна его проекция в область морали? Ключевой изъян подобного понимания обязанности состоит в том, что в нем Харт отталкивается от внутренней точки зрения на правило, а не на непереносимое пересечение двух точек зрения — внутренней и внешней. По Харту, для человека, полностью находящегося внутри какой-то нормативной системы, обязанность формируется на основе следующей совокупности элементов: «система правил» — «ее обоснование, демонстрирующее

критическую важность их исполнения» — «признание агентом этого обоснования» — «готовность агента к исполнению правил несмотря на личные потери». Агент, стоящий на внутренней точке зрения, признает авторитет источника правила, поэтому его (агента) поведение не зависит от того, полагаются или не полагаются какие-нибудь санкции за нарушение. Если считать, что обязанность действительно определяется совокупностью указанных выше элементов, то относящийся к системе правил внешним образом не имеет обязанностей, поскольку *не признает и не исполняет* предписания и запреты этой системы. Однако, по мнению всех, стоящих на внутренней точке зрения, он, без сомнения, эту обязанность имеет, и подтверждением тому является именно его подсанкционность (Харт это тоже понимает, поскольку упоминает «жулика», который имеет обязанность, хотя ее и не признает [Харт, 2007: 93]).

Подсанкционность присутствует и в том случае, если выпадает только один, последний элемент представленной выше совокупности — «готовность агента к исполнению правил несмотря на личные потери». Признание системы правил, как известно, не гарантирует ее исполнения. Нарушение правил может быть связано со слабостью воли и тогда сам агент или те, кто извне оценивает его поведение, будут рассматривать последнее как основу для применения более или менее жестких санкций. Это означает, что формулировка «иметь обязанность» распространяется и на те случаи, когда агент не отвергает систему правил, но последствия сбоев в его волевой сфере вызывают ретроспективное самоосуждение и осуждение со стороны окружающих. Способом проверки того, имеется ли в каком-то конкретном случае обязанность, является именно предполагаемая реакция на нарушение со стороны стоящих на внутренней точке зрения по отношению к системе правил. Отсюда следует, что элементами, из которых формируется обязанность, являются: «система правил» — «ее обоснование, демонстрирующее критическую важность их исполнения» — «система санкций, следующих за нарушением правил». То, что исполнение обязанности может происходить на основе признания убедительным обоснования правил, а не на основе страха санкций, не меняет в корне ситуацию. Даже тот, кто исполняет обязанности именно на основе убеждения, считает, что если его убеждения ослабеют или ему не хватит для соблюдения правила силы воли, то другие должны будут его осудить, а сам он должен будет испытывать чувство стыда или угрызения совести. Это подтверждает наличие концептуальной связи между обязанностью и санкцией.

Внешнюю правдоподобность рассуждению Харта придает то обстоятельство, что для него на первом плане стоят правовой закон,

А.В. Прокофьев
Моральная ответственность, моральные санкции и ценностно-нормативное содержание морали

■■■■■■■■■■
**СИМВОЛЫ.
 ЦЕННОСТИ.
 ИДЕАЛЫ**
 ■■■■■■■■■■

правовая обязанность и правовые санкции. Правовую обязанность и правовой закон еще можно мысленно отделить от санкций, моральную же обязанность и моральное правило — нет. Об этом свидетельствуют в том числе общая логика и терминология философии права Харта. Для Харта в основе нормативной системы общества, объединяющей право и мораль, лежат так называемые «первичные правила обязанности». В области права они «обрастают» большим количеством вторичных правил, но его ядро составляют именно «первичные». Специфика «первичных правил обязанности», по Харту, состоит в том, что они «отличаются от других как серьезным общественным давлением, поддерживающим их, так и необходимостью в значительной степени жертвовать индивидуальными интересами или склонностями, что подразумевает поведение, согласное с этими правилами» [там же: 172]. «Серьезное общественное давление», показывающее, что правило воспринимается как очень важное «для жизни и здоровья общества», является дефинитивным признаком «первичных правил обязанности». Без такого давления последние не могли бы быть опознаны как правила, порождающие обязанность. Но это, в свою очередь, означает, что обязанности нет, если нет общественного давления, а общественное давление — это, по сути, моральные санкции (у Милля — «наказание... мнением... собратьев»).

Таким образом, у Харта действует следующая схема: обязанность есть там, где присутствует высокая общественная значимость (важность) правила, которая, в свою очередь, выявляется по степени общественного давления, то есть по наличию и силе моральных санкций. Обсуждаемая концептуальная связь обязанности и санкции в этой схеме явно воспроизводится. Что касается правовой обязанности, то ее отрыв от санкций возможен лишь в том случае, если регулятивную роль правовых санкций будут брать на себя санкции моральные. Так могло бы быть в каком-то более совершенном мире, чем наш. Однако еще более совершенный мир, тот, в котором люди вели бы себя нравственно вообще без «общественного давления», стал бы уже не миром моральных обязанностей без санкций, а миром безо всяких обязанностей. Об этом — в заключительной части исследования.

Мораль за пределами санкций и ретроспективной ответственности

Поставленный в начале статьи вопрос о том, возможно ли отклонение упреков в пренебрежении ценностно-нормативными ориентирами морали на основе апелляции к неоднородности таких

ориентиров, теперь обрел более конкретный вид. На основе проведенного анализа установлена неременная связь между нарушением моральной нормы (правила, требования), тождественным неисполнению обязанности, и наложением моральных санкций, состоящих во внешнем осуждении или самоосуждении агента и выступающих выражением ретроспективной моральной ответственности. То, что в конкретной ситуации может не оказаться свидетелей нарушения, обладающих моральной чувствительностью, или то, что сам агент может оказаться бессовестным человеком, является случайным фактором и не влияет на установленную связь. Следовательно, отклонить моральные упреки на обсуждаемом в данной статье основании можно лишь в том случае, если не все ценностно-нормативное содержание морали выражено в виде норм (правил, требований), которые порождают обязанности, или, по-другому, если существует такое содержание морали, реализация которого никак не сопряжена с санкциями и ретроспективной моральной ответственностью.

Что это может быть за содержание? В его поисках стоит обратиться к используемому в этической теории определению «ценностно-нормативный», которое часто сопутствует понятию «содержание морали». Это определение предполагает, что моральные ориентиры, задающие поведение агентов, имеют двойственную природу: кроме норм (правил, требований) они включают в себя моральные ценности. И первые, и вторые по-разному воздействуют на поступки агентов и предполагают разную «механику» противостояния контрморальным психическим импульсам, которые имеют широкий диапазон — от стремления к удовольствию до реализации религиозных, познавательных, эстетических потребностей способами, противоречащими гуманистической установке морали.

Моральные ценности, взятые сами по себе, действуют наподобие магнита, притягивающего покоящийся или уже движущийся по какой-то траектории металлической предмет. Агент задает себе ключевой для античной (а с точки зрения некоторых мыслителей — для любой) этики вопрос: «Как мне следует жить?» Ответом на него служит представление о таком образе жизни, который очевидным образом лучше всех альтернатив как для этого агента, так и для любого человека. Неотъемлемой частью или даже ядром такого образа жизни является особого рода обращение с другими людьми: честное, уважительное, заботливое. Картина наилучшего образа жизни раскрывает перед агентом захватывающую перспективу перехода в качественно иное, высшее состояние. Как правило, эта картина задана не абстрактными и обобщенными характеристиками, а нарративами из жизни тех, кто уже прошел по

А.В. Прокофьев
Моральная ответственность, моральные санкции и ценностно-нормативное содержание морали

■■■■■■■■■■
**СИМВОЛЫ.
 ЦЕННОСТИ.
 ИДЕАЛЫ**
 ■■■■■■■■■■

пути совершенствования. Здесь имеет место сложное сочетание подражания, открытий и творчества (сравним восприятие фигуры Сократа в античной философии или восприятие фигуры Христа в христианской культуре). Контрморальные импульсы в таком случае дезактивируются, агент дистанцируется от них, поскольку их реализация не дает ему ничего сравнимого с моральным совершенством или совершенствованием. Моральные нормы (правила, требования) действуют, в свою очередь, по образцу придания формы расплавленному металлу или направления водного потока с помощью системы каналов и плотин. Они устанавливают внешние пределы сферы допустимых действий и конкретную форму действий обязательных. В отношении контрморальных импульсов происходит не дезактивация, а скорее обуздание.

Там, где содержание морали задают нормы (правила, требования), применение санкций структурно предопределено. Тот, кто нарушил норму (правило, требование), не исполнил обязанность и сделал это, будучи морально вменяемым, обладая достаточным знанием ситуации и возможностями контролировать ход событий, заслуживает упрек от других и сам должен себя упрекнуть. Там же, где поведение агента задается непосредственно ценностями, структурной предопределенности применения санкций нет. Если агент не увидел перспективы иного, более ценного существования, не сделал свою жизнь богаче и полнее, его можно лишь пожалеть, но не более того, так же как в случае с совершением какого-нибудь неблагоразумного поступка. Упреки оказываются здесь неуместны, пространство для санкций и ретроспективной ответственности не просматривается.

Есть, правда, и противоположная позиция. Мы обнаруживаем ее в философии Р. Нозика. Обсуждая тот механизм морального ориентирования, который я ассоциировал выше с ценностями, Нозик использует для его обозначения термин «моральное подталкивание». Неудача агента в сфере «морального подталкивания» выглядит, по Нозику, следующим образом. Неспособность к пониманию ценности того образа жизни, который ведут нравственные люди, имеет свою цену. Тот, кто ведет себя аморально, теряет что-то очень важное, оказывается в определенном смысле «менее преуспевшим», чем другие. Его существование объективно хуже, чем существование тех, кто так себя не ведет. Нозик пишет, что оно «менее ценно». Однако описание жизни безнравственного человека как неудачника и «менее преуспевшего» производится в таких категориях, к применению которых сам он может быть нечувствителен. Поэтому Нозик утверждает, что такой человек понес наказание, столкнулся с санкцией, но не способен воспринять их как наказание и санкцию, понять их смысл и значимость.

Безнравственный человек не способен осознать, что быть таким, как он, — уже наказание. Однако другие люди знают, как много он потерял, и понимают, что это именно действие определенной санкции. В отношении подобной ситуации Нозик применяет термин «ценностная санкция» (по всей видимости, чтобы отличить его от упоминаемого в той же работе «санкционирующего поведения», направленного на тех, кто нарушил норму) [Nozick, 1983: 406–411, 714].

Если принять используемую Нозиком терминологию, то оказывается, что в морали нет «пространства», в котором не действовали бы санкции, хотя санкции за безнравственное поведение существенно отличаются друг от друга. Однако подобное словоупотребление вряд ли обосновано. Исходная характеристика санкций, приведенная в начале статьи, предполагает, что негативные последствия действия, отклоняющегося от ценностно-нормативных ориентиров поведения, должны быть созданы сознательно и в качестве ответа на такое действие. «Ценностная санкция» Нозика ничего подобного не предполагает. Кроме того, санкции имеют место лишь там, где агент, на которого они наложены, болезненно переживает свои потери (санкционное последствие действия должно быть действительно негативным). Самоосуждение заведомо соответствует этому признаку: невозможно осуждать себя и не испытывать при этом страдания. Осуждение со стороны других тоже ему соответствует, хотя и в меньшей мере. Быть тем, к кому негативно относятся окружающие, по общему правилу неприятно. В случае с «ценностной санкцией» мы не видим ничего подобного, поэтому использование Нозиком слова «санкция» следует считать метафорическим.

Но если нет никакой особой «ценностной санкции», которая задавала бы ретроспективную ответственность в сфере непосредственного действия моральных ценностей, то значит ли это, что в данной сфере санкции полностью отсутствуют? Скорее всего, нет. К такому ответу склоняет анализ способов взаимодействия моральных ценностей и моральных норм (правил, требований). Моральные нормы (правила, требования) есть необходимое, хотя и несовершенное, конкретизированное выражение моральных ценностей. Однако моральные ценности могут определять поведение агента не только с помощью своих нормативных конкретизаций, но и непосредственно. Это непосредственное притяжение ценностей инициирует совершение разных поступков, в том числе тех, которые в свете норм (правил, требований) являются обязательными. Можно сказать, что в каких-то случаях непосредственное притяжение моральных ценностей дублируется нормой (правилом, требованием) и порожденной ими обязанностью.

А.В. Прокофьев
Моральная ответственность, моральные санкции и ценностно-нормативное содержание морали

СИМВОЛЫ. ЦЕННОСТИ. ИДЕАЛЫ

В качестве иллюстрации: непричинение вреда другому человеку может быть следствием прямого притяжения образа жизни, проникнутого заботой о других людях и уважением к ним. Импульсы, подталкивающие к причинению вреда, в этом случае дезактивированы, их не надо обуздывать. Однако если непосредственное притяжение ослабло, если дезактивация контрморальных импульсов прекратилась, то агент должен переключиться на другой способ морального ориентирования поведения, связанный с нормой (правилом, требованием) и обязанностью. То, что он не сделал этого, не обуздал свои контрморальные импульсы и все же причинил вред другому, служит основанием для упреков, санкций, ретроспективной ответственности. Хотя сама по себе потеря из виду ценности морального образа жизни таких последствий не влечет.

Отсюда следует, что пространство, свободное от моральных санкций и ретроспективной моральной ответственности, присутствует только там, где непосредственное притяжение моральных ценностей оказывается единственным способом противостояния контрморальным импульсам, где оно не дублируется нормой (правилом, требованием) и обязанностью. Другими словами, это пространство совпадает с областью сверхобязательного [см. подробнее: Прокофьев, 2022a]. Моральный упрек может быть отклонен на основе отсылки к неоднородности содержания морали только в одном случае: если агент может обоснованно утверждать, что действие, от совершения которого он отказался, хоть и является позитивно оцениваемым в моральной перспективе, но не вменено к обязательному совершению каждым человеком.

* * *

Итоги проведенного исследования можно резюмировать следующим образом. Моральные обязанности и моральные санкции, выражающие ретроспективную моральную ответственность, связаны между собой концептуально. И если бы мораль, как это представляется некоторым теоретикам, была тождественна системе моральных обязанностей, возникающих на основе моральных норм (правил, требований), то санкции присутствовали бы в ней повсеместно. Однако в ценностно-нормативном содержании морали есть и другой элемент, связанный с непосредственным воздействием моральных ценностей на поведение агента. Подобное воздействие формирует такую мотивацию, которая исключает размышление о возможных будущих санкциях даже в качестве неявного фона. При этом следует учитывать, что такая мотивация имеет место в двух случаях. Во-первых, когда агент совершает поступки, которые вменены ему в обязанность, но делает это на той

психологической основе, которая не характерна для выполнения обязанности. Его непосредственно притягивают моральные ценности, отраженные в каком-то жизненном нарративе или образе морального совершенства. Если такого притяжения оказывается недостаточно для совершения обязательного поступка и если не срабатывает «страховка», связанная с моральной нормой (правилом, требованием) и актуальным переживанием обязанности, то агент заслуживает осуждения. Таким образом, этот случай не находится за пределами санкций и ретроспективной ответственности. Во-вторых, когда агент совершает поступки, которые не входят в число обязательных, но имеют высокую моральную ценность. Это так называемая область сверхобязательного. В ней нет дублирования непосредственного действия ценностей действием норм (правил, требований), поэтому моральные санкции здесь неуместны. Только эта часть морального ориентирования поведения свободна от ретроспективной ответственности.

А.В. Прокофьев
Моральная ответственность, моральные санкции и ценностно-нормативное содержание морали

Moral Responsibility, Moral Sanctions, and the Content of Morality

Andrey V. Prokofyev

DSc in Philosophy, Chief Research Fellow of the Department of Ethics.

RAS Institute of Philosophy.

12/1 Goncharnaya Str., Moscow 109240, Russian Federation.

ORCID: 0000-0001-5015-8226

avprok2006@mail.ru

Abstract. The paper deals with the problem of the role of moral of sanctions — an expression of retrospective moral responsibility — in the moral experience. Moral sanctions are negative consequences of a moral transgression or deviation that spring from their condemnation. This kind of sanctions includes public censure and self-censure. The author tries to establish whether the all content of morality is supported by moral sanctions. The first object of the analysis are moral norms (rules, requirements) creating obligations. There is an interesting precedent of splitting apart obligations and sanctions in H. Hart's philosophy. Though Hart overlooks "the conceptual intuition that something can be genuinely obligatory only if those who are obligated can justifiably be held responsible or accountable for compliance" (S. Darwall). This intuition is deeply rooted in the moral consciousness and ethical thought (the most vivid examples — S. Pufendorf and J.S. Mill). But moral norms (rules, requirements) creating obligations are not the only element of the content of morality. Moral values have a capacity to influence the behavior of an agent not through norms (rules, requirements) but directly. R. Nozick supposed that there is a special type of sanction in this sphere (the so called "value sanction"). The author shows that it is not a sanction proper. The main conclusion of the paper is as

follows: the moral space without sanctions and retrospective responsibility is the space there moral values influence the behavior of an agent not only directly but without overlapping with moral norms (rules, requirements). Supererogation fits the bill perfectly.

Keywords: ethics, morality, moral values, moral norms, moral obligations, moral responsibility, moral sanctions, supererogation.

For citation: Prokofyev A.V. Moral Responsibility, Moral Sanctions, and the Content of Morality // Chelovek. 2023. Vol. 34, N 3. P. 165–182. DOI: 10.31857/S023620070026104-1

Литература/References

Кельзен Г. Чистое учение о праве. СПб.: Алеф-Пресс, 2015.

Kelsen H. *Chistoe uchenie o prave* [Pure Theory of Law]. St. Petersburg: Alef-Press Publ., 2015.

Милль Дж.С. Утилитаризм. Ростов н/Д.: Донской издательский дом, 2013.

Mill J.S. *Utilitarizm* [Utilitarianism]. Rostov-na-Donu: Donskoi izdatel'skii dom Publ., 2013.

Прокофьев А.В. Моральная универсальность и феномен сверхобязательных действий // Человек. 2022а. Т. 33, № 4. С. 148–164.

Prokofyev A.V. Moral'naya universal'nost' i fenomen sverkhobyazatel'nykh deistvii [Moral Universality and the Phenomenon of Supererogatory Acts]. *Chelovek*. 2022a. Vol. 33. N 4. P. 148–164.

Прокофьев А.В. Моральные санкции: две традиции понимания // Вестн. РУДН. Сер.: Философия. 2022б. Т. 26, № 2. С. 454–469.

Prokofyev A. V. Moral'nye sanktsii: dve traditsii ponimaniya [Moral Sanctions: Two Traditions of Understanding]. *Vestnik RUDN. Ser.: Filosofiya*. 2022b. Vol. 26, N 2. P. 454–469.

Харт Г.Л.А. Понятие права. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007.

Hart H.L.A. *Ponyatie prava* [The Concept of Law]. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2007.

Austin J. *The Province of Jurisprudence Determined*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.

Darwall S. *Honor, History, and Relationship: Essays in Second-Personal Ethics II*.
Oxford: Oxford University Press, 2013.

Hart H.L.A. *The Concept of Law*. Oxford: Clarendon Press, 1994.

Hieronymi P. Fairness, Sanction, and Condemnation. *Oxford Studies in Agency and Responsibility*. Vol. 8. Oxford: Oxford University Press, 2021. P. 229–258.

Mill J.S. Utilitarianism. *The Collected Works*. Vol. 10. London: Routledge and Kegan Paul, 1969. P. 203–259.

Nozick R. *Philosophical Explanations*. Cambridge: Belknap Press, 1983.

Pufendorf S. *On the Law of Nature and Nations*. Oxford: Clarendon Press, 1934.

Scanlon T. *Moral Dimensions: Permissibility, Meaning, Blame*. Cambridge: Belknap Press, 2008.

ИСКУССТВО В СЕТИ: В ПРЕДЕЛАХ ДОСЯГАЕМОСТИ?

В конце мая 2023 года Майк Винкельман опубликовал в социальных сетях новую работу: парящий в невесомости космонавт пытается дотянуться до блестящей сферы. Кажется, она совсем рядом, но в то же время остается недосыгаемой — в пустом пространстве нет поверхности, от которой можно оттолкнуться, чтобы преодолеть крошечное расстояние, отделяющее астронавта от его цели. По традиции художник воздержался от каких-то комментариев по поводу смыслов работы, ограничившись только названием — «Within reach» («В пределах досягаемости») — которое, впрочем, тоже ясности не прибавляет. Многочисленные подписчики высказывают самые разные предположения: одни убеждены, что художник таким образом выражает свое беспокойство по поводу экологических проблем (недаром скафандр космонавта увит зелеными растениями), другие высказывают предположение, что автор озабочен вопросами гендерной идентичности на галактическом уровне, а кто-то и вовсе утверждает, что это очередная симпатичная, но совершенно лишенная смысла картинка.

В то же время эта работа может быть воспринята, как идеальная иллюстрация сегодняшней жизни пользователей глобальной Сети. Интернет, в первую очередь, является поставщиком колоссальных объемов информации, воспринимать которую становится сложнее с каждым днем. Это касается всех аспектов человеческого знания, и, безусловно, справедливо для мира искусства: никогда прежде поистине бесценные сведения не были столь доступны — буквально в паре кликов.

Но у этой доступности есть и оборотная сторона. Становится крайне сложно отделить зерна от плевел, и в результате ищущий оказывается жертвой весьма противоречивой информации. При этом порой подобная информация появляется и тиражируется злонамеренно, а иногда — по незнанию, но исключительно из самых добрых побуждений.

Кто и когда приписал «Афродиту» Бугро остается загадкой, но в результате появилось две параллельные реальности: в одной автором «Афродиты» является современный греческий художник,

в другой — французский живописец XIX века. Это может показаться забавным, но репродукция этого портрета уже появляется не только в сетевых публикациях, но и в презентациях по истории искусства, которые готовят не слишком внимательные школьники и студенты.

Кажется очевидно, что следует пользоваться исключительно проверенными источниками: сайты крупных музеев, виртуальные выставки, наилучшим образом уберегут от сомнительной информации. Кроме того, сегодня многие преподаватели отмечают, что такие виртуальные проекты имеют большое образовательное значение.

Но только виртуальными выставками дело не ограничивается. На протяжении последних лет самые разные музеи создают программы (и, конечно, приложения для смартфонов), которые тоже называют «виртуальными выставками», хотя, наверное, это не вполне корректно. Так в 2019 году парижский Лувр запустил проект «Мона Лиза: за стеклом», виртуальное путешествие, позволяющее всесторонне исследовать самую известную картину в истории человечества. Погрузившись в цифровое пространство, пользователи могут не только познакомиться с историей создания «Джоконды», но и посмотреть, как она менялась с течением времени и даже «выйти за пределы» изображения — увидеть интерьер, в котором находилась модель, позировавшая Леонардо да Винчи. Не менее интересный и познавательный проект, получивший название «В трех измерениях...» был представлен и в Третьяковской галерее, где, воспользовавшись шлемами виртуальной реальности, посетители музея могли не только узнать о творчестве мастеров авангарда Казимира Малевича и Наталии Гончаровой, но и самостоятельно «воссоздать» их работы.

Неудивительно, что появилось немало восторженных отзывов, авторы которых восхищались объемом уникальной информации, еще недавно доступной только музейным работникам. Однако оказалось, что противников у такого формата не меньше: по их мнению, подобное цифровое погружение в мир искусства может отвлечь от реального взаимодействия с картинами или скульптурами. Конечно, можно говорить, что это совершенно разный эстетический опыт — цифровые репродукции лишены «энергетики» художника, они не способны вызывать эмоциональные переживания, тогда как только реальные произведения искусства пробуждают истинные эмоции.

Произведения искусства (пусть и их цифровые копии), находящиеся в зоне моментальной доступности — это благо, вот только последствия этого непредставимого ранее сближения пока невозможно оценить. С одной стороны, количество людей, получивших

А.Р. Апресян
Искусство
в сети:
в пределах
достижимости?

@ 2023 А.Р. Апресян,
кандидат философских наук,
доцент кафедры эстетики
философского факультета МГУ
им. М.В. Ломоносова

Правила оформления статей

Научный журнал «Человек» публикует статьи по результатам исследований, материалы дискуссий, обзоры научных событий и рецензии по широкому кругу философских и междисциплинарных проблем человека, антропологическим аспектам социальных, коммуникативных и индивидуальных практик.

Языки публикаций — русский и английский. Переводы на русский язык зарубежных авторов принимаются к рассмотрению при наличии документально подтвержденного разрешения на их публикацию со стороны правообладателя оригинала (рукописи, опубликованной работы, архивного документа и т.д.).

К рассмотрению не принимаются материалы, прежде публиковавшиеся в объеме более 20% представляемого текста. Направлением своего текста в редакцию журнала «Человек» автор подтверждает, что данный текст не передавался в какое-либо другое издание. Ссылка на журнал «Человек» при использовании опубликованных в нем материалов в последующих публикациях автора обязательна.

Редакция принимает материалы в электронном виде по адресу электронной почты: chelovek@iph.ras.ru

Объем принимаемых к рассмотрению аналитических и обзорных статей, включая метаданные (аннотация/abstract, ключевые слова/keywords, список используемых источников «Литература/References»), — 30–40 тыс. зн. (с пробелами), обзоров научных событий и рецензий — 10–20 тыс. зн. (с пробелами).

Тексты представляются с расширением doc или docx; шрифт Times New Roman; кегль 14; интервал 1,5 (подстрочные примечания — кегль 10, интервал 1); выравнивание по левому краю; переносы не используются; абзацный отступ 1 см; ориентация книжная. Форматирование абзацев заголовков, основного текста и подстрочных примечаний производится на основе шаблона стилей («ручное» форматирование абзацев не допускается). Тип основных кавычек — *елочки* («...»); в случае наличия внутри цитаты слов (словосочетаний), заключенных в кавычки, внешние кавычки цитаты — *елочки*, внутреннее — *лапки* («... “...” ...»). Между цифрами ставится короткое тире (–), без пробелов.

Представляемый к рассмотрению файл статьи должен содержать:

- УДК статьи;
- название статьи (прописными буквами);
- фамилию и инициалы автора(ов);
- сведения о финансировании и статусе исследования, на основе которого подготовлена статья (в подстрочном примечании на первой странице статьи);
- сведения об авторе(ах): фамилия, имя и отчество (полностью), ученая степень, ученое звание (если есть), должность, официальное название места работы/учебы и его полный почтовый адрес (страна, индекс, город, улица, здание), ORCID, адрес(а) электронной почты (слова «Адрес» и «Электронная почта/e-mail» не указываются; в случае отсутствия места работы/учебы указывается только адрес электронной почты);

- аннотацию (200–250 слов);
- ключевые слова (10 слов и словосочетаний);
- текст статьи;
- название статьи на английском языке;
- сведения об авторе(ах) на английском языке (те же, что и на русском языке, однако транслитерированные имя и фамилия автора даются полностью, а отчество сокращается до инициала, например: Maria I. Selezneva; почтовый адрес приводится в последовательности: здание, улица, город, почтовый индекс, страна);
- аннотацию на английском языке;
- ключевые слова на английском языке;
- список используемых источников «Литература/References».

Аннотация и ключевые слова не приводятся в обзорах научных событий и рецензиях.

Отдельным файлом в формате jpg представляется цветная фотография автора(ов) разрешением от 700х900 пикселей — плечевой портрет на однородном фоне светлых пастельных тонов (фотографии «на паспорт» не принимаются).

Статьи могут сопровождаться иллюстративным материалом, по возможности полноцветным. Иллюстрации принимаются в формате jpg, размером не менее 1300х1600 пикселей, каждая отдельным файлом, пронумерованные соответственно порядку размещения в статье. Отдельным файлом представляется список подписей, которые нумеруются соответственно иллюстрациям. Подписи должны содержать: *если это художественное произведение* — имя мастера, название его работы, год создания, место хранения; *если фотография* — содержание изображения, место, где сделано фото, год и другие необходимые, на взгляд автора, сведения. При необходимости указывается источник, откуда взято изображение. Все изображения публикуются при строгом соблюдении авторских прав.

Приводимые в статье цитаты, цифровая и фактическая информация подкрепляются автором ссылками на источники. Используемые в статье источники оформляются в качестве единого пристатейного (затекстового) библиографического списка «Литература/References», в котором указываются только те источники, на которые даны отсылки в тексте статьи.

Библиографическое описание источников в списке составляется согласно национальным стандартам (ГОСТ Р 7.0.100–2018, ГОСТ Р 7.0.5–2008). Сокращение слов и словосочетаний в библиографическом описании источников производится согласно ГОСТу Р 7.0.12–2011 и ГОСТу 7.11–2004.

Библиографический список состоит из двух частей. В первой его части указываются в алфавитном порядке издания на кириллице и их латинская транслитерация, с частичным переводом на английский язык, во второй (отделенной от первой горизонтальным пробелом) — в алфавитном порядке латиницы указываются труды, изданные на латинице, а также труды на восточных языках; последние даются в латинской транслитерации, с частичным переводом на английский язык (пример оформления библиографического списка «Литература/References» и библиографических описаний приведен в конце *Правил*).

Форматирование каждой библиографической ссылки (библиографической записи): первая строка — без абзацного отступа, последующие строки — с абзацным отступом 1 см.

В конце библиографических описаний нерусскоязычных изданий на кириллице и затем их же на латинице в круглых скобках указывается язык, на котором они изданы (в первом случае на русском, во втором — на английском), например:

Маринова Е.В. Етиката в България като споделено академично пространство // Етически изследвания. 2021. Т. 1, кн. 1. С. 3–29. (На болгарском языке).

Marinova E.V. Etikata v Bulgariya kato spodeleno akademichno prostranstvo [Ethics in Bulgaria as a Shared Academic Space]. *Eticheski izsledvaniya*. 2021. Vol. 6, Bk 1. P. 3–29. (In Bulgarian).

Библиографическое описание должно в полной мере соответствовать информации на титульном листе (в выходных данных) книги или в сопроводительной информации к статье.

Библиографическое описание статей и глав должно содержать информацию о страницах публикации. Сведения об общем количестве страниц изданий не приводятся.

Если у цитируемого источника имеется DOI, он указывается в конце библиографической ссылки. Точка после DOI не ставится.

В библиографической ссылке обязательно указание не только места издания, но и названия издательства.

Ссылка на веб-ресурсы при наличии бумажного издания не допускается.

Оформление первой части списка с изданиями на кириллице:

Каждая библиографическая ссылка дается одним абзацем, который содержит описание на языке оригинала, и — с новой строки этого же абзаца — в транслитерации, с частичным переводом на английский язык.

Библиографическая запись на языке оригинала оформляется следующим образом:

- фамилия и инициалы автора(ов) даются *курсивом*;

- место издания приводится в сокращении в соответствии перечнем ГОСТа по сокращению русских слов и словосочетаний, например: М., Ростов н/Д., СПб.;

- в выходных данных знак «номер» обозначается как №.

Эта же запись в транслитерации оформляется следующим образом:

- сохраняются форма и знаки препинания библиографических описаний на языке оригинала, за исключением: используемые в первой части списка две косые черты (//) заменяются точкой (.), а одна косая черта (/) — запятой (,);

- фамилия и инициалы автора(ов) даются прямым шрифтом;

- описание названия и статей, и книг на кириллице приводится сначала в латинской транслитерации (по стандарту BSI), а затем в английском переводе, заключенном в квадратные скобки;

- название издания (журнала, книги) дается *курсивом*;

- названия периодических изданий только транслитерируются;

- название (имя собственное) издательств только транслитерируется с добавлением слова «Publ.» (напр.: Khudozhestvennaya Literatura Publ.; Nauka Publ.; Respublika Publ.), а название организаций, выступающих в качестве издателя, приводится на английском языке, также с добавлением Publ. (напр.:

Moscow State Univ. Publ.; Russian Institute of Art History Publ.). Название организации в английском переводе должно соответствовать официальному, указанному на сайте организации; неперебиваемое на английский язык название организации только транслитерируется;

- место издания в ссылках на публикации на кириллице дается на английском языке (Moscow, St. Petersburg, Novosibirsk и т.д.); место издания во всех ссылках пишется полностью;

- обозначения томов, выпусков, глав, страниц дается только на английском языке (vol., iss., ch., p.);

- знак «номер» обозначается как N (точка после N не ставится).

Оформление второй части списка:

- фамилия и инициалы автора(ов) даются прямым шрифтом;

- название статьи отделяется от названия издания (журнала, книги) точкой;

- сведения о редакторах, составителях и т.п. отделяются от названия книги запятой;

- название издания (журнала, книги) дается курсивом;

- место издания пишется полностью;

- в библиографических ссылках на издания на европейских языках обозначения томов, выпусков, глав, страниц дается на языке оригинала; в библиографических ссылках на издания на восточных языках — на английском языке (vol., iss., ch., p.);

- знак «номер» обозначается как N (точка после N не ставится).

Отсылки на цитируемые издания даются в тексте статьи, включая подстрочные примечания в квадратных скобках, и оформляются в виде фамилии автора (в случае двух и более авторов — только первого автора) либо сокращенного заглавия издания (когда авторы не указаны) и через запятую года издания. При составлении текстовых отсылок руководствуются следующим:

- при необходимости через двоеточие указываются страницы, без помет «с.», «р.» и т.п., например: [Эванс-Причард, 2003: 121], [Философия культуры, 1999: 133–134];

- если в списке имеются работы авторов с одинаковыми фамилиями, то в отсылке к фамилии каждого автора добавляются инициалы, например: [Тимофеев К.Л., 1985; Тимофеев Д.П., 2011];

- при отсылке на источник, уже приведенный в предыдущей отсылке, вместо фамилии или сокращенного названия издания ставится [там же] или [ibid.];

- отсылка может содержать указание на несколько источников, сведения о различных изданиях отделяются друг от друга точкой с запятой, например: [Эванс-Причард, 2003: 121; Zhao, 2015: 97];

- отсылки могут включать слова: *см.*; *см., напр.*; *ср.*; *цит. по*, после которых ставится двоеточие, примеры: [см., напр.: Грималь, 2001: 43–51]; [цит. по: Kirmayer, 2013: 7].

При наличии в списке нескольких работ одного автора, изданных в один год, к указанию года в библиографическом описании добавляется литера (а, б, в — в первой части списка; а, b, c — во второй его части). Соответственно, год с добавлением литеры приводится и в текстовых отсылках на такие работы.

Например:

Отсылка в тексте статьи: [Арутюнова, 2003а]

Ссылки на источники в библиографическом списке:

Арутюнова Н.Д. Воля и свобода // Логический анализ языка. Космос и хаос: концептуальные поля порядка и беспорядка / сост. и отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2003а. С. 73–99.

Арутюнова Н.Д. Язык цели // Логический анализ языка. Избранное. 1988–1995 / сост. и отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2003б. С. 386–396.

Отсылка в тексте статьи: [Flickschuh, 2014b]

Ссылки на источники в библиографическом списке:

Flickschuh K. The Idea of Philosophical Fieldwork: Global Justice, Moral Ignorance, and Intellectual Attitudes. *Journal of Political Philosophy*. 2014a. Vol. 22, N 1. P. 1–26.

Flickschuh K. *Kant and Colonialism: Historical and Critical Perspectives*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2014b.

Научный журнал

Человек

2023. Том 34, номер 3

Учредители: Российская академия наук, Институт философии РАН

Издатель: Российская академия наук

119071, Москва, Ленинский пр-кт, д.14

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-76826 от 01.10.2019

Главный редактор *Р.Г. Апресян**

Ответственный секретарь *З.В. Островская*

Редакторы: *С.М. Марабанец, З.В. Островская, Н.Ф. Колганова, В.Л. Шарова*

Верстка и корректура: ООО «Интеграция: Образование и Наука»

Сдано в набор 23.05.2023. Подписано к печати 12.06.2023

Дата выхода в свет 27.06.2023

Формат 70х100 1/16. Печать офсетная. Гарнитура: Liberaton Serif, Carlito

Уч.-изд. л. 20,2. Тираж 130 экз. Заказ № 20/За

20 экз. распространяется бесплатно

Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-131-22

ООО «Интеграция: Образование и Наука»

105082 Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 314

Отпечатано в ООО «Институт информационных технологий».

170021, Тверская область, г. Тверь, Дачная ул., д. 33, офис 1

Подписной индекс — 39443

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования
и экспертного отбора.

Адрес редакции: Российская Федерация, 109240 Москва,
ул. Гончарная, д. 12, стр. 1

Номер телефона: +7 (495) 695-52-82

Электронная почта: chelovek@iph.ras.ru

Сайт: <https://chelovek-journal.ru>, <https://chelovek.iphras.ru>

Свободная цена

На первой странице обложки: Иоганн Паульсон Морельсе. Плачущий Гераклит.
Около 1630. Центральный музей Утрехта. Нидерланды

На четвертой странице обложки: Майк Винкельман. Within reach (В пределах
достигаемости)

* Включен Министерством юстиции РФ в реестр иностранных агентов.

18+